Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8
ИСТОРИЯ

№ 3 • 2019 • МАЙ–ИЮНЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Дементьева В.В. Архаический Рим в исследованиях И.Л. Маяк: теоретические проблемы и понятийный аппарат 3

Телин К.О. Эффект замедляющейся модернизации: «колея» и стабильность в Османской империи 31

Ткаченко В.В. Памятники и святыни древнего Киева в восприятии путешественников XVIII в. 51

Мальцева М.В. Профессиональные знания и умения «совершенного купца» и их реализация в деловой активности великоустюгской купеческой семьи Булдаковых в конце XVIII — начале XIX в. 69

Медяков А.С. «Открытки достаточно». Место и функции открытки в германской полевой почте периода Первой мировой войны 82

Лакстыгал И.М. Атлантизм США и европеизм Франции в греко-турецком конфликте (1967–1975) 98

Логвенков И.С. Политика правительства РСФСР по сдерживанию кризиса союзной экономики в августе–сентябре 1991 г. 115

Ли Ву Соп. История изучения звериного стиля хунну в России, Южной Корее, Китае и Монголии (основные вехи) 132

Кулаков В.И. Священное древо пруссов 147

Седов В.В. Церковь Покрова на Нерли и собор в Модене 161

CONTENTS

D e m e n t y e v a V.V. Archaic Rome in the Studies by I.L. Mayak: Theoretical Issues and Conceptual Apparatus 3

T e l i n K.O. The Effect of Slowing Modernization: "Path" and Stability in the Ottoman Empire 31

T k a c h e n k o V.V. Monuments and Shrines of Ancient Kiev in the Perception of the 18th-century Travelers. 51

M a l ' t s e v a M.V. The "Perfect Merchant's" Professional Knowledge and Skills and Their Implementation in the Business of the Veliky Ustyug Merchant Family of the Buldakovs in the Late 18th — Early 19th Centuries 69

M e d y a k o v A.S. "A Postcard Is Enough". The Place and Function of Postcards in the German Military Field Mail during the World War I . . . 82

L a k s t y g a l I.M. Atlanticism of the United States and europeanism of France in greco-turkish conflict (1967–1975) 98

L o g v e n k o v I.S. The Government of the RSFSR's Policy Implemented in August–September 1991 to Contain the Crisis of the Soviet Union Economy. 115

L e e W o o S e o p. History of the Xiongnu animal style study in Russia, South Korea, China, Mongolia (major milestones) 132

K u l a k o v V.I. The Sacred Tree of the Prussians 147

S e d o v V.V. The Church of Intercession on the Nerl' and the Cathedral in Modena 161

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2019

В.В. Дементьева*

АРХАИЧЕСКИЙ РИМ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И.Л. МАЯК: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ**

V.V. Dementyeva

ARCHAIC ROME IN THE STUDIES BY I.L. MAYAK: THEORETICAL ISSUES AND CONCEPTUAL APPARATUS

Аннотация. Предмет данного исследования — научное наследие Ии Леонидовны Маяк в области приоритетной проблематики ее изысканий — римской социальной истории царского и первой половины раннереспубликанского периодов. Анализируется позиция И.Л. Маяк по ряду ключевых теоретических вопросов римских штудий, связанных с осмыслением понятий *civitas*, *populus*, *ager publicus* применительно к архаической эпохе. Это первое обобщение научного вклада И.Л. Маяк в изучение социально-политических и социально-экономических отношений в Риме VIII — первой половины IV в. до н.э. Принципиальные положения трудов И.Л. Маяк рассматриваются в контексте мировой историографии последних десятилетий по данной тематике. Констатируется, что в ситуации, когда исследователи римской архаики разделились в своем отношении к сведениям анналистической традиции (как и в интерпретации археологического материала) на тех, кто отрицает, в целом, достоверность информации источников об этом времени (сторонники постмодернистского негативизма), и последователей А. Карандини, итальянского археолога, сделавшего важнейшие открытия на Палатине, убежденного сторонника признания значимости античного нарратива о раннем городе, И.Л. Маяк неизменно поддерживала второй подход.

* *Дементьева Вера Викторовна*, доктор исторических наук, руководитель Научно-образовательного центра антиковедения Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, профессор кафедры всеобщей истории ЯрГУ.

Dementyeva Vera Viktorovna, Doctor in History; Professor, Department of World History, Yaroslavl' Demidov State University; Head, Academic and Educational Centre for Classical Studies, Yaroslavl' Demidov State University

+7-910-665-05-51; vv_dementieva@mail.ru

** В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на Международной научной конференции «XXI Сергеевские чтения» (29.01–02.02.2019), организованной кафедрой истории древнего мира МГУ имени М.В. Ломоносова. Выражаю глубокую благодарность доцентам кафедры истории древнего мира МГУ, ученицам И.Л. Маяк, Н.Н. Трухиной и Н.В. Бугаевой за советы и рекомендации, высказанные при подготовке данной статьи.

В дискуссии рубежа 80-х — 90-х гг. на страницах «Вестника древней истории» по поводу концепции Е.М. Штаерман о римской *civitas* до эпохи Октавиана Августа как безгосударственном образовании, И.Л. Маяк была в числе тех, кто, не отрицая основного методологического посыла Е.М. Штаерман (определения государства, выработанного теорией общественно-экономических формаций), не согласился с ее аргументацией. Сущностной чертой римской гражданской общины И.Л. Маяк считала наличие в ней античной формы собственности, отличавшей *civitas* (и полисную организацию в целом) от общины древневосточных городов-государств. Она полагала, что плебеи не были включены в *populus* не только в царский период, но и во время ранней Республики. Неравноправие плебеев в земельных отношениях И.Л. Маяк усматривала в недоступности для них *ager occupatorius*, которым бесплатно распоряжались патрицианские посессоры, а смысл аграрной борьбы — в том, чтобы изменить в интересах плебса режим эксплуатации *ager publicus*. И.Л. Маяк относится к тем немногочисленным исследователям, которые посвятили свои труды не только институционально-правовой, но и социальной истории римской общины архаической эпохи.

***Ключевые слова**:* римская *civitas*, *populus, ager publicus*, плебеи, патриции, царский период, ранняя Республика, римская социальная история.

Abstract. The subject of this study is the academic heritage of Iya Leonidovna Mayak related to the principal issues of her research, i.e. the Roman social history of the royal time and the first half of the early republican period. The article analyzes Mayak's ideas concerning a number of key theoretical issues of Roman studies related to the concepts of *civitas*, *populus*, *ager publicus* during the archaic era. This is the first attempt at generalizing the academic contribution of I.L. Mayak in the study of socio-political and socio-economic relations in Rome from the VIII to the first half of the 4th century B.C.E. The fundamental ideas of the works by Mayak are considered in the context of the world historiography of recent decades. The author stats that while the scholars of the Roman archaic society were divided in their attitude toward the annalistic tradition, as well as the interpretation of archaeological material, and one group of them, the adepts of postmodern negativity, generally denied the reliability of the sources regarding this ancient period of Roman history, I.L. Mayak invariably supported the followers of the Italian archaeologist A. Carandini, who insisted on the importance of the ancient narrative on the early city. In the discussion on pages of the *Bulletin of Ancient History* at the turn of the 1980s–1990s regarding E.M. Staerman's concept of the Roman *civitas* as a stateless formation before the era of Octavian Augustus, I.L. Mayak was among those who did not agree with her argument, without denying Staerman's main methodological approach. According to Mayak, the essential feature of the Roman civil community was an ancient form of ownership that distinguished *civitas* and polis organization as a whole from the community of ancient eastern city-states. She thought that the *plebs* were not included in the *populus*, not only in the royal time, but also during the early Republic. Mayak regarded the plebeians' lack of access to the *ager occupatorius*, which was disposed by the patricians for free, as a sign of

inequality in the area of land relations. She saw the purpose of the agrarian struggle as changing the mode of operation of the *ager publicus* in the interests of the plebs. I.L. Mayak happened to be among those few scholars who devoted their works not only to the institutional and legal history of the archaic Roman community, but also to its social studies.

Keywords: Roman *civitas*, *populus*, *ager publicus*, plebeians, patricians, royal period, early Republic, Roman social history.

* * *

Памяти заслуженного профессора МГУ
Ии Леонидовны Маяк, моего научного консультанта
в докторантуре на кафедре истории древнего мира,
умудренного учителя в науке и жизни

Nomen est omen — имя есть знамение, говорили римляне. Ие Леонидовне Маяк (27.09.1922 — 16.12.2018) судьбой предначертано было стать интеллектуальным маяком, нести светлый творческий импульс всем, кто исследовал античную историю или просто изучал ее на студенческой скамье. С 1961 по 2018 г. она работала на кафедре истории древнего мира МГУ, долгое время прекрасно читала основной курс римской истории, увлеченно вела специальные дисциплины, много сил отдавала своим дипломникам и аспирантам. Основательность подхода к любому делу, которое она выполняла, проявилась и в тщательности научного поиска (от защиты ее кандидатской диссертации в 1954 г. до защиты докторской в 1983 г. прошло без малого 30 лет напряженного труда), и в предельно ответственном отношении к многочисленным обязанностям: заместитель декана в 60-е гг., член экспертного совета ВАК в 80-е гг., член ряда диссертационных советов различных вузов и многолетний председатель диссертационного совета по всеобщей истории на родном факультете, председатель его методической комиссии, член редакционного совета «Вестника древней истории» и редколлегии журнала «IVS ANTIQVVM. Древнее право», редактор перевода и переводчик «Римских древностей» Дионисия Галикарнасского — не перечислить всех забот, которые взваливала на свои плечи эта хрупкая женщина, сильная духом.

Ия Леонидовна не просто была великолепным исследователем, она создала свою научную школу изучения римской истории, а это под силу только тем ученым, которые обладают по-человечески щедрой натурой, ибо взращивать ростки таланта — труд очень кропотливый, требующий в ущерб воплощению собственных идей постоянно оказывать помощь другим в их становлении и развитии как специалистов.

Свет творческого маяка не угас с уходом Ии Леонидовны — он озаряет души ее учеников (и теперь уже учеников ее учеников) искорками ее пламенной любви к античному Риму, он светит нам со страниц ее научных исследований.

———

Понятие «архаический Рим», которым Ия Леонидовна Маяк часто пользовалась, охватывает царский период VIII–VI вв. до н.э. и первую половину ранней Республики, примерно до середины IV в. до н.э., т.е. до реформы Лициния–Секстия 367 г. до н.э.[1] (традиционная датировка всей истории ранней Республики: 509–287 гг. до н.э.). Она использовала для определения этапов республиканского периода и понятия «средняя Республика» (широко распространенное в зарубежной историографии, т.е. 287–133 гг. до н.э.[2]), «поздняя Республика» (133–30 гг. до н.э.), а также называла «классическим Римом» позднюю Республику и раннюю Империю в совокупности, объясняя такое определение тем, что «в это время замечательно расцвела типичная античная римская цивилизация»[3].

И.Л. Маяк стремилась определить стадиальное развитие в рамках архаической эпохи и, вместе с тем, связующие нити между этими стадиями, она подчеркивала: «Современный уровень знаний римской архаики позволяет говорить о ней не “вообще”, не “в общем и целом”, а выделяя разные этапы ее развития и выявляя их специфику. Многие феномены и события ранней Республики невозможно понять без углубления в царскую эпоху, которая в свою очередь не может рассматриваться единообразной, так же как эпоха ранней Республики в социально-политическом отношении — не застывший монолит. V и IV вв. до н.э. разнятся между собой»[4].

Изучение архаического времени сопряжено с большими сложностями, в первую очередь источникового и источниковедческого характера, а также в связи с периодически возникающими волнами негативизма агностического свойства, доходящими иногда до размеров девятого вала. Для преодоления этих трудностей и противостояния этим веяниям требуется подчас настоящее исследовательское мужество, независимость суждений, неподверженность влияниям «научной моды», — всеми этими качествами в полной мере обладала

[1] Этим годом в истории римского права принято датировать начало «предклассического» периода его развития.

[2] Синонимичным понятием служит «классическая Республика».

[3] *Маяк И.Л.* Римляне ранней Республики. М., 1993. С. 10.

[4] Там же. С. 64.

Ия Леонидовна, опыт которой демонстрировал здоровый консерватизм, преемственность в накоплении знаний, позитивное развитие научных теорий без необоснованного отрицания сделанного предшественниками. Ситуацию в изучении царской эпохи и ранней Республики примерно до 400 г. до н.э. хорошо обрисовал Уве Вальтер в статье 2016 г., отметивший, что многочисленные работы, среди них обширные ученые труды по отдельным царям, характеризуются некоторыми исследователями как не имеющие научной ценности из-за того, что эти исследователи скептически относятся к литературной традиции и археологическим данным; с другой стороны, А. Карандини, выдающийся археолог и знаток раннего urbs[5], ругает своих антиподов как минималистов, примитивистов, позднедатировщиков, гиперкритиков, а иногда даже как мазохистов, мошенников и лицемеров[6]. Ия Леонидовна всегда была целиком и полностью на стороне А. Карандини, хотя резких характеристик оппонентам не давала, ограничиваясь их обозначением как гиперкритиков. У. Вальтер снова вносит проблематику царского периода в дискуссионное поле в стремлении сократить пропасть между агностицизмом и «герметическими реконструкциями»[7]. Обнадеживает то, что в последние два-три года не только намечается, но и начинается преодоление постмодернистского негативизма в отношении римской архаики. Процитированная статья У. Вальтера тому подтверждение (и это при том, что автор — ученик Йохена Бляйкена, крайне негативно относившегося к исследованиям ранней римской истории на основе анналистической традиции): в ней ставится задача освещения ранних отношений и процессов «в двойной контекстуализации: генетически — в общем ходе римской истории и типологически — в общей картине древних монархий»[8]. Собственно, в первом из названных ракурсов Ия Леонидовна Маяк и вела свои исследования (и очень жаль, что зарубежные ученые не читают труды на русском языке). В статье 2017 г. У. Вальтер, проанализировав семантику сочинений нарративной традиции, констатировал, что актуализация в ней плебейско-патрицианской борьбы ранней эпохи в гракханское,

---

[5] Именно А. Карандини (Andrea Carandini) сделал ряд важнейших открытий при археологических раскопках в Риме, в том числе нашел стену VIII в. до н.э., атрибутировав ее как померий города, что означало подтверждение сведений нарративной традиции.

[6] *Walter U.* Mehr als Mythos und Konstruktion? Die römische Königzeit // Historische Zeitschrift. 2016. Bd. 302. S. 2.

[7] Ibid.S. 35.

[8] Ibid. S. 3.

сулланское и цезарианское время связана с расколом res publica на две части в ходе соответствующих гражданских конфликтов, когда активизировалась ретроспекция на противостояние архаических сословий. Но одновременно он сделал вывод, что патрицианско-плебейский антагонизм, отраженный в римской историографии, имея предпосылкой своего возникновения названную рефлексию, обусловленную социально-политической борьбой поздней Республики, ни в коем случае не был создан этой историографией или не «соучрежден» ею (в оригинале глаголы konstituieren — буквально: «конституирован/учрежден» и mitkonstituieren — «совместно создан/соучрежден»)[9]. Как отмечает У. Вальтер, борьба патрициев и плебеев, имеющая параллели с политической ситуацией времени поздних римских авторов, появляется на страницах их сочинений одновременно как чуждая их эпохе, «особенно через ее многочисленные особенности — акторы, рамочные условия, отдельные темы, такие как nexum, conubium, военная служба — очень далекие и отличающиеся от современности автора и читательской массы»[10]. Изучая патрицанско-плебейские конфликты в раннем Риме, И.Л. Маяк обращала внимание именно на эти архаические черты социума, отраженные в более поздних нарративах, полагая их адекватными древней эпохе.

В плане методологии И.Л. Маяк была воспитана на теории общественно-экономических формаций и, по большому счету, осталась в рамках ее понятийных установок до конца жизни (хотя категоричные формулировки теории ОЭФ с течением времени смягчала), но никогда не подходила к ним догматически и не становилась в менторскую позицию по отношению к трудам «буржуазных ученых» из-за того, что они не разделяли марксистскую методологию. Наглядным примером этому служит ее рецензия 1958 г. на монографию Дитмара Киназа[11]: в ней нет ни единого момента, который сейчас, 60 лет спустя, выглядел бы идеологически *зашоренным* и методологически навязчивым, что нередко можно встретить в работах того времени.

За приверженностью И.Л. Маяк методологическому аппарату теории ОЭФ стояла убежденность в главенствующей роли социально-экономических процессов, определяющих общество, при том,

---

[9] *Walter U.* Patrizier und Plebeier in der römischen Historiographie // Museum Helveticum. 2017. Bd. 74. S. 193.

[10] Ibidem.

[11] *Маяк И.Л.* Dietmar Kienast, Cato der Zensor. Seine Persönlichkeit und seine Zeit, Heidelberg, 1954 // Вестник древней истории. 1958. № 3. С. 195–197.

что понятия «базис» в ее работах я не нашла, а «надстройка» встречается крайне редко[12]. Ия Леонидовна применяла понятие «классы» с тем его содержанием, которое вкладывает в него формационная теория: большие группы людей, отличающиеся по отношению к собственности на средства производства и участием или неучастием в производительном труде; второй признак она использовала в расширительном толковании — «место и роль людей в системе общественного хозяйства»[13]. При этом, изучая социальное деление архаического Рима, она не избегала применительно к патрициям и плебеям понятия «сословия», имея в виду группы людей, отличающихся правами и обязанностями, зафиксированными в обычном или писаном праве. Поэтому социальная структура в ее описании выглядела как наличие «классов-сословий»: «патриции и плебеи начала Республики различались между собой не только в юридическом отношении, но и в социально-экономическом, т.е. обладали и сословными и классовыми признаками»[14]. Вместе с тем, она, читая мою докторскую диссертацию в качестве научного консультанта, спокойно относилась к тому, что я называла патрициев и плебеев архаическими сословиями и понятие «классы» к ним не применяла, никакого «нажима» с желанием «обратить в свою веру» я от нее не испытывала вообще, и в данном вопросе в частности.

В соответствии с марксистским подходом, Ия Леонидовна считала, что государство возникает тогда, когда возникают классы, она полагала, что при Сервии Туллии «завершились те общественные и политические процессы, которые привели Рим от разлагавшегося первобытного строя к государству и цивилизации»[15]. Примечательна ее позиция в дискуссии 1989–1990 гг. на страницах «Вестника древней истории» о возникновении государства в Риме, инициированной Е.М. Штаерман. Елена Михайловна исходила из марксистского определения государства как оторванного от народа аппарата принуждения, действующего в интересах господствующего класса, но не находила в Риме V–I вв. до н.э. ни сложившихся классов (патриции и плебеи, на ее взгляд, классами не являлись, т.к. не различались в праве на землю), ни сколько-нибудь развитой бюрократии, ни отделенной от народа и использовавшейся против него армии. Поэтому она сделала вывод, что процесс формирования римского государства

[12] Например, «политическая надстройка». См.: *Маяк И.Л.* Ранняя Республика в Риме V–IV вв. // История Европы. Т. 1. М., 1983. С. 353.

[13] *Маяк И.Л.* Римляне ранней Республики. М., 1993. С. 105.

[14] Там же. С. 135.

[15] Там же. С. 15.

завершился только при Августе, civitas республиканской эпохи (и античный полис в целом) — безгосударственные образования[16]. В противоположность такому подходу И.Л. Маяк подчеркивала, что Рим был классовым обществом «уже к началу Республики»[17]. Ия Леонидовна в ходе дискуссионных обсуждения была в числе тех, кто поддерживал основной методологический посыл Е.М. Штаерман, взятое ею марксистское определение государства, но не согласился с ее аргументацией. Другие исследователи, наоборот, отчасти соглашаясь с рядом характеристик римского общества, данных Е.М. Штаерман, увидели причину ее неприемлемых для них выводов в неполноте и неуниверсальности исходного для нее определения государства (Н.Н. Трухина[18], К. Николе[19], О.Г. Большаков[20], Л. Капогросси Колоньези[21], А.Л. Смышляев[22], В.А. Якобсон[23], — я поддержала именно их[24]). Ия Леонидовна, отталкиваясь от признаваемого Е.М. Штаерман утверждения, что потестарная власть переходит в политическую с появлением частной собственности и с разделением общества на

---

[16] *Штаерман Е.М.* К проблеме возникновения государства в Риме // Вестник древней истории. 1989. №2. С. 76–94.

[17] *Маяк И.Л.* К вопросу о социальной структуре и политической организации архаического Рима // Вестник древней истории. 1989. №3. С. 96. В целом же она всегда, и до названной дискуссии тоже, считала полис государством, см., например: «...гражданство мы понимаем как элемент государственного бытия и, таким образом, считаем полис социально-экономическим и политическим образованием и видом античного государства» (*Маяк И.Л.* Рим первых царей (Генезис римского полиса). М., 1983. С. 29).

[18] *Трухина Н.Н.* Римская civitas III–II вв. до н.э.: архаический раннеклассовый социум или государство? // Вестник древней истории. 1989. № 4. С. 74–75.

[19] *Николе К.* Римская республика и современные модели государства // Вестник древней истории. 1989. №3. С. 97–99.

[20] *Большаков О.Г.* Общество, классы, государство: важность дискуссии // Вестник древней истории. 1989. № 3. С. 90–91.

[21] *Капогросси Колоньези Л.* Формирование государства в Риме (Точка зрения историка права) // Вестник древней истории. 1990. № 1. С. 94–97.

[22] *Смышляев А.Л.* Античная гражданская община: отсутствие или особый тип государственности // Вестник древней истории. 1989. № 3. С. 99–101.

[23] *Якобсон В.А.* Государство и социальная психология // Вестник древней истории. 1989. № 4. С. 75–78.

[24] *Дементьева В.В., Чеканова Н.В.* К дискуссии о возникновении римской государственности // Политические структуры и общественная жизни Древнего Рима. Проблемы античной государственности / Отв. ред. В.В. Дементьева. Ярославль, 1993. С. 3–9. Отмечу, что дискуссии в мировой историографии по поводу применения понятий «государственность» и «государство» не утихают, часть исследователей придерживается этатических позиций, часть — противоположных. См., например: Staatlichkeit in Rom? Diskurse und Praxis (in) der römischen Republik / Hg. Ch. Lundgreen. Stuttgart, 2014.

классы, констатировала наличие частной собственности на землю в раннем Риме, во всяком случае, во времена законов XII таблиц, а поскольку законы фиксируют уже сложившуюся практику, то, на ее взгляд, частная собственность появилась еще в царскую эпоху, в VI в. до н.э.[25] И.Л. Маяк не соглашалась также с тезисом Е.М. Штаерман об отсутствии эксплуатации патрициями плебеев в целом, как класса[26].

Однако в отличие, например, от В.И. Кузищина[27], характеризовавшего римское общество как классовое, исходя из представления о наличии класса рабов и рабовладельцев[28], Ия Леонидовна, отмечая, что рабы в Риме появились очень рано, но их было мало, они не играли заметной роли в производстве, и потому «до рабовладельческого общества было еще очень далеко», делала вывод, что «рабство... не придало рабовладельческого характера римскому обществу и в начале Республики»[29].

Обращаясь к теориям происхождения патрициев и плебеев[30], И.Л. Маяк всегда отстаивала гипотезу Бартольда Нибура, который усматривал в патрициях коренное гражданское население, а в плебеях — переселенцев из других общин (добровольно или принудительно перемещенных). И.Л. Маяк в русле и в развитие этой теории считала плебеев депортированными латинами («первые плебеи — это завоеванные Анком Марцием и переселенные в Рим латины, не включенные в родовую организацию 30 курий»[31]; затем

---

[25] *Маяк И.Л.* К вопросу о социальной структуре... С. 95.

[26] Там же. С. 96.

[27] Василий Иванович критиковал Е.М. Штаерман за то, что она «устанавливает излишне жесткую зависимость возникновения государства от процесса появления классов», правильнее же говорить «не столько о классовой, сколько о социальной дифференциации» (*Кузищин В.И.* О формировании государства в Риме // Вестник древней истории. 1989. № 3. С. 93).

[28] При этом В.И. Кузищин подчеркивал, что «в древности классы, включая рабов и рабовладельцев, не достигли своих классических форм, сохраняли известную аморфность структуры, хотя и не переставали быть классами» (*Кузищин В.И.* О формировании государства в Риме... С. 93).

[29] *Маяк И.Л.* К вопросу о социальной структуре... С. 95.

[30] В суммарном виде теории происхождения патрициев и плебеев см.: *Дементьева В.В.* Государственно-правовое устройство античного Рима: ранняя монархия и республика. Ярославль, 2004. С. 56–57. Дополнительно можно назвать несколько упрощающие картину подходы к дефиниции патрициев, так, например, Мирослава Миркович считает, что патрицианская часть населения может быть определена исходно как патриархальная и патрилинейная (патриции — признанные отцами, плебеи — те, чьи отцы не известны). См.: *Mircović M.* Der Vater und die Patrizier: *qui patrem ciere possent?* // Klio. 2004. Bd. 86. S. 83–100.

[31] *Маяк И.Л.* Римляне ранней Республики... С. 66.

«появились другие каналы, расширявшие ряды плебеев», их могли пополнять «прибывшие в Рим добровольные переселенцы из числа соседних простолюдинов»[32]). Сопоставляя теорию происхождения плебеев Нибура с теорией, трактующей плебеев как результат дифференциации римского общества (Эд. Мейер, Ж.-К. Ришар), она поясняла, почему взгляд Нибура для нее более предпочтителен (хотя признавала, что обе точки зрения имеют опору в источниках): «во-первых, в его пользу аргументов больше, во-вторых, они почерпнуты в традиции более, чем в умозрении, в-третьих, теория Нибура объясняет своеобразие патрициев и плебеев, а высказывания Ришара этого не достигают»[33]. И.Л. Маяк признавала наличие у плебеев родовой организации, что находит поддержку в зарубежной историографии, например у Ричарда Митчела, хотя он, в отличие от Ии Леонидовны, допускает вхождение плебеев в состав курий[34]. Представления же о значимости курий для периода архаики, которое было свойственно И.Л. Маяк, нередко присутствует в работах последнего десятилетия[35].

Вообще же фигура Нибура-исследователя оценивалась Ией Леонидовной чрезвычайно высоко. В статье о Т. Моммзене, говоря о его предшественниках, она писала: «Не подлежит сомнению то, что первое место в этом ряду принадлежит Нибуру, создателю научного источниковедения. Именно он заложил основы критического анализа текстов античных авторов с выявлением в них достоверных зерен. Ему также принадлежит идея использования этнографического материала в качестве исторического источника»[36].

И.Л. Маяк в своих работах постоянно подчеркивала значение критического метода анализа источников, введенного Б. Нибуром[37], находила дополнительные аргументы в пользу его исследовательских позиций, вскрывала слабость контраргументов его противников,

---

[32] *Маяк И.Л.* Римляне ранней Республики... С. 68.

[33] *Маяк И.Л.* Значение ager publicus в раннереспубликанском Риме // Социальные структуры и социальная психология античного мира. М., 1993. С. 22.

[34] *Mitchell R.E.* The Definition of *patres* and *plebs*: An End to the Struggle of the Orders // Social Struggles in Archaic Rome. New Perspectives on the Conflict of the Orders / Ed. by K. Raaflaub. Oxford, 2005. P. 131.

[35] См. об этом: *Smith Ch.* Thinking about Kings // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2011. T. 54. N 2. P. 27.

[36] *Маяк И.Л.* Теодор Моммзен как историк // Вестник древней истории. 2005. № 1. С. 174.

[37] О критическом методе Б. Нибура см.: *Юнусова М.Г.* Бартольд Нибур и его критический метод // Возникновение германского антиковедения. XVIII — первая половина XIX в. Казань,1991. С. 41–64.

и простое, но емкое выражение «Нибур был прав»[38], или «мнение Нибура представляется все же более верным»[39], или призывы «внимательнее отнестись к теории Б. Нибура»[40] мы часто встречаем на страницах ее трудов.

Именно концепцию Нибура Ия Леонидовна старалась подкрепить тщательным анализом термина populus[41], отмечая «неразрывную связь первоначального populus с куриальной организацией»[42] и делая вывод, что «плебеи первоначально, включая раннюю Республику, не входили в populus»[43]. Далеко не все, даже ученики Ии Леонидовны, разделяли последнее утверждение, например, В.Н. Токмаков считал, что populus и патриции, будучи соответственно военной организацией и социальным коллективом, совпадали до эпохи Сервия Туллия, а со времени его центуриатной реформы понятие "populus" стало постепенно распространяться и на плебеев. Критике позиции И.Л. Маяк о том, что не только в досервианский период, но и в ранней Республике populus ассоциировался с патрициями как полноправными гражданами, Валерий Николаевич посвятил специальный доклад, текст которого опубликован[44]; в нем он доказывал: «Внимательный анализ традиции о VII–IV вв. позволяет утверждать, что термин "популюс" всегда замещал понятие "вооруженный народ, коллектив, гражданство" и характеризовал раннеримское общество именно в военно-политическом, а не каком-то другом плане», «но со времени центуриатной реформы в войско вошли плебеи»[45], «поэтому необходимо уточнить гипотезу И.Л. Маяк о том, что ставший в период Республики носителем полных прав гражданства (civitas) популюс совпадал с патрициями»[46].

---

[38] *Маяк И.Л.* Римляне ранней Республики... С. 67

[39] *Маяк И.Л.* Populus, cives, plebs начала Республики // Вестник древней истории. 1989. № 1. С. 70.

[40] *Маяк И.Л.* Взаимодействие властей в раннем Риме: источниковедческие заметки к трактату Цицерона De re publica // IVS ANTIQVVM. Древнее право.1996. № 1. С. 32.

[41] *Маяк И.Л.* Римляне ранней Республики... С. 78–93; *Она же.* Populus, cives plebs... С. 75–77.

[42] *Маяк И.Л.* Римляне ранней Республики... С. 78.

[43] Там же. С. 83.

[44] *Токмаков В.Н.* Методика изучения эволюции понятия «популюс» в раннем Риме (VI–V вв. до н. э.) // Методология и методика изучения античного мира. М., 1994. С. 48–53.

[45] Там же. С. 51.

[46] Там же. С. 52.

Но Ия Леонидовна усматривала более протяженную эволюцию смыслового содержания этого термина, в основе которой, на ее взгляд, лежал «длительный процесс борьбы плебса за экономическое и политическое равноправие с патрициями, т.е. за фактическое и полное включение в populus Romanus, что можно датировать начальными десятилетиями III в. до н.э.»[47]. Правда, такая датировка встречается не во всех ее работах: в книге «Римляне ранней Республики» хронологические вехи процесса включения плебеев в populus обозначены следующим образом: «главнейшим рубежом» она назвала закон Канулея 445 г. до н.э., снявший запрет на браки патрициев и плебеев, в результате чего «плебеи стали естественным образом вливаться в состав populus и была создана основа для равнозначности категорий populus и cives. Можно думать, что в начале IV в. до н.э. это стало реальностью»[48]. Разумеется, можно усмотреть противоречия в датировке включения плебеев в populus у И.Л. Маяк даже в одной работе, но здесь объяснением служит ее фраза: «Безусловной точности в датировании этого процесса достичь трудно»[49]. Раннереспубликанский populus она рассматривала как стратифицированный: верхушка его — patres (главы семейств и сенаторы), их родичи — патриции, рядовые члены гентильной организации, в том числе принадлежавшие к «попавшим в трудное положение родам», из которых «комплектовались, вероятно, первые ряды клиентов»[50].

Отмеченный подход к содержательному наполнению понятия “populus»” обусловил неприятие Ией Леонидовной перевода названия должности tribuni plebis как «народные трибуны», она всегда морщилась, когда слышала это словосочетание; она пеняла и немцам за их das Volkstribunat[51], полагая, что русские историки стали в переводе обозначать плебейских трибунов «народными» «под магнетизмом авторитета немецких ученых», добавляя, впрочем, что способство-

---

[47] *Маяк И.Л.* О переводе термина tribunus plebis // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С. 69.

[48] *Маяк И.Л.* Римляне ранней Республики... С. 92.

[49] Там же.

[50] Там же. С. 85–88, 91.

[51] При этом И.Л. Маяк опять-таки подчеркивала в положительном ключе подход Б. Нибура к переводу tribunus/tribuni plebis: «... он (Б. Нибур. — *В.Д.*) чаще говорит “Tribunen“, “das Tribunat“. Собственно слова Volkstribunat, Volkstribunen, Volksführer он использует в рассказе уже о событиях и героях, действовавших не ранее 70-х — 60-х гг. IV в. до н.э., последней трети IV в. до н.э. и далее. Думается, что это не случайно, а вытекает из видения Нибуром исторических процессов, протекавших в раннем Риме» (*Маяк И.Л.* О переводе термина tribunus plebis... С. 66.)

вало такому переводу и то, что «римский плебейский трибунат вполне справедливо расценивался как демократический институт в современном значении этого слова»[52]. Она всегда добивалась от молодых исследователей употребления только перевода «плебейские трибуны».

И.Л. Маяк, рассматривая социальную борьбу в ранней Республике, была в числе совсем немногих исследователей, кто рискнул взяться за эту непростую тему. Курт Раафлауб отмечал, что «конфликт сословий редко признавался достойным и самим по себе важным объектом исследования», а «ранняя Республика — один из немногих малоисследованных периодов древней истории»; имеющиеся публикации «затрагивают в основном аспекты правовой и институциональной истории, часто пишутся историками права», он призывал «провести всесторонний анализ всего конфликта сословий с точки зрения социальной и политической»[53]. Ия Леонидовна, собственно, и отвечала на этот призыв, даже еще до того, как он прозвучал.

И.Л. Маяк считала принципиально значимой проблему общинных отношений в античном мире — сельских соседских общин и общин гражданских (полисов, civitates). В этой области она придавала большое значение исследованиям Елены Сергеевны Голубцовой, делясь воспоминаниями о ее выступлениях первой половины 70-х гг. в статье, посвященной ее памяти[54].

И.Л. Маяк признавала, что civitas — это римское соответствие греческому полису, община со значением совокупности граждан, особый вариант полисной организации[55]. Она всегда подчеркивала государственный характер римской civitas[56]. Она отмечала, что Нюма-Дени Фюстель де Куланж ввел для характеристики античных городов-государств понятие гражданской общины, однако им не был учтен социально-экономический фактор. «Преодоление этого недостатка было начато советскими учеными Н.А. Машкиным и К.К. Зельиным, не зафиксировавшим, к сожалению, своих мнений в печатном виде. Но их более молодые последователи — О.В. Кудряв-

---

[52] *Маяк И.Л.* О переводе термина tribunus plebis... С. 67.

[53] *Raaflaub K.* The Conflict of the Orders in Archaic Rome: A Comprehensive and Comparative Approach // Social Struggles in Archaic Rome. New Perspectives on the Conflict of the Orders / Ed. by K. Raaflaub. Oxford, 2005. P. 2–3.

[54] *Маяк И.Л.* Памяти Елены Сергеевны Голубцовой (1921–1998) // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1998. С. 9–10.

[55] *Маяк И.Л.* Римские древности по Авлу Геллию: история, право. М., 2012. С. 250.

[56] См., например: *Маяк И.Л.* Римские древности... С. 250.

цев и позднее Г.А. Кошеленко и др. — сформулировали высказанное ими положение. Полис, или цивитас, был определен как гражданская община с античной формой собственности»[57]. В ряду советских исследователей, непременно включавших в понятие полиса античную форму собственности, она упоминала и Сергея Львовича Утченко[58]. В дискуссионной статье Ия Леонидовна концентрированно выразила свой взгляд не только на отнесение civitas к государственным социальным организмам, но и на ее экономическую специфику: «Античные авторы (Цицерон, Цезарь, Ливий, Дионисий Галикарнасский и др.) словом civitas называли различные социально-политические образования от италийских и прочих племен до позднереспубликанского Рима, естественно, видя в них нечто общее, а именно — общинные структуры. Но исходили писатели всегда из современной им римской модели. Таким образом, наименование словом civitas Ромулова Рима и подобных ему образований следует все-таки расценивать как модернизацию со стороны античных авторов. Современный же историк, видя в civitas гражданскую общину (с античной формой собственности), должен считаться с современным словоупотреблением, а именно: гражданство — это правовая принадлежность лица к тому или иному государству»[59]. Античную форму собственности она трактовала вслед за Аристотелем, который характеризовал форму собственности, присущую полису, как частную в абсолютном смысле, общую — в относительном (Pol. II. 2. 4. 1263a).

Отталкиваясь от такого понимания античной формы собственности, Ия Леонидовна считала ее принципиально значимым качеством римской civitas: «Сущностной чертой римской цивитас было наличие двуединой формы собственности на землю, т.е. частной собственности гражданина и общенародной (ager publicus) всего гражданского коллектива в целом»[60]. «Наличие гражданского коллектива и античная форма собственности — это то неразрывное единство, которое и образует античный полис»[61], — подчеркивала она в пленарном докладе на конференции Российской ассоциации антиковедов «Социальные структуры и социальная психология античного мира» в июне 1992 г.

---

[57] *Маяк И.Л.* Римляне ранней Республики... С. 61–62.

[58] *Маяк И.Л.* Римские древности... С. 260.

[59] *Маяк И.Л.* К вопросу о социальной структуре... С. 97.

[60] *Маяк И.Л.* Понятие власти и собственности в сочинениях Авла Геллия // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 26.

[61] *Маяк И.Л.* Значение ager publicus в раннереспубликанском Риме... С. 17.

Является ли понятие античной формы собственности необходимым для дефиниции полиса/civitas, — здесь возможны разные мнения. И.Е. Суриков, возражая против включения в определение полиса дополнения об античной форме собственности, полагает, что ничего специфического, полисного, античного в такой форме собственности нет — «во многих обществах мы встречаем дихотомию между частной и государственной собственностью на основное средство производства. Мы бы сказали, что таких обществ в истории подавляющее большинство»[62]. Игорь Евгеньевич объясняет, что практически любое государство имеет легитимные способы отобрать собственность у гражданина (у современных государств их даже больше, чем у античных), запрещает свободную продажу земли иноземцам-негражданам; и задается вопросом: «не является ли любое государство верховным собственником, в том числе и по отношению к частной собственности его граждан?». Конечно, вопрос этот по существу риторический, ответ на него понятен. Но И.Л. Маяк, когда неизменно делала упор в дефиниции полиса/civitas на античную форму собственности[63], имела в виду, прежде всего, противопоставление античной гражданской общины общине древневосточных государств, в которой общинник, в отличие от полисного гражданина, частным собственником своего надела не был (не мог с той же степенью свободы отчуждать землю, община могла осуществлять переделы земли у ее членов и пр.). В книге о царском Риме она акцентировала: «сельская община в античных условиях качественно отлична от восточной», «в классическом варианте член восточной сельской общины — лишь владелец надельной земли, а член античной — ее собственник, при том, что коллективная земля общины сосуществует с ней и обусловливает ее»[64]; «именно в античной форме собственности в конечном счете и коренится отличие полиса от древневосточных социально-политических государственных образований, которые принято называть городами-государствами»[65]. Ия Леонидовна рассматривала царскую эпоху как длительный про-

---

[62] *Суриков И.Е.* Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис. Курс лекций / Отв. ред. В.В. Дементьева, И.Е. Суриков. М., 2010. С. 30–31.

[63] См., например: «...нам кажется возможным назвать полис общиной территориального характера и одновременно гражданской общиной, основанной на античной форме земельной собственности» (*Маяк И.Л.* Рим первых царей. С. 28); «Советские историки пришли к точному определению полиса (=civitas): это гражданская община, основанная на античной форме собственности» (*Маяк И.Л.* Римские древности... С. 252).

[64] *Маяк И.Л.* Рим первых царей... С. 28.

[65] Там же. С. 29.

цесс развития Рима в направлении к полису[66], подчеркивая, что в эпоху первых царей «Рим еще не был ни полисом, ни "монархией"»; при этом она делала принципиальный вывод: «Образование римского полиса проходило не непосредственно из разложения родовых отношений и "перелива" их в полисную форму, а через стадию соседской общины»[67]. Процесс формирования аналогичного греческой хоре пространства за пределами собственно города, но включенного в государство полисного типа, в рассуждениях Ии Леонидовны выглядит так: «Эти территориальные общины, появляясь, существовали вместе с родовыми как в пределах растущего без строго фиксированных границ Рима, так и на ager Romanus, т.е. на завоеванных, лежащих за пределами города, разделенных между римлянами землях, и в первых римских колониях. Так вместе с ростом Рима образовывалась и его сельскохозяйственная округа»[68].

В соответствии с широко известным утверждением Авла Геллия (XVIII. 7. 5), слово "civitas" употребляли, когда говорили и про место, и про город, и про общее для всех право, и про множество людей. В зарубежной историографии значение слова "civitas" понималось, со времен Т. Моммзена, преимущественно как гражданские права. В дискуссионной статье по поводу категории "quasi civitas", использованной в монографии Я.Ю. Межерицкого, я, упоминая об основном значении civitas как гражданской общины, писала: «отечественные исследователи его четко уловили и стали ранее зарубежных активно и последовательно применять — именно как главное смысловое наполнение понятия, — это делает честь российскому антиковедению советской эпохи»[69]. Здесь же я могу добавить, что эта честь с полным правом и далеко не в последнюю очередь принадлежит непосредственно Ие Леонидовне Маяк.

Ия Леонидовна усматривала в трактате Цицерона "De re publica" равнозначное употребление слов "civitas" и "res publica", находя, что это отражает словоупотребление правоведов его времени[70]. В со-

---

[66] *Маяк И.Л.* Проблема генезиса римского полиса // Вестник древней истории. 1976. № 4. С. 43–55.

[67] *Маяк И.Л.* Рим первых царей... С. 260.

[68] Там же. С. 213.

[69] *Дементьева В.В.* Категориальный аппарат изучения «римской революции»: понятие «quasi civitas» в исследовании Я.Ю. Межерицкого // Вестник древней истории. 2017. № 3. С. 757.

[70] *Маяк И.Л.* Римские древности... С. 249. И.Л. Маяк находила также, что «фактически у Геллия термины "res publica" и "civitas" употребляются равнозначно (XVI.10. 13,15), как и во времена Цицерона» (*Маяк И.Л.* Римские древности...

временной историографии подчеркивается, что res publica — то, чем обладает гражданский коллектив (civitas), включая материальные и нематериальные составляющие, в том числе политическое устройство[71]. Так, Луиза Ходжсон в опубликованной в 2017 г. диссертации определяет "res publica" как термин, который может означать собственность гражданского коллектива и дела политического сообщества (civitas) — т.е. в совокупности то, что «принадлежит civitas», — а также и политическое пространство социума, в рамках которого действуют те, кто распоряжается имуществом и вершит дела civitas[72], хотя и она, как и Ия Леонидовна ранее, обнаруживает в трактате Цицерона "De re publica" места, где "res publica" и "civitas" используются почти как синонимы[73]. И.Л. Маяк полагала, что понятие "res publica" появляется позднее, чем "civitas", соотнося возникновение термина "res publica" с изгнанием Тарквиния Гордого в 509 г. до н.э., а «государство в форме тирании при последних, так называемых этрусских правителях, устанавливается в Риме несколько раньше, чем civitas»[74]. Я.Ю. Межерицкий считает правомерным использование понятия "civitas" в отношении общины эпохи римской архаики, включая период ранней монархии: «...важнейшими признаками civitas, в сущности, обладала уже община-государство патрициев в царский период»[75], и я согласна с этим, к тому же и в зарубежных исследованиях последних полутора десятилетий понятие "civitas" стали применять к ранней римской общине до преобразований Сервия Туллия, в частности, это имеет место в монографии Михаэля

С. 254–255). Иногда она и сама ставила знак равенства между понятиями civitas и res publica: «На этих "трех китах" (имеется в виду производительный и ратный труд граждан, а также их участие в управлении, как минимум, через народные собрания. — *В.Д.*) собственно и зиждилась res publica, равнозначная civitas» (*Маяк И.Л.* Значение воинской службы для воспитания идеального гражданина // Античность и средневековье Европы. Пермь, 1994. С.123). Но Ия Леонидовна отмечала в своих итоговых работах и разницу содержательного наполнения этих понятий «...термин res publica обозначает государство и форму правления, а civitas несет в себе смысл типа общины, пользующейся республиканским правлением» (*Маяк И.Л.* Римские древности... С. 252).

[71] См.: *Дементьева В.В.* Категориальный аппарат... С. 758. Такую трактовку соотношения понятий "civitas" и "res publica" я считаю верной.

[72] *Hodgson L.* Res Publica and the Roman Republic: Without Body or Form. Oxford Univ. Press, 2017. P. 9.

[73] Ibidem.

[74] *Маяк И.Л.* Римские древности... С. 252.

[75] *Межерицкий Я.Ю.* «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016. С. 228.

Ригера[76]. «В литературе принято считать, — пишет Яков Юрьевич, — что Рим стал полисом/civitas в результате слияния патрицианской и плебейской общин. Но, по-видимому, как для самих римлян, так и для соседей их патрицианская община со времен первых царей также была civitas, имея соответствовавшую внутреннюю организацию»[77]. И добавляет в примечаниях: «Достаточные основания для такого, расширенного понимания термина мы находим у И.Л. Маяк. Сама она не решилась выйти за рамки общепринятой в советской историографии трактовки civitas как результата "борьбы сословий"»... «Тем не менее, охарактеризованная исследовательницей община-государство царского периода вполне соответствует определению civitas»[78]. Действительно, монография Ии Леонидовны дает основание для последнего из приведенных умозаключений.

В исследованиях И.Л. Маяк, насколько я могу судить, возникновение римской civitas как гражданской общины следует отнести ко времени после реформ Сервия Туллия, хотя четко и прямо об этом она в своих публикациях не сказала (и насколько позже этих реформ — остается неясным). Появление же термина "cives" (граждане) она вполне определенно соотносила с этими реформами: «Можно полагать, что к середине VI в. до н.э. в Риме были созданы условия для появления понятия гражданства. Созданные Сервием Туллием центуриатные комиции объединили и древнейших римлян и более новых поселенцев, с ними можно связывать появление термина cives, который, вероятно, охватывал тех и других». Одновременно она подчеркивала, что «понятие cives появляется раньше, чем понятие civitas», они «в раннем Риме не были полностью взаимозамещаемыми понятиями: civitas предполагала равноправие, cives же могли быть и полноправными и ограниченными в правах»[79]. Обратим внимание, что понятие "civitas" Ия Леонидовна использовала и в значении «гражданские права»: «С установлением в Риме республиканского строя именно populus стал носителем полных прав римского гражданства, т.е. civitas. Если же иметь в виду, что этот термин означает еще и коллектив полноправных граждан, можно сказать, что populus начала Республики совпадал (в этом значении слова) с патрициями. Плебеи же, оставаясь cives (Val. Max. IV.1), полной civitas не облада-

[76] *Rieger M.* Tribus und Stadt. Die Entstehung der römischen Wahlbezirke im urbanen und meditteranen Kontext (ca 750–450 v. Chr.). Göttingen, 2007. S. 288.

[77] *Межерицкий Я.Ю.* Указ. соч. С. 228.

[78] Там же. Прим. 74.

[79] *Маяк И.Л.* Populus, cives, plebs... С. 67–68.

ли и остро ощущали свое неравноправие»[80]. Эти выводы о populus, cives и civitas Ия Леонидовна, не претендуя на истину в последней инстанции, называла в статье 1989 г. «рабочей гипотезой, полезной для постижения исторической реальности раннего Рима»[81]. Она оставила в последующих своих монографиях данную гипотезу в качестве основной своей концепции. В книге 2012 г. она акцентировала, что считает необходимым скорректировать точку зрения Сергея Львовича Утченко о том, что превращение жителей Италии в римских граждан повлекло за собой гибель римского полиса, полис как бы растекся по всей Италии. Возражая на это, Ия Леонидовна писала: «Рим полисную основу сохранял, как и муниципии и колонии Италии и провинций даже в эпоху принципата. Полис не погиб, но трансформировался...»[82]. Трансформацию римского полиса она усмотрела в том, что он потерял такую сущностную черту, как замкнутость. «Открытость римской общины начала проявляться с аграрной рогации Спурия Кассия (486 г. до н.э.)...»[83]. С утверждением Ии Леонидовны о сохранении римской civitas как полисного организма и во времена принципата я полностью соглашаюсь и не поддерживаю включение в категориальный аппарат понятия "quasi civitas", введенного Я.Ю. Межерицким в продолжении исследовательской линии С.Л. Утченко[84].

Видя в римской civitas государственное образование, И.Л. Маяк в 1996 г. при этом отмечала: «в переводе на язык современных научных терминов… civitates воспринимались в античности с широким спектром значений, т.е. как община и в доклассовом, и в развитом классовом обществе»[85]. В 2012 г. она заменила эту формулировку, данную в категориях формационной теории, несколько иной: «вариативность значения civitas в Риме выражается в широком спектре его применения как в отношении общин, не порвавших еще связей с родо-племенным строем, так и перешагнувших порог цивилизации»[86].

Проблема ager publicus применительно к римской архаике включает в себя — в качестве приоритетных — такие вопросы, как состав общественной земли и доступ к ней плебеев. В отношении

---

[80] Там же. С. 79.

[81] Там же. С. 80.

[82] *Маяк И.Л.* Римские древности... С. 253.

[83] Там же. С. 261.

[84] *Дементьева В.В.* Категориальный аппарат... С. 752–768.

[85] *Маяк И.Л.* Взаимодействие властей в раннем Риме... С. 29.

[86] *Маяк И.Л.* Римские древности... С. 250.

этимологии данного термина, сколько-нибудь определенных дефиниций которого от античности не сохранилось, И.Л. Маяк, опираясь на терминологию источников, трактовала его как связанного с войной, с захватами (либо от populor — «отнимаю», «опустошаю», восходящего к populus — «народ», «вооруженный народ», либо от pubes — «взрослая молодежь», т.е. «воины», «народ»)[87]. Отталкиваясь от этого, она считала, что «ager publicus в своем первоначальном и основном значении — это земля завоевателей, значит, земля завоеванная»[88]. В исследованиях, вышедших после ее книги «Римляне ранней Республики», также признаются военные коннотации понятия populus (populus Romanus — как термин, отражавший раннюю римскую армию), расширенные отсылками к pilumnoe poploe (pilum — копье)[89], а ager publicus понимается как технический правовой термин, относившийся к земле, конфискованной у врагов в результате завоеваний[90].

Встраивая ager publicus в иерархию категориального аппарата своих исследований, Ия Леонидовна писала, что ager publicus был частью ager Romanus, причем второе понятие было шире[91]. И даже

---

[87] *Маяк И.Л.* Римляне ранней Республики... С. 127. См. также: *Маяк И.Л.* Рим первых царей... С. 223.

[88] *Маяк И.Л.* Римляне ранней Республики... С. 128; *Она же.* Значение ager publicus в раннереспубликанском Риме... С. 19.

[89] *Smith C.J.* The Roman Clan. The gens from Ancient Ideology to Modern Anthropology. Cambridge Univ. Press, 2006. P. 200.

[90] *Mignone L.M.* The Republican Aventine and Rome`s Social Order. Ann Arbor, 2016. P. 52.

[91] И.Л. Маяк так определяла состав ager Romanus: «Ager Romanus включал в себя разные с точки зрения их принадлежности категории земель: во-первых, частные, т.е. ассигнированные или купленные, подаренные участки, находившиеся в собственности лиц прежде всего плебейского, а потом, с распадом родовых связей, патрицианского происхождения; во-вторых, общественные земли, бывшие в собственности разных коллективов: гентильных общин, соседских (сельских, а затем городских) и римского народа — римских граждан в целом. Эта последняя, т.е. общенародная земельная собственность, и была ager publicus» (*Маяк И.Л.* Римляне ранней Республики... С. 128). В.И. Кузищин полагал, что исходно ager Romanus понимался как находившийся в собственности всей римской общины, он связывал это с древнейшими религиозными представлениями о земле как божественной праматери, как месте жизнедеятельности всего коллектива, которая потому «изначально воспринималась как принадлежащая всему коллективу»; он подчеркивал идею «изначальной коллективной собственности римской общины на всю принадлежавшую ей земельную территорию (ager Romanus), из которой лишь одна часть распределялась среди глав семей в бессрочное и наследственное владение» (*Кузищин В.И.* Формирование права частной собственности на землю в римской юриспруденции во II–I вв. до н.э. // Вопросы истории. 2008. № 6. С. 26–27). О раз-

понятие «общественные земли», на ее взгляд, было шире, чем понятие "ager publicus", который «можно считать частным случаем общественных, коллективных земель, а не их суммой»[92]. Полемизируя по этому поводу с точкой зрения, утвердившейся в итальянском антиковедении, о том, что исходно ager publicus формировался и состоял из коллективных земель патрицианских родов, Ия Леонидовна, доказывала: ager publicus «не включал в себя родовые земли», «уже с начала царской эпохи ager publicus складывался в качестве особого, резервного фонда, откуда черпали землю цари и для своих нужд, и для курий, и для обездоленных людей, так что он отличался от коллективных земель курий и родов»[93]. Ager publicus постоянно увеличивался в результате успешных войн римлян; часть его отдавалась под колонии, это было выгодно гражданам, остававшимся в Риме, обращала внимание читателей Ия Леонидовна, поскольку сохранялся их прожиточный минимум, обеспечивавшийся землей. «От эпохи первоначального Рима донеслось эхо о разделе царями земель из фонда ager publicus, отводившихся не под колонии, а остававшихся ager Romanus в чистом, так сказать, виде, т.е. в сельскохозяйственной округе, которая составит со временем хору римского полиса»[94].

Она отмечала, что вопрос о появлении частной собственности на землю дискуссионный. Можно присоединиться «к мнению Э. Перуцци, связывающего этот процесс с Нумой Помпилием, или к мнению В. Веструпа и других, относящих его ко времени Сервия Туллия, но безусловно одно: в эпоху ранней Республики она уже существовала»[95]. Подробно изучая «Аттические ночи» Авла Геллия, Ия Леонидовна акцентировала наличие в этом труде фиксации для начала царской эпохи (и даже доцарского времени), а также для периода ранней Республики одновременного существования собственности на землю

мерах ager Romanus раннего времени см.: *Armstrong J.* War and Society in Early Rome. From Warlords to Generals. Cambridge Univ. Press, 2016. P. 159–160. Топографический анализ ager Romanus Antiquus см. в исследовании: *Fulminante F.* The Urbanisation of the Rome and Latium vetus. From the Bronze age to the Archaic Era. Cambridge Univ. Press, 2014. P. 105–132.

[92] *Маяк И.Л.* Римляне ранней Республики... С. 130.

[93] Там же. С. 128–129.

[94] *Маяк И.Л.* Рим первых царей... С. 213. Из новых работ анализ ager publicus на Авентинском холме, преимущественно в связи с законом 456 г. до н.э. плебейского трибуна Ицилия о раздаче плебеям участков на нем, содержится в монографии: *Mignone L.M.* Op. cit.

[95] *Маяк И.Л.* Римляне ранней республики... С. 112.

и частной, и коллективной, и общенародной[96]. По отношению ко времени Ромула, она, подчеркивая необходимость научной осмотрительности, аккуратно говорила о «зарождении частной собственности на землю» и замечала, что на «на заре республиканской эры, т.е. после реформ Сервия Туллия, ее наличие не должно подвергаться сомнению»[97].

В праве плебеев на частную землю, ager privatus, Ия Леонидовна не сомневалась. В исследованиях последнего десятилетия это право за плебеями признается: так Кристофер Смит отмечает, что если бы одни лишь патриции могли иметь в собственности землю, то разница между ними и плебеями была бы юридически очень четко проведена, но нет никаких доказательств того, что это имело место[98].

Участками же на ager publicus патриции пользовались не в порядке собственности, утверждала И.Л. Маяк, а в порядке владения, посессия (как она отмечала, — бесплатно и в скромных размерах); плебеи к эксплуатации ager publicus тоже были допущены, а смысл аграрной борьбы заключался в том, чтобы «изменить в интересах плебса режим этой эксплуатации»[99]. По вопросу, в чем суть чаяний плебеев в этой борьбе, — мнение Ии Леонидовны разошлось с исследовательской позицией Е.М. Штаерман, отмечавшей равенство патрициев и плебеев в земельных отношениях, а причиной недовольства полагавшей несправедливый сгон патрициями плебеев с земли. И.Л. Маяк усматривала притязания плебса «не только на новый, но и на старый, занятый патрициями ager publicus»[100], «общее название этого фонда, включавшего с незапамятных времен приобретенную землю, — ager occupatorius»[101]. Арендовать общественную землю и патриции, и плебеи могли за установленную плату. Взвесив имеющуюся в источниках информацию, Ия Леонидовна пришла к выводу, что «неравноправие патрициата и плебса в аграрных отношениях все же имело место и проявлялось оно в недоступности для плебеев той части, которая составляла ager occupatorius, которым распоряжались патрицианские посессоры бесплатно»[102].

---

[96] *Маяк И.Л.* Проблема собственности у Авла Геллия // IVS ANTIQVV. Древнее право. 2000. № 1 (6). С. 82; *Она же.* Римские древности... С. 242.

[97] *Маяк И.Л.* Проблема собственности.... С. 82; *Она же.* Римские древности... С. 242.

[98] *Smith Ch.* Thinking about Kings // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2011. T. 54. N 2. P. 28.

[99] *Маяк И.Л.* Римляне ранней Республики... С. 121.

[100] Там же. С. 126.

[101] Там же. С. 131.

[102] Там же. С. 133.

Приведенные положения из работ Ии Леонидовны, сформулированные ею двадцать и более лет назад, весьма созвучны выводам исследователей, опубликовавшим за последний десяток лет фундированные монографии, посвященные римскому ager publicus, включая ранние этапы его существования. Так, Саския Тесса Розелаар аргументирует вывод об отсутствии коллективной земли, принадлежавшей родам[103] («теория коллективной родовой собственности на землю не может быть доказана»[104]), о существовании частной собственности на землю до законов XII таблиц (в том же ракурсе, что и Ия Леонидовна, рассматривая сведения этих законов и отмечая: «однако представляется более разумным предположение, что частная собственность существовала до этого»[105]). Нидерландская исследовательница также считает завоеванные земли исходным фондом ager publicus, соглашается, что, «возможно, плебеи получили немного земли во времена царей, но после создания Республики распределение, по-видимому, в значительной степени прекратилось», «источники описывают монополизацию этой земли богатой элитой в ранней Республике», «они называют этих богачей патрициями, а бедных, лишенных доступа к земле, называют плебеями»[106]. Отмечу принципиально важный момент отношения С.Т. Розелар к источникам для изучения ager publicus римской архаики, перекликающийся с позицией Ии Леонидовны. Она останавливает внимание на том, что некоторые ученые усомнились в описании аграрной борьбы в ранней Республике, считают ее фикцией времен Гракхов. Возражая им, она находит «признаки того, что история не была полностью составлена на основе более поздних событий» (приводя, в частности, пример: Спурий Кассий, предложивший, согласно нарративной традиции, в 486 г. до н.э. законопроект о передаче плебеям земли, завоеванной у герников, и перераспределения в их пользу части ager publicus, представлен в ней как консул, а не в должности плебейского трибуна, в которой находились более поздние инициаторы аграрных законов). Сравнивая характер борьбы вокруг аграрных законопроектов в период ранней Республики и во времена Гракхов, С.Т. Розелаар подчеркивает, что в архаическом Риме плебс никогда не выдвигал требований ограничения количества оккупированной земли, а хотел исправить

[103] *Roselaar S.T.* Public land in the Roman Republic: A Social and Economic History of the ager publicus. Leiden, 2008. P. 21–26.

[104] Ibid. P. 26.

[105] Ibid. P. 24.

[106] Ibid. P. 28.

ситуацию путем распределения ager publicus среди бедных, что также свидетельствует против трактовки сословных конфликтов по поводу общественной земли в архаический период как конструкции авторов гракханского времени[107]. Начиная же с IV в до н.э. источники, на ее взгляд, становятся еще более надежными[108].

И.Л. Маяк самым важным в работе историка считала тщательное изучение источника, она отталкивалась от терминологического аппарата, зафиксированного в античных текстах, и нередко шла от анализа конкретного понятия к раскрытию сложной теоретической проблемы. При этом она всегда обращала внимание на отличия смыслового наполнения одного и того же понятия в разные периоды времени: «Не забудем, — писала она, — что слова живут долго и в ходе истории порой меняют свое содержание»[109]. Она прекрасно умела сочетать опору на самые разные типы и виды источников, примером чему служит, в частности, ее статья «Проблема населения древнейшего Рима»[110], вошедшая потом в качестве главы в ее книгу[111]. Ия Леонидовна внимательно следила за выходом комплексных исследований по древней Италии (на основе археологических, лингвистических и др. источников), глубоко и вдумчиво их рецензируя[112].

Изучение архаического Рима, прежде всего раннереспубликанского, о котором сведений меньше, чем о царском, остается актуальной научной задачей, «поскольку это чрезвычайно важный период, в котором были заложены основы исторических событий, поколебавших и изменивших мир», «именно к концу этого периода римляне окончательно перестали быть только одним из многих сопоставимых обществ в Средиземноморском мире»[113]. Курт Раафлауб призывал изучать эту эпоху методом комплексного подхода к источникам (изучать не только историографические, эпиграфические источники, но и лингвистические, антропологические, использовать междисциплинарный подход с применением методов социологии, политологии и т.д.) и компаративного анализа, который заключа-

---

[107] Ibid. P. 30

[108] Ibid. P. 33.

[109] *Маяк И.Л.* Римляне ранней Республики... С. 7.

[110] *Маяк И.Л.* Проблема населения древнейшего Рима // Вестник древней истории. 1979. № 1. С. 71–94.

[111] *Маяк. ИЛ.* Рим первых царей... С. 46–89.

[112] См., например, ее рецензию на книгу Э. Перуцци: *Маяк И.Л.* Новый труд о древнейшем Лации // Вестник древней истории. 1983. № 1. С. 187–199.

[113] *Raaflaub K.* Op. cit. P. 3.

ется в том, чтобы получать новые знания на основе сопоставления римской архаической общины с общинами других эпох: в первую очередь с полисами архаической Греции, но также и с более поздними коллективами, например со средневековыми итальянскими коммунами[114]. Такой комплексный подход обеспечивает лучшее понимание архаического общества как такового. И обратим внимание на еще одно его принципиально значимое замечание: «В нашей дисциплине растет пагубная тенденция (стимулированная потоком новых публикаций) обращаться только к недавним исследованиям и упускать из виду некоторые фундаментальные и прочные результаты работы наших предшественников»[115]. Ия Леонидовна сетовала на то же самое, говоря, что у российских специалистов по древней истории ориентация идет на новую зарубежную литературу, а более ранние достижения отечественной историографии при этом забываются. Не будем же забывать о них, в том числе и о результатах плодотворной исследовательской деятельности Ии Леонидовны Маяк.

References

Armstrong J. *War and Society in Early Rome. From Warlords to Generals*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. XIV, 320 p.

Bol'shakov O.G. *Obshchestvo, klassy, gosudarstvo: vazhnost' diskussii* [Society, Classes, State: The Importance of Discussion] // *Vestnik drevney istorii.* 1989. № 3, pp. 90–91.

Capogrossi Colognesi L. *Formirovaniye gosudarstva v Rime (Tochka zreniya istorika prava)* [Formation of the State in Rome from the Point of View of the Historian of Law] // *Vestnik drevney istorii.* 1990. № 1, pp. 94–97.

Dementyeva V.V. *Gosudarstvenno-pravovoye ustroystvo antichnogo Rima: rannyaya monarkhiya i respublika* [The State Legal Structure of Ancient Rome: The Early Monarchy and Republic]. Yaroslavl': Yaroslavskiy gosudarstvennyy universitet, 2004. 248 p.

Dementyeva V.V. *Kategorial'nyy apparat izucheniya "rimskoy revolyutsii": ponyatiye "quasi civitas" v issledovanii Ya.Yu. Mezheritskogo* [The Categorical Apparatus for Studying the "Roman revolution": The Concept of "quasi civitas" in the study by Ya.Yu. Mezheritskiy] // *Vestnik drevney istorii.* 2017. № 3, pp. 752–768.

Dementyeva V.V., Chekanova N.V. *K diskussii o vozniknovenii rimskoy gosudarstvennosti* [To the Discussion of the Emergence of Roman Statehood] // *Politicheskiye struktury i obshchestvennaya zhizni Drevnego Rima. Problemy antichnoy gosudarstvennosti* [Political Structures and Social Life in Ancient Rome.

[114] Ibid. P. 15.

[115] Ibid. P. 5.

Issues of Ancient Statehood] / Ed. by V.V. Dementyeva. Yaroslavl': Yaroslavskiy gosudarstvennyy universitet, 1993, pp. 3–9.

Fulminante F. *The Urbanisation of the Rome and Latium vetus. From the Bronze Age to the Archaic Era.* Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2014. XX, 411 p.

Hodgson L. *Res Publica and the Roman Republic: Without Body or Form.* Oxford: Oxford University Press, 2017. 316 p.

Kuzishchin V.I. *Formirovaniye prava chastnoy sobstvennosti na zemlyu v rimskoy yurisprudentsii vo II–I vv. do n.e.* [The Formation of the Right of Land Private Ownership in the Roman Jurisprudence in the 2nd–1st Centuries B.C.E.] // *Voprosy istorii.* 2008. № 6, pp. 26–36.

Kuzishchin V.I. *O formirovanii gosudarstva v Rime* [On the Formation of the State in Rome] // *Vestnik drevney istorii.* 1989. № 3, pp. 92–94.

Mayak I.L. Dietmar Kienast, Cato der Zensor. Seine Persönlichkeit und seine Zeit, Heidelberg, 1954 // *Vestnik drevney istorii.* 1958. № 3, pp. 195–197.

Mayak I.L. *K voprosu o sotsial'noy strukture i politicheskoy organizatsii arkhaicheskogo Rima* [Notes on the Social Structure and Political Organization of Archaic Rome] // *Vestnik drevney istorii.* 1989. № 3, pp. 94–97.

Mayak I.L. *Novyy trud o drevneyshem Latsii* [A New Work on the Most Ancient Latium] // *Vestnik drevney istorii.* 1983. № 1, pp. 187–199.

Mayak I.L. *O perevode termina tribunus plebis* [On the Translation of the Term *tribunus plebis*] // *Vlast', chelovek, obshchestvo v antichnom mire* [Power, Man, and Society in the Ancient World]. 1996 and 1997 Conference Reports. Moscow: IVI RAN, 1997, pp. 66–70.

Mayak I.L. *Pamyati Yeleny Sergeyevny Golubtsovoy (1921–1998)* [In Memory of Elena Sergeyevna Golubtsova (1921–1998)] // *Zakon i obychay gostepriimstva v antichnom mire* [Hospitality Law and Custom in the Ancient World]. Moscow: IVI RAN, 1998, pp. 7–12.

Mayak I.L. *Ponyatiye vlasti i sobstvennosti v sochineniyakh Avla Gelliya* [The Concept of Power and Property in the Writings of Aulus Gellius] // *IVS ANTIQVVM. Drevneye pravo.* 1998. № 1 (3), pp. 8–27.

Mayak I.L. *Populus, cives, plebs nachala Respubliki* [*Populus*, *cives*, *plebs* of the Beginning of the Republic] // *Vestnik drevney istorii.* 1989. № 1, pp. 66–80.

Mayak I.L. *Problema genezisa rimskogo polisa* [The Problem of the Genesis of the Roman Polis] // *Vestnik drevney istorii.* 1976. № 4, pp. 43–55.

Mayak I.L. *Problema naseleniya drevneyshego Rima* [The Problem of the Population of Ancient Rome] // *Vestnik drevney istorii.* 1979. № 1, pp. 71–94.

Mayak I.L. *Problema sobstvennosti u Avla Gelliya* [The Problem of Property in the Works by Aulus Gellius] // *IVS ANTIQVV. Drevneye pravo.* 2000. № 1 (6), pp. 79–85.

Mayak I.L. *Rannyaya Respublika v Rime V–IV vv.* [The Early Republic in Rome in the 5th–4th Centuries] // *Istoriya Yevropy* [A History of Europe]. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1983, pp. 347–373.

Mayak I.L. *Rim pervykh tsarey (Genezis rimskogo polisa)* [Rome of the First Kings (Genesis of the Roman Polis)]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1983. 272 p.

Mayak I.L. *Rimlyane ranney Respubliki* [The Romans of the Early Republic]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1993. 160 p.

Mayak I.L. *Rimskiye drevnosti po Avlu Gelliyu: istoriya, parvo* [The Roman Antiquities According to Aulus Gellius: History, Law]. Moscow: Argamak, 2012. 336 p.

Mayak I.L. *Teodor Mommzen kak istorik* [Theodor Mommsen as a Historian] // *Vestnik drevney istorii.* 2005. № 1, pp. 168–179.

Mayak I.L. *Vzaimodeystviye vlastey v rannem Rime: istochnikovedcheskiye zametki k traktatu Tsitserona De re publica* [Interaction of Authorities in Early Rome: Source Study Notes to Cicero's Treatise *De re publica*] // *IVS ANTIQVVM. Drevneye pravo.* 1996. № 1, pp. 28–33.

Mayak I.L. *Znacheniye ager publicus v ranner espublikanskom Rime* [The Value of *ager publicus* in Early Republican Rome] // *Sotsial'nyye struktury i sotsial'naya psikhologiya antichnogo mira* [Social Structures and Social Psychology of the Ancient World]. Conference Reports. Moscow: IVI RAN, 1993, pp. 17–22.

Mayak I.L. *Znacheniye voinskoy sluzhby dlya vospitaniya ideal'nogo grazhdanina* [The Importance of Military Service for Educating the Ideal Citizen] // *Antichnost' i srednevekov'ye Yevropy* [Antiquity and the Middle Ages of Europe]. Perm': Permskiy gosudarstvennyy universitet, 1994, pp. 122–127.

Mezheritskiy Ya.Yu. *"Vosstanovlennaya respublika" imperatora Avgusta* [The "Restored Republic" of Emperor Augustus]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2016. 992 p.

Mignone L.M. *The Republican Aventine and Rome's Social Order.* Ann Arbor: University of Michigan Press, 2016. XV, 243 p.

Mircović M. *Der Vater und die Patrizier: qui patrem ciere possent?* // Klio. 2004. Bd. 86, S. 83–100.

Mitchell R.E. *The Definition of patres and plebs: An End to the Struggle of the Orders* // *Social Struggles in Archaic Rome. New Perspectives on the Conflict of the Orders* / Ed. by K. Raaflaub. Oxford: Blackwell Publishing, 2005, pp. 128–167.

Nicolet C. *Rimskaya respublika i sovremennyye modeli gosudarstva* [The Roman Republic and the Modern Models of the State] // *Vestnik drevney istorii.* 1989. № 3, pp. 97–99.

Smyshlyayev A.L. *Antichnaya grazhdanskaya obshchina: otsutstviye ili osobyy tip gosudarstvennosti* [Ancient Civil Community: Absence or a Special Type of Statehood] // *Vestnik drevney istorii.* 1989. № 3, pp. 99–101.

Raaflaub K. *The Conflict of the Orders in Archaic Rome: A Comprehensive and Comparative Approach* // *Social Struggles in Archaic Rome. New Perspectives on the Conflict of the Orders* / Ed. by K. Raaflaub. Oxford: Blackwell Publishing, 2005, pp. 1–46.

Rieger M. *Tribus und Stadt. Die Entstehung der römischen Wahlbezirke im urbanen und meditteranen Kontext (ca 750–450 v. Chr.).* Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007. XIII, 738 S.

Roselaar S.T. *Public Land in the Roman Republic: A Social and Economic History of the ager publicus.* Leiden: Leiden University, 2008. 383 p.

Shtaerman E.M. *K probleme vozniknoveniya gosudarstva v Rime* [On the Problem of the Emergence of the State in Rome] // *Vestnik drevney istorii.* 1989. № 2, pp. 76–94.

Smith C.J. *The Roman Clan. The gens from Ancient Ideology to Modern Anthropology.* Cambridge: Cambridge University Press, 2006. XIV, 393 p.

Smith Ch. *Thinking about Kings* // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 2011. Vol. 54. № 2, pp. 21–42.

Staatlichkeit in Rom? Diskurse und Praxis (in) der römischen Republik / Hg. Ch. Lundgreen. Stuttgart: Steiner, 2014. 276 S.

Surikov I.E. *Grecheskiy polis arkhaicheskoy i klassicheskoy epokh* [Greek Polis in Archaic and Classical Eras] // *Antichnyy polis. Kurs lektsiy* [Ancient Polis. A Course of lectures] / Ed. by V.V. Dementyeva, I.E. Surikov. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2010, pp. 8–54.

Tokmakov V.N. *Metodika izucheniya evolyutsii ponyatiya "populyus" v rannem Rime (VI–V vv. do n.e.)* [Methodology for Studying the Evolution of the Concept of "populus" in Early Rome (6th–5th Centuries B.C.E.)] // *Metodologiya i metodika izucheniya antichnogo mira* [Methodology and Methods for Studying the Ancient World]. Conference Reports. Moscow: IVI RAN, 1994, pp. 48–53.

Trukhina N.N. *Rimskaya civitas III–II vv. do n.e.: arkhaicheskiy ranneklassovyy sotsium ili gosudarstvo?* [The Roman *civitas* in 3d–2nd Centuries B.C.E.: An Archaic Early Class Society or State?] // *Vestnik drevney istorii.* 1989. № 4, pp. 74–75.

Walter U. *Mehr als Mythos und Konstruktion? Die römische Königzeit* // Historische Zeitschrift. 2016. Bd. 302, S. 1–40.

Walter U. *Patrizier und Plebeier in der römischen Historiographie* // Museum Helveticum. 2017. Bd. 74, S. 172–199.

Yakobson V.A. *Gosudarstvo i sotsial'naya psikhologiya* [The State and Social Psychology] // *Vestnik drevney istorii.* 1989. № 4, pp. 75–78.

Yunusova M.G. *Bartold Nibur i yego kriticheskiy metod* [Barthold Niebuhr and His Critical Method] // *Vozniknoveniye germanskogo antikovedeniya. XVIII – pervaya polovina XIX v.* [The Emergence of Classical Studies in Germany in the 18th and the First Half of the 19th Centuries]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1991, pp. 41–64.

Поступила в редакцию
13 февраля 2019 г.

К.О. Телин*

ЭФФЕКТ ЗАМЕДЛЯЮЩЕЙСЯ МОДЕРНИЗАЦИИ: «КОЛЕЯ» И СТАБИЛЬНОСТЬ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ**

K.O. Telin

THE EFFECT OF SLOWING MODERNIZATION: "PATH" AND STABILITY IN THE OTTOMAN EMPIRE

Аннотация. Несмотря на сохраняющийся интерес отдельных ученых к истории Османской империи, следует признать, что исследования, синхронизирующие исторические и политологические подходы к трансформации османской государственности, до сих пор остаются редкостью. Это приводит к серьезным пробелам в формировании системных представлений о взлете и упадке Блистательной Порты, которые, по мнению автора, могут быть частично заполнены за счет обращения к актуальным направлениям современной политической науки, в особенности концепциям «государственной состоятельности» и «политической стабильности». Основной гипотезой данного исследования является предположение о том, что у истоков как развития, так и упадка Османской империи лежали во многом одни и те же параметры: централизация власти, закрытость персоналистского правления, сопутствующий этому институциональный дефицит, а также чрезмерно консервативная модальность центр-периферийных отношений и отсутствие последовательного внедрения унифицирующих начал в социальном и информационном пространстве империи. Автор привлекает к исследованию методологию исторического институционализма и стержневую для него идею «колеи» («зависимости от пути»), обращается к взглядам теоретиков политического режима и политической стабильности, а также касается некоторых наиболее характерных для рассматриваемой проблемы сюжетов внутренней политики Османской империи. Результатом является вывод о том, что в числе причин политического кризиса и постепенной деградации государственного устройства империи находится иррациональное, по сути своей, стремление сохранить те конкурентные преимущества, которыми

* *Телин Кирилл Олегович,* кандидат политических наук, научный сотрудник кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова

Telin Kirill Olegovich, Political Science Candidate, Scholar, Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Moscow Lomonosov State University

+7-910-484-46-52; kirill.telin@gmail.com

** Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации, проект № МК-4685.2018.6

на определенном этапе истории характеризовалась османская политика, и неспособность политического класса выстроить стратегически новый вектор развития страны, отличающийся от привычных режимных образцов. Таким образом, на основе обращения к богатому историческому материалу, делается попытка дополнить его осмысление и анализ за счет методологии политических исследований, оценивая Османскую империю как тип государственности в широком смысле этого слова.

Ключевые *слова*: кризис государства, политическая стабильность, идея «зависимости от пути», Османская империя, Турция, политический режим.

Abstract. Notwithstanding the abiding interest from a number of scholars in the history of the Ottoman Empire and regular flow of works devoted to this polity, it should be recognized that studies which apply synchronized historical and political science approaches to the transformation of Ottoman statehood are still rare. Hence, serious gaps exist in the formation of systemic ideas about the rise and fall of the Sublime Porte, which, in the author's opinion, can be partially filled by resorting to the topical areas of modern political science, especially the concepts of "state sustainability" and "political stability". The main hypothesis of this study is the assumption that the roots of both the rise and the decline of the Ottoman Empire lay mainly in the same phenomena: centralization of power, closed personalistic rule, the concomitant institutional deficit, as well as the overly conservative modality of center-peripheral relations and the lack of consistent implementation of unifying principles in the Empire's social and information space. The author's research follows the methodology of historical institutionalism and the pivotal idea of a "path" ("dependence on the chosen track"), addresses the views of the theorists of the political regime and political stability, and also looks at some of the most characteristic topical scenarios of domestic policy in the Ottoman Empire. As a result the author concludes that among the reasons for the political crisis and the gradual deterioration of the empire's state structure were, on the one hand, the essentially irrational desire to maintain the competitive advantages that characterized Ottoman policy at a certain stage of history, and, on the other hand, the inability of the political class to build a strategically new vector for the development of the country, different from the usual regime models. Thus, an attempt is made to supplement the comprehension and analysis of extensive historical data by the methodology of political research, evaluating the Ottoman Empire as a type of statehood in the broad sense of the word.

Keywords: state crisis, political stability, idea of "path dependence", Ottoman Empire, Turkey, political regime.

* * *

История Османской империи представляет собой чрезвычайно интересный объект для изучения. С одной стороны, генезис и расширение империи, ее военные кампании и специфика внутри-

политических процессов не раз становились предметом фундаментальных работ[1]. С другой стороны, среди огромного количества подробно рассмотренных вопросов иногда теряется один из самых драматичных поворотов в истории османской государственности, а именно — постепенное замедление ее развития, можно даже сказать, своеобразная инверсия, смена полюсов такого развития. Речь не идет о том, что российская или зарубежная историография уделяет мало внимания указанной проблеме, но, по нашему мнению, рассмотрение последней должно быть связано с имеющимися исследованиями феномена политического кризиса, каковой в Османской империи, несомненно, наблюдался.

Вплоть до периода Танзимата (1839–1876) внутреннее устройство империи — как экономическое, так и социально-политическое — на протяжении двух столетий постепенно, но неуклонно устаревало; при этом немалую роль играли обстоятельства и факторы, многие из которых ранее обуславливали колоссальные военные и политические успехи Блистательной Порты. Абсолютистская система власти, поддерживающая, в первую очередь, военную экспансию, подавление внутренних конфликтов при отсутствии четкого административного аппарата на локальном уровне и эксклюзивный характер господства, препятствующий появлению наследственной аристократии в ее западноевропейском или русском понимании, — все это долгое время связывало имперские механизмы и превращало государство османов в почти всесильную военную машину, но к середине XVII в. превратилось в препятствия для прогресса и модернизации. Безусловно, любому исследователю стоило бы быть осторожными с такого рода высказываниями, поскольку внутренняя неоднородность империи и поливариантность ее развития, в целом, наблюдались на протяжении всей османской

---

[1] *Бальфур П. (лорд Кинросс).* Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999; *Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А.* Очерки истории Турции. М., 1983; *Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* История Турции в средние века и новое время. М., 1992; *Льюис Р.* Османская Турция. Быт, религия, культура М., 2004; *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991; *Новичев А.Д.* История Турции. Т. 1: Эпоха феодализма (XI–XVIII вв.). Л., 1963; *Он же.* Турция. Краткая история. М., 1965; *Орешкова С.Ф.* Османская империя в первой половине XVI в.: социально-экономическое положение, внутренняя и внешняя политика // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998; *Петросян Ю.А.* Османская империя. М., 2012; *Стоун Н.* Краткая история Турции. М., 2014; *Шеремет В.И.* Становление Османской империи. XIII–XVI вв. // Новая и новейшая история. 2001. № 1; *Он же.* Война и бизнес. Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в Новое время. М., 1996.

истории. Однако, как мы постараемся показать, именно постепенную деградацию, вызванную выбранной «колеёй», можно считать центральным вектором трансформации османского государства, раз за разом приостанавливавшим реформистские проекты, возникавшие внутри политического класса, и нивелировавшим всю сложность внутренней политики огромной страны.

Это позволяет связывать историю Османской империи минимум с тремя крайне важными теоретическими сюжетами: во-первых, с представлениями о государственной «состоятельности» (stateness)[2], во-вторых, с концепцией «способностей» (capabilities) государства[3] и, в-третьих, с представлениями о политической стабильности[4]. Безусловно, не стоит отрицать, что само применение этих сюжетов к османской практике связано с определенной долей условности: почти невозможно судить о давно минувшей эпохе категориями, родившимися гораздо позже. Однако, обращаясь к богатому историческому материалу, мы надеемся дополнить его осмысление и анализ за счет методологии политических исследований, оценивая Османскую империю как тип государственности в широком смысле этого слова. Мы не стремимся проводить лишних аналогий, но вслед за Б. Бевернажем и К. Лоренцом[5] хотим отделить по-прежнему звучащие в публичной политике проблемы, *иллюстрацией* и *примером* которых может быть османский опыт, от проблем завершенных и оставшихся в истории одного лишь оттоманского общества.

«Клетка», кризис и притворство

Династическая история Османов всегда была довольно своеобразна: по уровню жестокости в отношении родственников, не имевших счастья стать наследниками престола, она, вероятно, превосходила большинство подобных примеров. Мехмед II Фатих (Завоеватель), покоритель Константинополя, правивший империей с 1451 по 1481 г., за три года до своей кончины фактически узаконил

---

[2] *Жигжитов С.В.* Государственная состоятельность в организационном измерении: к концептуальной модели сравнительного анализа эффективности государств // Сравнительная политика. 2011. № 3. С. 6–10.

[3] *Ван Кревельд М.* Расцвет и упадок государства. М., 2006; *Van Creveld M.* The Rise and Decline of the State. Cambridge Univ. Press, 1999.

[4] *Dowding K., Kimber R.* The Meaning and Use of "Political Stability" // European Journal of Political Research. 1983. Vol. 11, is. 3. 1983.

[5] Breaking Up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future / Eds. C. Lorenz, B. Bevernage. Gottingen; Bristol (CT), 2013; *Бевернаж Б.* Время, присутствие и историческая несправедливость. 2012. — URL: http://gefter.ru/archive/5835

фратрицид[6], а его потомок и «тезка» Мехмед III (1595–1603 г.п.) при вступлении на престол казнил 19 (!) своих братьев. В силу такой практики, а также закрепленного впоследствии обыкновения содержать наследников или оставшихся в живых родственников мужского пола в специальной части султанского гарема («*кафесе*», в переводе — «клетке»), османская система власти являлась, безусловно, деспотической: все жители империи были не более чем рабами султана, и дистанция между великим визирем и рабом в прямом смысле этого слова часто была не длиннее шелкового шнурка.

Кроме того, Османы фактически были единственной династией на пространстве империи, все прочие роды и фамилии, вне зависимости от известности и статуса, считались «слугами султана». Сам термин «османы» означает принадлежность, в первую очередь, к высшему классу подданных правителя[7], а не к этнонациональному сообществу, и уж тем более никак не сопрягается с «*райей*» (в переводе — «толпа»), как называли крестьян и провинциалов. Положение и авторитет династии закреплялись широким использованием системы, получившей название «*девширме*» («набор»)[8] — в бытовом понимании она обычно представляется распространяющейся лишь на янычар, но по сути *девширме* обеспечивала все потребности государственно-административного аппарата. К. Финкель указывает, что не только янычарский корпус, но и весь «господствующий класс Османской империи в основном состоял из мужчин, поступивших на османскую службу через дань молодыми людьми, которой облагались христианские подданные султана»[9]. Э. Гюркан приводит следующую статистику: за время существования девширме из 78 великих визирей

---

[6] *Петросян Ю.А.* Османская империя. М., 2012. С. 62.

[7] Соотношение понятия «османы» и похожего по значению понятия «аскери» заслуживает отдельного внимания: по мнению Э. Лависса и А. Рамбо, «османы» — категория, противоположная «райе» (*Лависс Э., Рамбо А.* История XIX в. / Под ред. Е.В. Тарле. Т. 1. М., 1938), А.С. Воронов же полагал, что термин «османы» означает свободнорожденное и исповедующее ислам большинство правящего класса, а термин «аскери» предназначен для служащих инородного и рабского происхождения (*Воронов А.С.* Османы // Современник. 1846. Т. 1. С. 30). М.С. Мейер частично поддерживал это мнение, указывая, что «османы», или «османлы», — категория, отличающая мусульман из окружения султана от «капыкулу», набранных в результате действия «девширме» (*Мейер М.С.* Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991).

[8] Девширме представлял собой принудительное рекрутирование вторых или последующих сыновей из семей провинций империи; расставшись с семьей и отечеством, они воспитывались и обучались в специальных заведениях, чтобы стать членами военного и административного корпуса империи

[9] *Финкель К.* История Османской империи. Видение Османа. М., 2014. С. 112.

только 11 (!) человек были турецкого (тюркского) происхождения[10]. Общее же количество «*капыкулу*»[11], прошедших через подобную систему набора, оценивается как минимум в 200 тыс. человек[12] (по оценкам Х. Иналджика — до 600 тыс.[13]).

Подобная система не имела аналогов в Европе: некоторые кочевые племена и даже монголы, конечно, забирали пленных, в том числе несовершеннолетних, для отправления воинской службы, но это не отменяло существования в этих сообществах наследственной аристократии или естественных границ «карьеры» для рабов-иноверцев. В османском же «дар аль-исламе» *девширме* обеспечивал отсутствие кумовства, закреплял авторитарно-централистские начала государственной системы — и, вместе с тем, был по сути своей меритократическим инструментом. Д. Гудвин цитирует наблюдателя XVI в., называющего державу султана «безжалостной меритократией», а О. Бусбек свидетельствовал: «Они подбирают людей, как мы подбираем себе лошадей. Именно поэтому они владычествуют над другими народами и с каждым днем расширяют границы своей империи»[14].

Тем не менее, некоторые авторы указывают: «одной из причин османских неудач был первоначальный успех… в шестнадцатом веке Османская империя управлялась более скрупулезно, эффективно и справедливо, чем большая часть Европы, не говоря уже о России»[15]. Лишенные аристократических предубеждений и не участвующие в феодальных распрях «капыкулу» положительно выделялись на фоне современных им стандартов государственного управления в Западной Европе, однако выстроенная централизованная система уже в период своего расцвета начала давать сбои и медленно, но последовательно деградировать, увлекая за собой всю империю, которая словно не хотела замечать этого кризиса. Суть и причины такого по-

---

[10] *Gürkan E.S.* Christian Allies of the Ottoman Empire // Europäische Geschichte Online (EGO), hg. vom Institut für Europäische Geschichte (IEG), Mainz 2010-12-03. — URL: http://www.ieg-ego.eu/gurkane-2010-en

[11] См. примечание выше: термином «капыкулу» со времен Баязета I обозначались люди рабского статуса на государственной службе — сначала военной, а потом, ближе к середине XV в., и гражданской тоже (*Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* Указ. соч. С. 120).

[12] *Malcolm N.* Bosnia: A Short History. London, 2002. P. 45–46.

[13] *Inalcik H.* The Ottoman Empire: The Classical Age 1300–1600. London, 1994. P. 78.

[14] *Гудвин Дж.* Величие и крах Османской империи. Властители бескрайних горизонтов. М., 2012. С. 56.

[15] *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 246–247.

ложения ввиду невозможности придать субъектность безжизненной «системе» представляются особо интересными.

Проблема османского абсолютизма, помноженного на вполне современную по тогдашним меркам бюрократическую систему, имела, вероятно, два ключевых проявления. Во-первых, то ли по причине относительной закрытости политического класса, то ли по причине сравнительно благоприятного положения империи на международной арене[16], не происходило формирования какой-либо имперской культуры, которая могла бы выступить в качестве стержня османской идентичности, а во-вторых, стройность системы *девширме* никоим образом не распространялась на периферию империи, где она соседствовала с режимом вассально-ленного землевладения и порой откровенным попустительством местных властей.

М.С. Мейер, ссылаясь на исследования турецкого историка Я. Юджеля[17] и американского тюрколога Б. Брауде[18], указывает, что «имперская структура с самого начала включала самые разнообразные единицы управления, предполагавшие и неодинаковые формы подчинения», а для управления немусульманами «вплоть до XIX в. в Османской империи не существовало общей административной системы, структуры или серии институтов»[19]. Несмотря на кажущуюся стройность, система «эйялет[20]–санджак–каза[21]–нахийе» не справлялась ни с оттоком населения, ни с дефицитом полномочий, ни с произволом местных чиновников. Как указывают историки, только Мурад IV, за свои репрессии прозванный «Кровавым», смог несколько сгладить дефекты центр-периферийных отношений. В остальном, дублирование полномочий[22], коррупция и произвол были традиционными спутниками местного управления, переживавшими даже

---

[16] Включая как обеспеченность ресурсами, которых все-таки хватало для воспроизводства экономики империи, так и поддержку государственности со стороны европейских держав, не желавших масштабной дестабилизации в регионе и соответствующей трансформации «баланса сил» в Европе, Средиземноморье и на Балканах.

[17] XVİ–XVİİ. Yüzyıllarda Osmanlı İdarî Yapısında Taşra Umerasının Yerine Dair Düşünceler. Belleten Sayı 163. Ankara, 1977. P. 493–506.

[18] *Braude B., Lewis B.* Christians and Jews in the Ottoman Empire: The Functioning of a Plural Society. New York, 1982. P.70.

[19] *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII веке.

[20] Также называемый «вилайет».

[21] Также называемый «кадылык».

[22] М.С. Мейер замечает, что в регионах относительно самостоятельно действовали три представителя центральной власти: вали (губернатор), кади и дефтердар (*Мейер М.С.* Османская империя в XVIII веке).

самых прогрессивных из реформаторов, не находивших поддержки и постоянно оказывавшихся едва ли не в изоляции.

Даже в период расцвета империи и пика ее военно-политического могущества в провинциях Анатолии неоднократно вспыхивали масштабные крестьянские восстания, бунты того или иного бейлика, религиозные движения и пр. На это накладывалась и негативная экономическая динамика: после открытия Нового Света Европу, а несколько позже и Османскую империю охватила «революция цен». Огромная инфляция стала шоком для двора: вслед за переплавкой и уменьшением содержания в монетах золота и серебра были повышены цены и налоги, резко разрослась коррупция и преступный произвол в отношении закрепощенной «райи». Характерным статистическим фактом, подтверждающим сомнительное качество региональной политики и центр-периферийных отношений в Османской империи, могут быть следующие данные: в конце XVIII в. в казну попадало лишь 18,75% (!) собираемых с населения налогов, т.е. более 4/5 возможных доходов оседало в руках элиты, чиновников и коррупционеров[23]. Этому способствовал и распад прежней системы землевладения: небольшие участки (тимары), которые ранее получались за заслуги на государственной и военной службе, стали вытесняться или поглощаться крупными наследственными владениями, передаваемыми по наследству и никак не связанными с прежними меритократическими практиками. Как указывает М.С. Мейер, экономические последствия такой трансформации были неоднозначны, однако политически империя так и не смогла адаптироваться к распаду прежней системы статусов и социальных связей.

Возвращаясь же к пункту, касающемуся идентичности, можно процитировать Д. Бурбанк и Ф. Купера, утверждавших, что империи, конечно, «никогда не претендовали на то, чтобы представлять единую культуру»[24], но они тем не менее «могли становиться все более гомогенными»[25] в попытке обуздать внутренние конфликты и противоречия. Иначе говоря, любая империя, в том числе конечно и Османская, признавала различия управляемых подданных, но одновременно стремилась к определенному порядку и ассоциативным отношениям своего населения, в первую очередь, с имперской властью, ее самовосприятием, миссией и пр.

---

[23] *Ливен Д.* Российская империя и ее враги. С. 241.

[24] *Бурбанк Д., Купер Ф.* Траектории империи // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010. С. 326.

[25] Там же.

М. Хардт и А. Негри пишут: «Когда Макиавелли рассматривает падение Римской империи, он в первую очередь обращает внимание на кризис гражданской религии, т. е. на ослабление социальной связи, объединявшей различные идеологические силы общества и позволявшей им сообща участвовать в открытом взаимодействии власти и контрвласти»[26]. Бесспорно, проводить однозначные параллели между Римской и Османской империями бессмысленно (вопреки распространенным отсылкам к римскому имперскому опыту как некоему условно «классическому»), а к замечаниям наших современников Хардта и Негри нужно относиться с определенной долей исторического скептицизма, однако важно подчеркнуть, что в османской истории, действительно, так и не нашлось того культурно-политического фундамента идентичности, который мог бы восполнить пробел, образовавшийся в истории державы по окончании периода стремительной географической экспансии. По мнению Д. Ливена, такими основаниями могли бы стать династическая лояльность, исламская религия или даже националистический проект[27], но ни один из этих сценариев не сработал или не оправдал возложенных на него надежд — как минимум по той причине, что ни один из них не был безапелляционно поддержан ключевыми акторами внутренней политики.

Династическая лояльность потерпела крах, пожалуй, еще в начале XVII в., когда в 1622 г. янычарами был свергнут первый султан (им стал Осман II). После этого мятежи, восстания и бунты, нередко сопровождаемые свержением правителя, стали у янычарского корпуса едва ли не традицией, что не способствовало ни авторитету Османов, ни устойчивости административной системы даже в имперской столице. Ислам, всегда игравший в стране совершенно особую роль, не смог перерасти в стержень общесоциальной идентичности во многом из-за резкой политики Абдул-Хамида II (1876–1908 г.п.), а также из-за неопределенности правительственного курса в этом вопросе: еще в XVII в. образовывавшиеся на периферии «феодальные династии»[28] объединялись, среди прочего, на основе религиозных факторов, препятствуя тем самым усилению централизации османской власти, а в XIX в. Танзимат и националистические идеи вступали в явное противоречие с потенциальной исламизацией,

---

[26] *Негри А., Хардт М.* Империя. Порождение и разложение // Отечественные записки. 2003. №6 (15).

[27] *Ливен Д.* Империя, история и современный мировой порядок // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010. С. 298, 304.

[28] *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII веке. С. 115–116.

отчего панисламистские проекты упомянутого выше Абдул-Хамида не были приняты даже элитой. Что же касается этнонационального вопроса, то в его пределах османская позиция традиционно сопрягалась с презрением к тюркской культуре и обычной для империи наднациональной риторикой.

Отсутствие локального проникновения и дефицит культурно-ценностных оснований политического процесса, таким образом, всерьез препятствовали адаптации османской системы к меняющимся условиям Нового времени. Эксклюзивная по своей природе административная система, сначала основанная на *девширме*, а затем пережившая не менее примечательную трансформацию в клановопатронажные отношения (примером чего может являться, к примеру, династия Кёпрюлю, представители которой 8 раз становились великими визирями, причем пятеро из них — в 1656–1691 гг. и дефакто подряд), не могла сохранить принцип полного единоначалия в период экономического кризиса и вынужденного самоограничения империи.

Режим и «идентификаторы»

Сделаем теоретическое отступление: в своей трактовке дестабилизации османского государства мы пользуемся методологией К. Даудинга и Р. Кимбера, полагавших, что политическая стабильность, во-первых, не должна отождествляться с отсутствием изменений или простым воспроизводством («выживаемостью») системы, а во-вторых, связана с адаптивной динамикой той же системы, из чего следует, что изменения возможны даже на уровне ключевых параметров (идентификаторов) системы — при сохранении управляемости и запланированности подобных изменений[29]. Наш, созвучный позиции Д. Ливена, тезис, таким образом, гласит, что те же, во многом, «идентификаторы», обеспечивавшие рост и прогресс империи в XIV–XVI вв., впоследствии обернулись против нее — при том что никаких успешных и системных изменений государственного аппарата не произошло.

Можно утверждать, что вплоть как минимум до конца царствования Абдул-Хамида II и свергнувшей его революции младотурков в стране установился режим, который можно было бы охарактеризовать как «персоналистский» (в терминологии С. Хантингтона[30] и

[29] *Dowding K., Kimber R.* Op. cit.

[30] *Huntington S.* The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Univ. of Oklahoma Press, 1991.

Б. Геддес[31]) или «султанистский» (в терминологии Х. Линца и А. Степана[32]). Подобное обозначение вполне уместно и даже тривиально в отношении того периода османской истории, который получил название «зулюм» (тирания, гнет)[33], однако факт применения подобных категорий к более ранним периодам османской государственности вызывает известное сомнение[34]. Тем не менее, мы будем подразумевать под политическим режимом ту «совокупность элементов идеологического, институционального и социологического порядка, способствующих формированию политической власти данной страны на определенный период», о которой писал Ж.-Л. Кермонн[35]. Следовательно, и в отношении исследования периода XVI–XVIII вв. этот термин может быть вполне валиден.

Важное замечание относительно природы османской политики делают О. Чаха и М. Караман. Они указывают: политическая культура империи (опять же, при всей условности этого термина в отношении системы, не связанной с институтами национального государства в его европейском понимании) не подразумевала наличия «гражданского общества» (т.е политически активных субъектов за пределами государственного аппарата) и даже «системной» оппозиции[36]. На протяжении долгого времени это помогало Османам как проводить военную экспансию в Европу, так и разрешать внутриполитические противоречия теми же, по сути, средствами: «диалог» с «оппозицией» если и происходил, то посредством восстаний и их последующего подавления. Однако после краха прежней экономической модели и прекращения экстенсивного роста (как хозяйственного, так и геополитического) политический режим перешел в достаточно странный формат функционирования: в его

---

[31] *Geddes B.* What Do We Know about Democratization after Twenty Years? // Annual Review of Political Science. 1999. N 2. P. 115–144.

[32] *Linz J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Cambridge, 1996.

[33] Правление Абдул-Хамида II с 1878 по 1908 г., характеризующееся отменой действия ранее принятой конституции и восстановлением деспотического правления султана.

[34] *O'Donnell G.* On the State, Democratization and Some Conceptual Problems (A Latin American View with Glances at Some Post-Communist Countries) // World Development. 1993. Vol. 21. N 8. P. 1355–1369; *Przeworski A.* Sustainable Democracy. New York: Cambridge Univ. Press, 1995.

[35] *Quermonne J.-L.* Les regimes politiques occidentaux / Ed. du Seuil. Parris. 2006.

[36] *Çaha O., Karaman M.L.* Civil Society in the Ottoman Empire // Journal of Economic and Social Research. 2004. 8(2). P. 53–81. — URL: http://jesr.journal.fatih.edu.tr/jesr.caha.karaman.pdf

публичном пространстве отсутствовали конфликты как таковые[37], но за этой «вуалью неведения» скрывались колоссальное социальное расслоение, коррупция, неэффективность и безголосье подавляющей части населения, что впоследствии сыграет свою роль в делегитимации основ государства. Примерно те же процессы происходили и в других странах, остававшихся «эксклюзивными» в период расширения политического участия и гражданских прав (даже сравнительно поздняя эпоха Меттерниха–Баха в Австрии закончилась компромиссом 1867 г.).

Сверхцентрализация империи дала, таким образом, скверные всходы: в обществе нарастало напряжение, связанное и с налогами, и с откровенным бесправием, а власти вместо решения проблем предпочитали поддерживать прежнюю структуру взаимодействия «дворца», бюрократии, духовенства и военных кругов[38]. Порой это приводило к неприятным, но крайне показательным казусам: в ходе одной из военных кампаний против Ирана к наместнику Махмуда I должно было явиться более 100 тысяч рекрутов, но оказалось, что к месту сбора прибыли менее одной десятой от этого числа[39]. К концу XVIII в., как указывает М.С. Мейер, «султанское правительство было вынуждено констатировать резкое падение своего влияния в провинциях»[40], — на периферии возникли многочисленные конфликты самых разных политических сил, однако проходили они уже не в правовой плоскости, где их мог бы регулировать Стамбул, а вне всякого контроля и возможности политического разрешения внутри османской системы. Как указывают М. Хардт и А. Негри, империи вполне может быть необходим некоторый «пыл», который будет обеспечивать «конфликтное, но лояльное участие граждан в постоянном совершенствовании институтов и развитии свободы», — отсутствие же его может оборачиваться распадом существующих структур, не способных поддерживать должный уровень порядка.

Вместо попыток реформ и стабилизации османы обратились к тому, что Р. Якобсон позже (и применительно к другим странам) охарактеризует как «афазию» — состояние, при котором неспособность работать с актуальной действительностью вызывает обращение

---

[37] Повторимся: речь идет не о военных конфликтах, бунтах и восстаниях, а именно о политических конфликтах, протекающих в невоенной, правовой форме.

[38] *Çaha O., Karaman M.L.* Op. cit. P. 58.

[39] *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII веке.

[40] Там же.

к символическим практикам и лексикону прошлого. Иллюстрацией такого положения может быть уже неоднократно упомянутое правление Абдул-Хамида II: подписание Сан-Стефанского мирного договора, положившего конец русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и состоящего, по большей части, из обязательств и уступок Стамбула, сопровождалось публичным обращением султана к своим подданным, где он указывал, что «вышел из борьбы победителем неверных собак. В своей неимоверной благости и милосердии он согласился даровать нечистым собакам мир, о котором они униженно просили его. Ныне, правоверные, вселенная опять будет управляться из Стамбула»[41]. Бессмысленно говорить о том, насколько подобные формулировки расходились с действительностью; важно, что искажение даже совершенно бытовых деталей османской жизни было более чем характерно для власти, стремившейся «спрятать» кризис и хотя бы на риторическом уровне оставаться в зените собственного могущества и самоуспокоенности.

М. Хепер, впрочем, указывает, что нельзя характеризовать такую ситуацию исключительно как следствие злонамеренных действий элиты: по его мнению, знакомое европейцам разделение политического участия на либеральные или авторитарные образцы недопустимо по отношению к Османской империи, ибо местную политическую культуру необходимо характеризовать как «трансцендентализм» (transcendentalism) — состояние, при котором государство стоит выше всех частных инициатив, интересов, структур и предприятий[42]. Признавая вероятную правомочность такого рода представлений о природе османской политики, нельзя, вместе с тем, выводить эту позицию из-под критического анализа — ведь и во многих других странах, особенно на протяжении XIX в., такая позиция пользовалась популярностью. Свою версию «трансцендентализма» Хепера можно найти в истории Российской империи[43], Китая, Японии и т.д. Открытым, по всей видимости, остается вопрос о том, является ли трансцендентализм действительной чертой некоторых социальных систем или просто реакционной идеологемой, призванной укрепить статусные позиции государства, подчеркнуть «суверенный» харак-

---

[41] Цит. по: Газета А. Гатцука. 1878. № 12. С. 200. — URL: https://vivaldi.nlr.ru/fn000000003/view#page=105

[42] *Heper M.* The State Tradition in Turkey. Walkington, 1985. P. 37; *Çaha O., Karaman M.L.* Op. cit. P. 61.

[43] *Шевченко В.Н., Соколова Р.И., Спиридонова В.И.* Российское государство: опыт философского прочтения. М., 2012.

тер политического процесса или его, условно, «цивилизационную» самость.

Вполне ясно, что мы не можем применять к Османской империи те характеристики конкурентоспособности государства, которые используются, например, в методологии Global Competitiveness Index: это было бы досадной иллюстрацией той самой ошибки историка, которая перемещает системы оценки в период, не предназначенный для их применения. Вместе с тем, в анализе османского государства необходимо использование научных категорий, которые позволили бы выйти за рамки описательно-хроникерских конструкций. Именно эти категории — как способности государства, так и его полноценность (состоятельность, stateness) или должным образом операционализированная «стабильность», — могут стать хорошим инструментом для исследования краха империи и ее «замедляющейся модернизации (lagging modernization). При этом стоит заметить, что под «модернизацией» в данном случае не подразумевается всемирно-историческое явление глобального перехода к Модерну, а буквальное «осовременивание» и адаптация конкретной государственной системы к актуальным требованиям того или иного исторического периода[44].

Перечислим те обстоятельства, которые позволяют характеризовать османскую ситуацию как кризисную.

Во-первых, государство ближе к концу XVIII в. едва ли не окончательно утратило монополию на насилие, что считается ключевым элементом политической дестабилизации (в представлении, к примеру, Р. Йонг-а-Пина[45] или С. Флэнагана[46]). Конечно, и до этого времени почти постоянно вспыхивали восстания или бунты различного масштаба, угрожавшие, среди прочего, и центру «дар аль-ислам», но это были именно полноценные военные конфликты, а не постепенное накопление рутинных проблем, выводящих периферию империи из-под контроля ее же центра. М.С. Мейер так описывает это положение: «приказы Порты на местах, как правило, игнорировались, но обе стороны воздерживались от открытого конфликта … в 70-х годах [XVIII в.] отношения провинциальной знати с Портой достиг-

---

[44] *Согомонов А.Ю.* Этика догоняющей модернизации // Неприкосновенный запас. 2010. № 6 (74).

[45] *Jong-A-Pin R.* On the measurement of political instability and its impact on economic growth // European Journal of Political Economy. 2009. Vol. 25(1). P. 15–29.

[46] *Flanagan S.C.* Models and Methods of Analysis // Almond G., Flanagan S., Mundt R. Crisis, Choice and Change Crisis. Boston, 1973.

ли точки разрыва, а в 80-х — перешли в открытое и повсеместное противоборство»[47].

Во-вторых, политические субъекты утратили свои прогнозные и административные возможности: даже сбор налогов превращался в проблему, армия теряла свой прежний потенциал, а способность проводить какие-либо системные реформы общегосударственного масштаба османским правительством была почти полностью утрачена. Государство не представляло себе ни собственных возможностей, ни вызовов и угроз со стороны внешней среды, причем «внешней» как в плане взаимодействия государственных структур с имеющимися элитарными группами, так и в плане непосредственного контакта с конкурирующими державами.

Из второго пункта вытекает третий: принятие решений в империи происходило, как бы парадоксально это ни звучало, в перманентно экстренных условиях. Некачественное управление ресурсами, несвоевременность, безответственность и популизм, дополняемый афазией, — все эти параметры вполне подходят подавляющему большинству османских проблем. Характерный пример можно найти не только внутри отрезка «зулюм» (когда Абдул-Хамид II то принимал конституцию, то отменял ее действие, то высылал из страны Мидхат-пашу, то возвращал его, чтобы через какое-то время казнить), но и за его пределами: так, кризис тимарной системы вызывал неконтролируемую урбанизацию, привлечение местных элит к управлению оборачивалось усилением центробежных тенденций, а попытки индустриализации и интеграции в мировую экономику приводили к структурным диспропорциям и спекуляциям в национальном хозяйстве[48].

Разрастающийся кризис ключевых идентификаторов османского режима позволяет нам согласиться с представлениями В.М. Полтеровича[49] или П. Пирсона[50] о влиянии «колеи», или «зависимости от пути» (path dependence) на политическую и историческую динамику. Саму ситуацию подобной зависимости первый из названных авторов описывает как «неэффективное равновесие, порождаемое действу-

---

[47] *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII веке.

[48] *Чичек К.* Экономика Османской империи в период ее превращения в периферию Запада, 1700–1914 // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004.

[49] *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 5–16.

[50] *Pierson P.* Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // The American Political Science Review. 2000. Vol. 94. N 2. P. 251–267.

ющей нормой»[51]; мы уже коснулись тех неэффективных решений (или попросту долговременного отсутствия решений), которые наблюдались в Османской империи. Кроме того, Полтерович делает и такое замечание: «отдельный агент … несет потери, отклоняясь от институциональной ловушки. Однако одновременный переход всех (или даже значительной части) агентов к альтернативной норме может вести … к улучшению положения всех участников»[52]. Нельзя не отметить, что внутри османской государственности неоднократно возникали попытки реформ или даже принудительной трансформации системы в сторону ее оптимизации и модернизации, однако в силу незначительного масштаба практических действий они оказались обречены на неудачу. Устойчивая приверженность прежним идентификаторам, потерявшим свой потенциал или даже негативно сказывающимся на развитии, приостановила социально-политический прогресс всей системы в целом.

Вместо заключения

Указание на то, что исламский Ближний Восток в какой-то момент утратил свой модернизационный потенциал и стал уступать христианскому Западу в научно-техническом, экономическом и социальном развитии, — не редкость ни в академической литературе, ни в публицистике[53]. Вместе с тем, значительная часть авторов занимает позицию, которая представляется нам чрезмерно ориенталистской[54], рассматривающей такое отставание как часть некоего глобального, а то и цивилизационного тренда. Ведь вполне очевидно, что внутренний кризис Османской империи отличается от распада державы Сефевидов, мамлюкский опыт разнится с историей Туниса Хусейнидов и т.д. Каждый из этих исторических эпизодов заслуживает отдельного рассмотрения в своем уникальном контексте.

---

[51] *Полтерович В.М.* Указ. соч. С. 7.

[52] Там же.

[53] *Бердцелл Л.Е., Розенберг Н.* Как Запад стал богатым. Экономическое преобразование индустриального мира. Новосибирск, 1995; *МакНил У.* Восхождение Запада. История человеческого сообщества. М., 2004; *Моррис И.* Почему Запад правит до сих пор. М., 2016; *Фергюсон Н.* Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира. М., 2014; *Maddison A.* The World Economy: A Millennial Perspective. Paris, 2001.

[54] Под термином «ориенталистский» мы вслед за Э. Саидом и Б. Льюисом понимаем исследовательскую позицию, предполагающую искусственное объединение разнопорядковых и разнородных явлений и сущностей в общую воображаемую категорию «Востока».

Вместе с тем, изучение постепенной дестабилизации Османской империи представляется нам крайне актуальным по той причине, которая и является основным тезисом данной работы: кризис Блистательной Порты был вызван, в значительной степени, теми же факторами, которые до того обеспечивали рост и военную экспансию империи. В то время как современные теоретики изучают «идентификаторы» или «конкурентные преимущества» того или иного государства в рамках международных политических или экономических отношений, опыт исчезнувшей еще в начале XX в. империи подсказывает, что такого рода параметры могут быстро устаревать, а зависимость от пути, ранее казавшегося успешным, приобретает черты социальной трагедии. С трудом менявшаяся, сопротивлявшаяся масштабным реформам и трансформациям государственность оказалась безмолвным и безынициативным свидетелем того, как источники ее величия превращаются в глиняные ноги колосса, а государственная состоятельность, прежде способная служить образцом для континентальной Европы, все больше напоминает образ «больного человека». Пожалуй, именно такая версия «зависимости от пути развития» может быть более чем актуальной и сегодня.

References

XVİ–XVİİ. Yüzyıllarda Osmanlı İdarî Yapısında Taşra Umerasının Yerine Dair Düşünceler // Belleten Sayı. 1977. 163, pp. 493–506.

Balfour P. (Lord Kinross). *Rastsvet i upadok Osmanskoy imperii* [The Rise and Decline of the Ottoman Empire]. Moscow: Kron-Press, 1999. 696 p.

Bevernage B. *Vremya, prisutstviye i istoricheskaya nespravedlivost' 2012* [Time, Presence and Historical Injustice 2012]. — URL: http://gefter.ru/archive/5835

Birdzell L.E., Rosenberg N. *Kak Zapad stal bogatym. Ekonomicheskoye preobrazovaniye industrial'nogo mira* [How the West Grew Rich. The Economic Transformation of the Industrial World]. Novosibirsk: Ekor, 1995. 352 p.

Braude B., Lewis B. *Christians and Jews in the Ottoman Empire: The Functioning of a Plural Society*. New York: Holmes & Meier Publishers, 1982. 464 p.

Breaking Up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future / Eds. C. Lorenz, B. Bevernage. Gottingen; Bristol (CT): Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. 274 p.

Burbank J., Cooper F. *Trayektorii imperii* [Trajectories of the Empire] // *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and Delusions in the Study of Empire and Nationalism]. Moscow: Ab Imperio, 2010, pp. 325–361.

Çaha O., Karaman M.L. *Civil Society in the Ottoman Empire* // Journal of Economic and Social Research. 2004. № 8 (2), pp. 53–81.

Çiçek K. *Ekonomika Osmanskoy imperii v period yeye prevrashcheniya v periferiyu Zapada, 1700–1914* [Economy of the Ottoman Empire during Its Trans-

formation into the Periphery of the West, 1700–1914] // *Rossiyskaya imperiya v sravnitel'noy perspektive* [Russian Empire in a Comparative Perspective]. Moscow: Novoye izdatel'stvo, 2004, pp. 207–229.

Dowding K., Kimber R. *The Meaning and Use of "Political Stability"* // *European Journal of Political Research*. 1983. Vol. 11. Is. 3, pp. 229–243.

Ferguson N. *Tsivilizatsiya. Chem Zapad otlichayetsya ot ostal'nogo mira* [Civilization. How Is the West Different from the Rest of the World]. Moscow: Corpus, 2014. 568 p.

Finkel C. *Istoriya Osmanskoy imperii. Videniye Osmana* [History of the Ottoman Empire. Osman's Dream]. Moscow: AST, 2014. 832 p.

Flanagan S.C. *Models and Methods of Analysis* // Almond G., Flanagan S., Mundt R. Crisis, Choice and Change. Boston: Cambridge University Press, 1973, pp. 43–102.

Gasratyan M.A., Oreshkova S.F., Petrosyan Yu.A. *Ocherki istorii Turtsii* [Essays on the History of Turkey]. Moscow: Nauka, 1983. 296 p.

Geddes B. *What Do We Know about Democratization after Twenty Years?* // Annual Review of Political Science. 1999. № 2, pp. 115–144.

Goodwin J. *Velichiye i krakh Osmanskoy imperii. Vlastiteli beskraynikh gorizontov* [The Greatness and Collapse of the Ottoman Empire. The Rulers of Boundless Horizons]. Moscow: Kolibri, 2012. 350 p.

Gosudarstvennaya sostoyatel'nost' v politicheskoy nauke i politicheskoy praktike [State Sustainability in Political Science and Political Practice] / Ed. by E.Yu. Meleshkina et al. Moscow: INION, 2011. 287 p.

Gürkan E.S. *Christian Allies of the Ottoman Empire* // Europäische Geschichte Online (EGO), hg. vom Institut für Europäische Geschichte (IEG). Mainz 2010-12-03. — URL: http://www.ieg-ego.eu/gurkane-2010-en

Heper M. *The State Tradition in Turkey*. Walkington: The Eothen Press, 1985. 218 p.

Huntington S. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman: University of Oklahoma Press, 1991. 366 p.

Lavisse E., Rambaud A. *Istoriya XIX veka* [History of the 19th Century] / Ed. by E.V. Tarle. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo, 1938. 580 p.

Inalcik H. *The Ottoman Empire: The Classical Age 1300–1600*. London: Phoenix, 1994. 272 p.

Jong-A-Pin R. *On the measurement of political instability and its impact on economic growth* // *European Journal of Political Economy*. 2009. Vol. 25 (1), pp. 15–29.

Lewis R. *Osmanskaya Turtsiya. Byt, religiya, kul'tura* [Ottoman Turkey. Life, Religion, Culture]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2004. 239 p.

Lieven D. *Imperiya, istoriya i sovremennyy mirovoy poryadok* [Empire, History and the Modern World Order] // *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and Fallacies in the Study of Empire and Nationalism]. Moscow: Ab Imperio, 2010, pp. 283–324.

Lieven D. *Rossiyskaya imperiya i yeye vragi s XVI veka do nashikh dney* [The Russian Empire and its Enemies from the 16th Century to the Present]. Moscow: Yevropa, 2007. 688 p.

Linz J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe.* Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. 504 p.

Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective.* Paris: OECD, 2001. 667 p.

Malcolm N. *Bosnia: A Short History*. London: Macmillan, 2002. 384 p.

McNeill W. *Voskhozhdeniye Zapada. Istoriya chelovecheskogo soobshchestva* [The Rise of the West. The History of the Human Community]. Moscow: Nika-tsentr, 2004. 1064 p.

Meyer M.S. *Osmanskaya imperiya v XVIII veke. Cherty strukturnogo krizisa* [Ottoman Empire in the 18th century. Features of the Structural Crisis]. Moscow: Nauka, 1991. 261 p.

Morris I. *Pochemu Zapad pravit do sikh por* [Why the West Rules up to Now]. Moscow: Kar'yer-Press, 2016. 720 p.

Negri A., Hardt M. *Imperiya. Porozhdeniye i razlozheniye* [Empire. Generation and Decomposition] // *Otechestvennyye zapiski*. 2003. № 6 (15), pp. 36–58.

Novichev A.D. *Istoriya Turtsii* [History of Turkey]. Vol. 1. *Epokha feodalizma (XI–XVIII vv.)* [The Era of Feudalism (the 11th–18th Centuries)]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1963. 314 p.

Novichev A.D. *Turtsiya. Kratkaya istoriya* [Turkey. A Short story]. Moscow: Nauka, 1965. 270 p.

O'Donnell G. *On the State, Democratization and Some Conceptual Problems (A Latin American View with Glances at Some Post-Communist Countries)* // *World Development*. 1993. Vol. 21. N 8, pp. 1355–1369.

Oreshkova S.F. *Osmanskaya imperiya v pervoy polovine XVII v.: sotsial'no-ekonomicheskoye polozheniye, vnutrennyaya i vneshnyaya politika* [The Ottoman Empire in the First Half of the 17th Century: Socio-economic Situation, Domestic and Foreign Policy] // *Osmanskaya imperiya i strany Tsentral'noy, Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Yevropy v XVII v.* [The Ottoman Empire and the Countries of Central, Eastern and Southeast Europe in the 17th Century]. Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, 1998, pp. 6–28.

Osmanskiy mir i osmanistika. Sbornik statey k stoletiyu so dnya rozhdeniya A.S. Tveritinovoy (1910–1973) [Ottoman World and Ottomanism. Collected Articles in Honour of the Centenary of the Birth of A.S. Tveritinova (1910–1973)]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2010. 516 p.

Petrosyan Yu.A. *Osmanskaya imperiya* [Ottoman Empire]. Moscow: Algoritm, 2012. 350 p.

Pierson P. *Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics* // *The American Political Science Review*. 2000. June. Vol. 94. № 2, pp. 251–267.

Polterovich V.M. *Institutsional'nyye lovushki: yest' li vykhod?* [Institutional Traps: Is There a Way out?] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2004. № 3, pp. 5–16.

Przeworski A. *Sustainable Democracy*. New York: Cambridge University Press, 1995. 156 p.

Quermonne J.-L. *Les regimes politiques occidentaux*. Paris: Points, 2006. 346 p.

Sheremet V.I. *Stanovleniye Osmanskoy imperii. XIII–XVI vv.* [The Formation of the Ottoman Empire. The 13th–16th Centuries] // *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2001. № 1, pp. 60–70.

Sheremet V.I. *Voyna i biznes. Vlast', den'gi i oruzhiye. Yevropa i Blizhniy Vostok v Novoye vremya* [War and Business. Power, Money and Weapons. Europe and the Middle East in the New Age]. Moscow: Tekhnologicheskaya shkola biznesa, 1996. 712 p.

Shevchenko V.N., Sokolova R.I., Spiridonova V.I. *Rossiyskoye gosudarstvo: opyt filosofskogo prochteniya* [Russian State: an Experience of Philosophical Reading]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2012. 512 p.

Sogomonov A.Yu. *Etika dogonyayushchey modernizatsii* [Ethics of Catching up Modernization] // *Neprikosnovenny zapas*. 2010. № 6 (74), pp. 277–302.

Stone N. *Kratkaya istoriya Turtsii* [A Brief History of Turkey]. Moscow: AST, 2014. 320 p.

Van Cleveld M. *Rastsvet i upadok gosudarstva* [The Rise and Decline of the State]. Moscow: IRISEN, 2006. 544 p.

Van Creveld M. *The Rise and Decline of the State.* Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 448 p.

Yeremeyev D.E., Meyer M.S. *Istoriya Turtsii v sredniye veka i novoye vremya* [The History of Turkey in the Middle Ages and Modern Times]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1992. 246 p.

Zhigzhitov S.V. *Gosudarstvennaya sostoyatel'nost' v organizatsionnom izmerenii: k kontseptual'noy modeli sravnitel'nogo analiza effektivnosti gosudarstv* [State Viability in the Organizational Dimension: to the Conceptual Model of a Comparative Analysis of the Effectiveness of States] // *Sravnitel'naya politika*. 2011. № 3, pp. 6–10.

Поступила в редакцию
30 июня 2018 г.

В.В.Ткаченко

ПАМЯТНИКИ И СВЯТЫНИ ДРЕВНЕГО КИЕВА В ВОСПРИЯТИИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVIII в.

V.V. Tkachenko

MONUMENTS AND SHRINES OF ANCIENT KIEV IN THE PERCEPTION OF THE 18th-CENTURY TRAVELERS

Аннотация: Важной характеристикой исторического сознания является отношение общества к памятникам старины. Признание или отрицание ценности материальных остатков прошлого, практика посещения исторических мест и сам отбор этих мест отображают особенности формирования национальной идентичности и патриотизма. Одним из главных символов древней русской истории на протяжении столетий оставался город Киев. Его культурный образ многослоен, в нем сочетаются как светские, так и религиозные черты. Месту Киева в общественном сознании на разных этапах исторического развития посвящено немало исследований. Большинство из них основывается на анализе исторических и литературных сочинений, политической риторики, дипломатических переговоров и транслируют в значительной мере официальную идеологию государства и церкви. Вместе с тем, большой интерес для изучения бытового исторического сознания представляют источники личного происхождения, к которым относятся дневники и мемуары путешественников. Сопоставление оценочных суждений и описаний киевских достопамятностей, отраженных в путевых заметках XVIII в., показывает большое разнообразие взглядов на русские древности в Новое время. Краеугольным камнем культурного образа Киева был Киево-Печерский монастырь, который позиционировал его как святой город, место крещения Руси и жизни первых русских подвижников. Культ киевских святых поддерживался печатными изданиями монастырской типографии и привлекал в город многочисленных паломников, движимых не столько жаждой познания русской истории, сколько христианской ревностью. Образованное дворянство, напротив, находило в посещении памятных мест, прежде всего, культурно-исторический интерес. Древнерусские храмы они

* *Ткаченко Виктория Владимировна*, соискатель, специалист по учебно-методической работе кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Tkachenko Viktoriya Vladimirovna, Specialist in Teaching and Guiding, Department of Russian History until the Beginning of the 19th Century, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University

+7-495-939-54-40; victory.tkachenko@gmail.com

сопоставляли с памятниками европейской архитектуры, воспринимая их как эстетическую и художественную ценность. В записках иностранцев прослеживается в целом скептическое отношение к святости киевских реликвий, их внимание больше привлекает светская история города. Наконец, при организации торжественных приемов венценосных гостей прослеживается сопоставление киевской древности с античностью. Отсутствие единства в восприятии главного символа древней русской истории показывает, сколь глубока была культурная стратификация общества в XVIII столетии.

***Ключевые слова*:** Киево-Печерский монастырь, Софийский собор, историческая память, мемуары, путевые заметки, паломники, памятники архитектуры, Антоний Печерский, Екатерина II.

Abstract. An important characteristic of historical consciousness is the society's attitude towards ancient monuments. The recognition or denial of the value of material remnants of the past, the practice of visiting historical places and the very selection of these places reflect the characteristic features of the formation of national identity and patriotism. For centuries, the city of Kiev remained one of the main symbols of ancient Russian history. Its cultural image is multilayered; it combines both secular and religious features. A lot of research is devoted to the place of Kiev in the public consciousness at different stages of historical development. Most of them are based on the analysis of historical and literary works, political rhetoric, diplomatic negotiations, and propound to a large extent the official ideology of the state and the church. At the same time, sources of personal origin, which include the diaries and memoirs of travellers, are of great interest for studying everyday historical consciousness. The comparison of the value judgments and descriptions of Kiev landmarks, reflected in the travel notes of the 18th century, shows a wide variety of views on Russian antiquities in modern period. The cornerstone of the cultural image of Kiev was the Kiev-Pechersk Lavra Monastery, which defined it as a holy city, the place where Russia took the baptism and where the first Russian ascetics lived. The cult of the saints of Kiev was propagated in the publications printed by the monastery printing house, and attracted to the city numerous pilgrims, driven not so much by the thirst for knowledge of Russian history but by Christian zeal. The educated nobility, on the contrary, was primarily interested in cultural and historical aspect of visiting sites, comparing ancient Russian churches with European architectural monuments, perceiving them as aesthetic and artistic treasures. The notes of foreigners reflect a generally sceptical attitude to the sanctity of Kiev relics. Nevertheless, the secular history of the city attracts their attention. Finally, we can trace a comparison between the ancient Kiev and the antiquity in the descriptions of ceremonial receptions of crowned guests. The lack of unanimity in the perception of the main symbol of ancient Russian history shows how deep the cultural stratification of society was in the 18th century.

Keywords: Kiev-Pechersk Lavra Monastery, Saint Sophia Cathedral, historical memory, memoirs, travel notes, pilgrims, architectural monuments, Anthony Pechersky, Catherine II.

* * *

Особое место Киева в историческом сознании русского общества неоднократно отмечалось исследователями (Б.Н. Флоря[1], О.П. Толочко[2], В.М. Рычка[3], И.С. Булкина[4] и др.). Этот город стоял у истоков древнерусского государства, на протяжении столетий был его политическим, экономическим и духовным центром, воспринимался как «мать городов русских», символ исконного могущества и единства[5].

В XVIII в. Киев был одним из самых посещаемых городов Российской империи. Он находился на перекрестье крупных транспортных путей, ведущих в Европу и к Черному морю, служил военным форпостом, развивался как центр образования и просвещения, но, главное — являлся крупнейшим местом православного паломничества, привлекавшим тысячи богомольцев своими святынями. «Язык до Киева доведет», — говорили в народе[6].

Записки и воспоминания многочисленных путешественников, посещавших древнюю столицу в XVIII в., безусловно вызывают интерес как исторический источник. Их собирание началось еще в XIX в. В 1874 г. Киевской археографической комиссией был опубликован «Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей»[7], куда вошли описания города, начиная с летописных извлечений и до свидетельств конца XVIII в. Ряд воспоминаний был издан Л. Синицким в журнале «Киевская Старина»[8]. Такие публикации носили характер ретроспективного обозрения и были призваны перенести читателя в атмосферу городского прошлого.

---

[1] *Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.

[2] *Верстюк В. Ф., Горобець В. М., Толочко О. П.* Україна і Росія в історичній ретроспективі Т. 1. Киев, 2004.

[3] *Ричка В. М.* «Київ — другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). Киев, 2005.

[4] *Булкина И. С.* Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное. Дисс. PHD. Тарту, 2010.

[5] *Ткаченко В.В.* Древний Киев как «место памяти» историческом сознании эпохи Средневековья и раннего Нового времени // Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего. Саратов, 2018. С. 223–227.

[6] Сборник пословиц А.И. Богданова (1741 г.) // Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. М.; Л., 1961. С. 118.

[7] Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. Киев, 1874.

[8] *Синицкий Л.* Малороссия по рассказам путешественников конца прошлого и начала нынешнего столетия // Киевская старина. 1892. Т. XXXVI. С. 226–259; *Синицкий Л.* Путешествия в Малороссию академика Гильденштедта и кн. И.М. Долгорукаго // Киевская старина. 1893. Т. LX. С. 274–292.

С начала XX в. отдельным объектом исследования стала культура путешествий (К.В. Сивков[9], В.А. Михельсон[10], С.А. Козлов[11], М.С. Стефко[12] и др.). Усилился интерес к изучению традиций православного паломничества[13] и путешествиям венценосных особ[14].

Вместе с тем, анализ записок путешественников открывает широкие перспективы для изучения исторической памяти. На фоне официальной идеологии и общественно-политической риторики, яркие впечатления очевидцев от посещения исторических мест и, в частности, Киева, являются проявлениями живого исторического сознания. Знакомство с ними дает возможность проследить, как по-разному могли видеть город наблюдатели, находившиеся в нем одновременно, каким было их отношение к древностям и как формировался образ Киева в повседневном восприятии людей Нового времени.

В рамках исследования был проведен сопоставительный анализ свидетельств 29 путешественников, побывавших в Киеве на протяжении XVIII в. Среди них — записки посадского человека (М.Г. Нечаева), представителей духовенства (И. Лукьянова, Г. Скопина, отца Игнатия, инока Серапиона, митрополита Ионы), происходившего родом из семьи священника чиновника (Г.И. Добрынина), дворян (Е.Р. Дашковой, Д.И. Фонвизина, В.В. Измайлова, А.А. Полетики, Е.Ф. Комаровского, Р.А. фон Каульбарса), академиков (И. Лерхе, И. Гильденштедта), европейцев (Р. Эребо, Ю. Юля, И. Мёллера, Л.-Ф. Сегюра), венесуэльца (Ф. де Миранда), турок (Мухаммеда Дервиша-Эфенди, Шехди Османа, Мухаммеда Неджати-Эфенди) и др., а также известия о путешествиях венценосных особ (Петра I, Елизаветы Петровны, Павла Петровича, Екатерины II). В центре внимания находились их впечатления от посещения киевских древ-

---

[9] *Сивков К.В.* Путешествия русских людей за границу в XVIII веке. СПб., 1914.

[10] *Михельсон В.А.* Русский путевой очерк XVIII — первой половины XIX века. Автореф. дисс. … докт. филол. наук. Киев, 1972.

[11] *Козлов С.А.* Русский путешественник эпохи Просвещения: в 3 т. Т. 1. СПб., 2003.

[12] *Стефко М.С.* Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII — первой четверти XIX в.: автореф. дисс. … канд. ист .наук. М., 2010.

[13] *Шульга Я.М.* Паломництво до київських православних святинь у XVIII ст.: соціоантропологічний вимір. Дисс. … канд. ист. наук. Киев, 2015; *Поплавская Х.В.* Народная традиция православного паломничества в России в XIX — XX веках: автореф. дисс. … канд. ист. наук. М., 2000.

[14] *Брикнер А.Г.* Путешествие императрицы Екатерины II в полуденный край России // Журнал министерства народного просвещения. 1872. Т. 162. Ч. 2. С. 1–51; *Бессарабова Н. В.* Путешествия Екатерины II по России. М., 2005; *Ибнеева Г.В.* Путешествия Екатерины II: опыт «освоения» имперского пространства. Казань, 2006; и др.

ностей: храмов, святынь и памятных мест, связанных с историей домонгольской Руси.

Основные идейные позиции восприятия христианских памятников ранее были сформулированы Л.А. Беляевым[15]. Дополнив его перечень, отметим, что среди путешественников, посещавших Киев в XVIII в., преобладали следующие точки зрения: 1. Религиозная, предусматривающая богослужебное использование церковных памятников и их почитание как христианских святынь. 2. Художественно-эстетическая, сфокусированная, в первую очередь, на художественной ценности памятников как произведений искусства. 3. Научно-аналитическая, видящая в остатках прошлого предмет для исследований. 4. Политическая, воспринимающая прославление национальных древностей как один из элементов формирования государственной идеологии. 5. Скептическая, «отрицающая всякое значение церковных (иногда и всех средневековых) древностей»[16]. Эти позиции могли как сочетаться, так и выступать в своих крайних проявлениях. Учитывая, что подавляющая часть памятников киевской старины имела церковный характер, отношение к ним во многом зависело от конфессиональной и национальной принадлежности их посетителей. Немаловажную роль играли изначальные цели поездки, знакомство путешественника с печатными описаниями города, общие ожидания от посещения древней столицы.

В XVIII в. Киев представлял собой пограничный город, состоявший из трех обособленных друг от друга частей: Старого или Верхнего города, Печерской крепости и Нижнего города (Подола)[17]. Раскинувшийся на высоком берегу Днепра, утопая в зелени садов, он еще издали поражал приезжающих живописностью вида: «Со стороны Днепра, по причине гор, Киев представляет собой прекрасную картину; множество церквей, венчающих возвышенности, делают ландшафт этот очаровательным»[18]. С 1730-х гг. архитектурной доминантой города стала колокольня Киево-Печерской лавры, которая была «так высока, что еще издали прежде всех предметов» возникала «пред взоры путешественника»[19].

---

[15] *Беляев Л.А.* Христианские древности: Введение в сравнительное изучение. СПб., 2000. С. 415.

[16] Там же.

[17] *Ерофалов Б.* Регулярная перепланировка Киева как опыт преемственного преобразования городской структуры // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини. Вип. 1. Киев, 2004. С.80

[18] *Закревский Н.* Описание Киева. Т. 1. М., 1868. С. 93.

[19] Посещение Новороссийского края Ионою, митрополитом Руисским. Тифлис, 1852. С. 20.

Древние православные храмы Киева, в Средние века сильно пострадавшие от татарских набегов и польской католической экспансии, к этому времени уже обрели новую жизнь в блеске украинского барокко. Путешественники могли осмотреть отреставрированные Успенский собор и Троицкую церковь Киево-Печерского монастыря, Софийский собор, Михайловские соборы Выдубецкого и Златоверхого монастырей, церкви Спаса на Берестове, Трех Святителей, Святых Кирилла и Афанасия, Успения Богородицы Пирогощи и др. Среди множества новых каменных церквей особое место занимал храм Рождества Пресвятой Богородицы, построенный в память об утраченной Десятинной церкви.

Городские предания хранили память и о других местах, связанных с древней русской историей. Среди них — гора, где, по легенде, апостолом Андреем Первозванным был воздвигнут крест (на этом месте по приказу императрицы Елизаветы в 1754 г. была построена Андреевская церковь), «Аскольдова могила», Крещатик (по народной молве —источник, где были крещены дети князя Владимира[20]) и др. В одном из городских валов в 1750 г. «для сохранения и вида древности» были засыпаны землей Золотые ворота[21].

Еще до прибытия в Киев, путешественники могли получить сведения о его истории и достопримечательностях из печатных описаний. Роль первого путеводителя по киевским святыням играл Киево-Печерский патерик. В его многочисленных печатных изданиях[22] традиционное повествование о жизни печерских чудотворцев было дополнено вставками из истории Руси, картами пещер и достопамятностей. Ни один из других русских городов в это время не имел аналогичных планов, предназначенных для его посетителей.

На «печатное описание пещер» ссылаются в своих записках Р. Эребо[23], Ю. Юль[24], И. Лерхе[25], Д.И. Фонвизин[26], В.В. Измайлов[27],

---

[20] Мечта о русском единстве. Киевский Синопсис (1674). М., 2006. С. 105.

[21] *Закревский Н.* Описание Киева. Т. 1. С. 325.

[22] На сегодняшний день известны издания 1635 (на польском языке), 1661, 1678, 1702, 1760, 1762, 1777, 1783 гг. и др.

[23] *Эребо Р.* Выдержки из автобиографии Расмуса Эребо, касающиеся трех путешествий его в Россию // Лавры Полтавы. М., 2001. С. 378.

[24] Записки Юста Юля датскаго посланника при Петре Великом (1709–1711). М., 1899. С. 345.

[25] *Закревский Н.* Описание Киева. Т. 1. С. 92

[26] *Фонвизин Д.И.* Отрывки из дневника четвертого заграничного путешествия // Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. М.; Л. 1959. С. 567.

[27] *Измайлов В.В.* Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова. Ч. 1. М., 1805. С. 27–28.

Г.А. Скопин[28] и др. Кроме того, на основе «Патерика» строили свои рассказы монахи, служившие проводниками в пещерах и переводчиками для иностранцев[29], распространяя предания о печерских подвижниках в устной традиции. В конце XVIII в. появляются и другие печатные путеводители: «Краткое историческое описание Киевопечерския лавры»[30], «Краткое историческое известие о Киеве»[31], «Известие о погребенных в Киеве князьях и княгинях рода Рурикова»[32], «Достопамятнейшие древности в Киеве» [33].

Издания Киево-Печерской типографии были ориентированы, в первую очередь, на паломников и формировали образ Киева как святого города. Каждый год монастырь посещало в среднем 130 тыс. богомольцев[34]. Их записки передавали благостный образ райского святого края.

«В Киеве монастырей и около Киева зело много, и пустынки есть. Райския места, есть где погулять!.. — писал московский священник Иоанн Лукьянов. — И пошли во Антониеву пещеру, и тут видели преподобных отец в нетленных плотех… толь множество их, что звезд небесных, все яко живы лежат — дивное чудо!»[35]. Посадский человек Матвей Гаврилович Нечаев пришел «поклонитися в святый Печерский монастырь» из Ярославля, «и видев тамо лавру зело предивну, на брегу Днепра… и походив по пещерах малый час, и почудихся преподобных тех отец таковым многолетним трудам»[36].

Отец Игнатий, совершая паломничество в Святую землю, прибыл «из Курска в Киев и дойдох в пещеры и поклонихся гробом

---

[28] *Скопин Г.А.* Дневная записка пешеходца — саратовского церковника из Саратова до Киева по разным городам и селам // Саратовский исторический сборник. Т. 1. Саратов, 1881. С. 74.

[29] Записки Юста Юля датскаго посланника при Петре Великом (1709–1711). С. 344.

[30] Краткое историческое описание Киевопечерския лавры. Киев, 1791.

[31] Краткое историческое известие о Киеве. Киев, 1791.

[32] Известие о погребенных в Киеве князьях и княгинях рода Рурикова. Киев, 1791.

[33] Достопамятнейшие древности в Киеве. Киев, 1791.

[34] *Шульга Я.М.* Киевские паломники XVIII века: социоантропологическая характеристика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5 (31). Ч. 1. С. 200–203, 201.

[35] Путешествие в святую землю Московскаго священника Иоанна Лукьянова. 1710–1711. М., 1862. С. 12–13.

[36] Путешествие посадского человека Матвея Гаврилова Нечаева в Иерусалим (1719–1720 года). Варшава. 1875. С. 5.

преподобных отец Антонию и Феодосию»[37]. Одухотворение от посещения киевских святынь породило в нем «желание восприять монашеский чин»[38]. Инок Серапион «от монастыря Матроновскаго идох на поклонение в Богоспасаемый град Киев, и тамо, поклонившися чудотворной Пресвятыя Богородицы иконе, и Преподобным Отцем Печерским, и Святой Великомученице Варваре, и Святителю Христову Макарию, возложившись на Господа и Пречистую его Матерь и Святых его угодников, яхся благополучно намереннаго… пути»[39].

Сын священника Г.И. Добрынин отмечал, что крайне сильное впечатление произвел на него «долгий, подземельный с закоулками ход, из-под сводов которого души преподобных вознеслись в селения небесныя»[40]. Созерцание гробов святых «умножило» в нем «священное почитание к месту», а нетление мощей «избиеннаго от Ирода младенца» (которых он на самом деле «не видал, но видел ящик, довольно высоко прибитый к стене») уверяло его в истинности описанных в священной истории событий[41].

Таким образом, в восприятии богомольцев историческая древность не была главной ценностью Киева. Она меркла перед святостью места, вневременной и вечной. Видимым подтверждением этому должны были служить «живые» на протяжении столетий печерские чудотворцы, над которыми мирское время не было властно. Киевские святые не воспринимались как часть ушедшего прошлого, они продолжали творить чудеса и в настоящем.

Среди воспоминаний духовенства выделяются лишь записки митрополита Ионы (Гедеванишвили), жившего в Киеве в 1792–1794 гг. Будучи церковным иерархом, направленным в город по долгу службы, он менее эмоционален и, кроме святынь, интересуется хозяйственным устройством Печерского монастыря (келий, погребов и кухни)[42].

---

[37] Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, Афонскую гору, Святую Землю и Египет 1766–1776 гг. // Православный палестинский сборник. Вып. 36. СПб., 1891. С. 2.

[38] Там же.

[39] Путник или путешествие во Святую Землю Матронинскаго монастыря инока Серапиона 1749 года // Чтения общества истории и древностей российских. Кн. 3. М., 1873. С. 78.

[40] *Добрынин Г.И.* Истинное повествование, или жизнь Гавриила Добрынина, им самим написанная. 1752–1827 // Русская старина. № 2. 1871. С. 148.

[41] Там же.

[42] Посещение Новороссийского края Ионою, митрополитом Руисским. С. 20–21.

До середины XVIII в. церковный образ Киева заметно преобладал над светским. Первая и на протяжении полутора столетий самая популярная печатная книга по русской истории, «Синопсис» Иннокентия Гизеля, также изображала его как «богоспасаемый преславный и первоначальный всея России Царственный град», «с пребогатыми сокровищи, церквами святыми и обительми, с… чудотворною Лаврою Печерскую Киевскою, и с Преподобных отец Печерских нетленными, многочудесными и многоцелебными мощами»[43].

Попытки создать светское описание города долгое время не имели успеха. Отвечая на запрос о городских древностях в 1760 г., киевская губернская канцелярия сообщала, что «при Киеве старых городов оставшихся развалин и городищ и никаких признаков ныне почти не видно»[44], об основании города «в Киевской губернской канцелярии известия не имеется», «а что оный город верхний давно был от татар и других народов осаждаем и разоряем, о том с происходимого в народе слуху известно, но когда именно и от кого те разорения чинимы были, неизвестно»[45]. Целый ряд составленных в XVIII в. топографических и исторических описаний Киева вплоть до конца XIX в. так и не был опубликован[46]. Помимо вышеперечисленных церковных изданий, в распоряжении путешественников могли быть лишь устаревшее и не переведенное на русский язык «Описание Украины» Г. Боплана[47], где содержался общий перечень главных городских достопримечательностей (по состоянию на середину XVII в.), и некоторые сведения из сочинений И. Гербиния[48] и В. Рубана[49].

Для путешествующих дворян приезд в Киев непременно сопровождался визитами к родственникам или знакомым. Часто это была лишь промежуточная остановка по дороге в Европу. Посещая всё те

---

[43] Мечта о русском единстве… С. 214.

[44] Описание г. Киева, составленное Киевской губернской канцелярией в 1760 г. // А. А[ндриевский]. Исторические материалы из архива Киевского губернского правления. Вып. 3. Киев, 1888. С. 140.

[45] Там же. С. 117–118.

[46] Описание града Киева в 1753 году в Печерской Лавре сочиненное // Архіви України. 1984. № 5. С. 42–51; *Новгородцев В.И.* Географическое описание города Киева // Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. Киев, 1874. С. 125–155.

[47] *Beauplan G.* Description d'Ukranie, qui sont plusieurs provinces du Royaume de Pologne. Rouen, 1660.

[48] *Herbinius I. Religiosae Kijovenses cryptae* sive Kijovua subterranean. Jenae, 1675.

[49] *Рубан В.* Краткие географические, политические и исторические известия о Малой России. СПб., 1773.

же святыни, представители высших сословий делали акцент на их эстетической и художественной ценности, нередко сравнивая с зарубежными достопримечательностями.

«В Киеве, — вспоминала о своем путешествии Екатерина Дашкова, — я встретила радушный прием со стороны генерал-губернатора Воейкова, родственника моего мужа, отлично образованного человека… Он был моим проводником в пещеры, вырытые в центре горы, на которой раскинулась часть города. В этих подвалах хранятся мощи святых, уже несколько веков как умерших, каким-то чудесным образом нетленные. Он также показал мне собор Печерского монастыря, замечательный по его древней мозаике на стенах. В одной из богатых церквей, столь многочисленных в этом городе, уцелела фресковая живопись, представляющая соборы, бывшие в Киеве до отделения русской иерархии от константинопольской»[50]. «Ездил я суженою в Печорский монастырь, — писал Д.И. Фонвизин. — Соборная церковь прекрасна, но весьма далеко отстала от римской церкви святого Петра; оттуда ездили мы в монастырь Софийский, где нашел я несколько мозаичной работы»[51]. «Приближаясь к стенам Печерской Лавры, вы видите на святых воротах праведных мужей, оживленных не кистию славного Эспаньолета, но рукою усердной набожности», — отмечал В. Измайлов, имея в виду живописца «которой в одной неапольской церкви… написал мастерски образа 12-ти Пророков»[52].

Тот же интерес к архитектуре и живописи прослеживается в записках иностранцев. Вместе с тем, зарубежным путешественникам свойственно, в целом, скептическое отношение к святости православных реликвий. Датский посланник Ю. Юль, отметив великолепие киевских храмов, прямо называет печерских святых «воображаемыми»[53]: «Мне показывали их руки и ноги: они почернели, ссохлись и, вследствие сухости (воздуха в пещерах), завялились, в виду чего (этих людей) и стали признавать и почитать за Святых»[54]. И.В. Мёллер, так и не успевший посетить Святую Софию, довольствовался слухами: «Говорят, что в Софийской церкви есть картины Рубенса и Рафаэля Урбино, а также и картины à la Mosaique». Его

---

[50] Записки княгини Дашковой // Русская старина. 1906. № 4. С. 38.

[51] *Фонвизин Д.И.* Отрывки из дневника четвертого заграничного путешествия // Собрание сочинений в 2 томах. Т. 2. М.; Л. 1959. С. 567.

[52] *Измайлов В.В.* Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова. Ч. 1. М., 1805. С. 19.

[53] Записки Юста Юля датскаго посланника при Петре Великом. С. 347.

[54] Там же. С. 344.

впечатления от поклонения мощам печерских чудотворцев весьма характерны: «У каждаго из них богомольцы открывают свой кошелек, и деньги остаются на платьях святых для поминания пришедших. Так как однообразие утомляет, то мое внимание было больше направлено на картины, которыми келии святых были украшены богомольцами, и я очень жалею, что должен был довольствоваться только взглядом мельком на них»[55].

Посетивший Россию в 1786–1787 гг. будущий национальный герой Венесуэлы Франциско де Миранда видел в православном богослужении много «нелепого и суеверного»[56]. Он отмечал, что в пещерах из-за большого скопления людей царила «сильная духота»[57], что в церкви Печерского монастыря, напротив, «пол устлан железными плитами и потому дьявольски холодный»[58]. Софийский собор он называет одним «из самых старинных и замечательных здешних храмов», не преминув добавить, что «на куполе и хорах сохранилась довольно древняя мозаика, выполненная в скверной манере эпохи упадка империи»[59]. Помимо этого, Миранда упоминает о своем поиске руин «знаменитой старинной церкви Св. Василия, где есть древнегреческие надписи»[60] и осмотре множества церквей. Однако наилучшее впечатление на него производят поздние постройки — «Братская церковь» («одна из самых больших и красивых») и церковь св. Андрея, которая «хотя и невелика, отличается хорошим стилем и правильными пропорциями»[61].

Отдельную группу путешественников составляли ученые-исследователи, приезжавшие в Киев в ходе научных экспедиций. Печерские пещеры были для них объектом для изучения, а нетленность мощей чудотворцев они пытались объяснить рационально. Описывая свое посещение монастыря, академик И. Лерхе подробно фиксирует особенности устройства подземного хода («вышиною в сажень, свод коего дугообразен, а пол вымощен кирпичом»), стен («столь же крепки, как бы из кирпича, впрочем можно их скоблить…»[62]) и т.д. Он отмечает, что «идя в пещеры, взял… с собою Фарингейтов

---

[55] *Мёллер И.В.* Киев в 1787 г. и дед покойного Н.Х. Бунге // Киевская старина. 1895. Т. 50. № 9. Отд. 2. С. 66.

[56] *Миранда Ф.* Путешествие по Российской Империи. М., 2001. С. 104.

[57] Там же. С. 141.

[58] Там же. С. 203.

[59] Там же. С. 147, 148.

[60] Там же. С. 92.

[61] Там же. С. 148.

[62] *Закревский Н.* Описание Киева. Т. 1. М., 1868. С. 92.

термометр, наполненный спиртом. В пещере температура оказалась + 41 градус …, а до того при входе + 70 градусов»[63].

Академик И. Гильденштедт, как геолог, останавливается на свойствах «легкой железистой почвы, состоящей из смеси глины и песка», и указывает на то, что «благодаря свойству гор, а также высокому и крутому положению, в пещерах очень сухо; поэтому легко могло получиться, что тела усопших, погребенных в пещерах, не разложились, а высохли»[64]. Несмотря на явное преобладание естественнонаучных интересов, Гильденштедт демонстрирует прекрасное знание русской истории. В частности, он упоминает о том, что Софийский собор был построен Ярославом Мудрым «по образу собора в Константинополе, на месте, где он разбил печенегов»[65], подробно освещает историю Десятинной церкви, Михайловского Златоверхого монастыря и др.

Среди множества поводов и причин для приезда в Киев необходимо отдельно выделить визиты высокопоставленных лиц, вызванные политическими или военными нуждами. На протяжение XVIII в. Российская империя активно расширяла свои юго-западные границы, участвовала в череде русско-турецких войн и разделах Польши. В этом контексте Киев играл роль ключевого стратегического пункта и военной крепости как в русско-польских, так и в русско-крымских и русско-турецких взаимоотношениях.

Через Киев регулярно проезжали турецкие послы, направлявшиеся в Санкт-Петербург. Из оставленных ими описаний города видно, что привлекавшие внимание других путешественников христианские святыни турок, как мусульман, почти не интересовали. В то же время, их поездки явно несли отчасти разведывательную функцию, а потому внимание было сконцентрировано на устройстве военных укреплений. «Город *Киве* (sic!), — писал Мухаммед Дервиш-Эфенди, — состоит из двух крепостей, отдельных и расположенных одна против другой; они окружены рвами, снабжены кругом подкопами, и наполнены войсками, под начальством одного из важных Генералов»[66]. Шехди Осман также описывает в первую очередь устройство крепостей («окружены не доступными ни для

---

[63] Там же. С. 93.

[64] *Güldenstädt J.A.* Reisen durch Rußland und im Caucasischen Gebürge. St. Petersburg, 1791. P. 349. См. также: *Синицкий Л.* Путешествие в Малороссию академика Гильденштедта и кн. И.М. Долгорукого // Киевская старина. Т. LX. 1893. С. 280.

[65] *Güldenstädt J.A.* Reisen durch Rußland und im Caucasischen Gebürge. St. Petersburg, 1791. P. 352.

[66] Посольство Дервиша-Михаммед-Эффендия в Россию, в 1168 году эгиры (то есть 1755 после Р. Х.) // Северный архив. 1826. Ч. 19. № 1. Отд. 1. С. 6.

конных, ни для пеших бесчисленными земляными валами и рвами, а также палисадами и укреплениями в виде труднопроходимых барьеров и плотин»[67]) и упоминает лишь о расположении внутри Печерской крепости «в высшей степени доходного монастыря», где «в числе погребенных последователей веры имеются несколько избранных монахов, наиболее почитаемых из всех». С его точки зрения, посещение Киева императрицей Елизаветой происходило лишь «под предлогом паломничества», а на самом деле, вероятно, «для какой-нибудь тайной цели»[68]. «Крепость Новый Киев угрожаема со стороны Очакова, — обращал внимание турецкий пленный Мухаммед Неджати-Эфенди. — Да будет облегчено, если Богу угодно, покорение ея мусульманами!»[69].

Неоднократно на протяжении XVIII в. приезжали в Киев российские венценосные особы. Во время Северной войны здесь трижды бывал Петр I (в 1706 и 1709 гг.). В 1744 г. совершила визит Елизавета Петровна в сопровождении наследника престола, великого князя Петра Федоровича и его невесты, юной Екатерины Алексеевны. В 1781 г. проездом в Европу Киев посетили Павел Петрович с супругой Марией Федоровной. И, наконец, в 1787 г. Императрица Екатерина II провела здесь целую зиму во время своего триумфального путешествия в Тавриду, целью которого было посещение недавно присоединенных к Российской империи южных земель.

Русское правительство видело в Киеве, с одной стороны, важный военно-стратегический пункт, а с другой — национальный символ, призванный показать преемственность между великим прошлым и настоящим российской державы. Поэтому даже вызванные прагматическими нуждами посещения государей неизбежно приобретали идеологическое значение.

Так Петр I, прибывший сюда из-за необходимости спешного строительства военных укреплений под угрозой нападения шведов, наравне с прочими почетными гостями посещал «все прославленные святостию храмы и места»[70] и поклонялся мощам печерских святых. Решение перенести киевскую крепость из города в Печерский мо-

---

[67] *Тверитинова А.С.* Извлечения из описания посольства в Россию Шехди Османа в 1758 г. // Восточные источники по истории народов юго-восточной и центральной России. Ч. II. М., 1969. С. 298.

[68] Там же.

[69] Записки Мухаммеда Неджати-Эфенди, турецкаго пленнаго в России в 1771–1775 гг. // Русская старина. 1894. Т. 81. Вып. 5. С. 159.

[70] Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 2. М., 1788. С. 128.

настырь, помимо стратегических расчетов, он аргументировал тем, «что вся Украина оное место надмеру в почтении имеют», а закладка укреплений произошла 15 августа, в престольный для монастыря праздник Успения Богородицы[71].

Торжественные приемы, устраиваемые местными властями для высокопоставленных гостей, демонстрируют еще одну тенденцию в формировании образа города — попытку отождествления киевской древности с «русской античностью», что соответствовало поэтическим идеалам того времени. Встречая Елизавету Петровну, студенты Киевской академии подготовили театральное представление, во время которого на колеснице, запряженной крылатыми конями-пегасами, «выезжал за город важный старик самого древнего вида, великолепно прибранный и украшенный короной и жезлом, но сделанный с молодого студента»[72]. Этот античный герой символизировал собой «древнего основателя и Князя Киевскаго, Кия», который встречал Государыню на левом берегу Днепра, приветствовал торжественной речью и, называя своей наследницей, приглашал в город. Во время визита царевича Павла Петровича площадь перед дворцом украшали изображения Плутона, Прозерпины, Нептуна и купидонов, а колокольня Киево-Печерской лавры была иллюминирована «фигурою пирамиды»[73]. Русская древность, таким образом, фактически заменялась античной.

Целый комплекс воспоминаний связан с приездом в Киев императрицы Екатерины II. В рамках подготовки ее Таврического путешествия был напечатан путеводитель[74], куда вошло и описание Киева. По справедливому замечанию И.С. Булкиной, этот текст не столько рассказывал о достопримечательностях, сколько отражал историю последовательных разрушений некогда прекрасной древней столицы[75]: «В 968 город сей был осажден печенегами; в 1080 г. сим же народом округа киевская опустошена»[76] и т.д. Из древнерусских

---

[71] Журнал или поденная записка государя императора Петра Великого. Ч. 1., СПб., 1770. С. 126; Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России… Ч. 2. М., 1788. С. 336.

[72] *Конисский Г.* История русов или Малой России. М., 1846. С. 244.

[73] *Александрович Д.* Дневник. Отрывки // Закревский Н. Описание Киева. Т. 1. М., 1868. С. 98.

[74] Путешествие ея Императорского Величества в Полуденный край России. СПб., 1786.

[75] *Булкина И.С.* Указ. соч. С. 44.

[76] Путешествие ея Императорского Величества в Полуденный край России. СПб., 1786. С. 34–35.

храмов здесь упоминался лишь Софийский собор, а также Печерский, Михайловский (Златоверхий) и Выдубицкий монастыри.

Киев оставил противоречивые впечатления у императрицы: «Странный здешний город: он весь состоит из укреплений, да из предместий, а самого города я до сих пор еще не могу доискаться; между тем, по всей вероятности, в старину он был, по крайней мере, с Москву…»[77]. «Все эти разрушенные части зовутся Киевом и заставляют думать о минувшем величии этой древней столицы»[78]. «От прежнего величия в нем уцелели лишь богатые храмы»[79].

Свое посещение пещер Екатерина назвала ужасной прогулкой («la terrible promenade»), которая длилась не меньше двух часов[80]: «Вчерашний день Мы были в пещере и поклонились Святым Мощам, и хотя мороз был градусов до двенадцати, но в верхних пещерах Мы все были без шуб, а в нижние сошед, было так жарко, что из оных вышед не было ни единаго человека, который бы не вспотел так, как в жарчайшие летние дни»[81].

По словам французского посланника Л.-Ф. Сегюра, когда императрица поинтересовалась мнением собеседников о Киеве, австрийский посол граф Кобенцель, желая ей угодить, воскликнул: «Государыня, это самый дивный, самый величественный, самый великолепный город, какой я когда-либо видел!». Англичанин Фитц-Герберт отвечал: «Если сказать правду, так это незавидное место, видишь только развалины да избушки». А сам Сегюр заметил: «Киев представляет собою воспоминание и надежды великого города»[82].

Русские дворяне, сопровождавшие Екатерину, судя по всему, мало интересовались городскими достопамятностями. Всё внимание в их записках приковано к императрице. «В Киев приехало множество разных вельмож, а более поляков, и двор был весьма великолепен, особливо у заутрени, в Светлое Христово Воскресение, в Печерской лавре», — писал Е.Ф. Комаровский[83]. «У вечерни Императрица изво-

---

[77] Письма Екатерины II к барону Гримму // Русский архив. 1878. Вып.10. С. 131.

[78] Императрица Екатерина II. Письма и документы // Русская старина. Т. VIII. 1873. С. 671–673.

[79] Письма императрицы Екатерины II и И.Г. Циммерманну // Русская старина. 1887. № 8. С. 288.

[80] Русские государи в Киеве. Киев, 1896. С. 109.

[81] Письма Ея Императорского Величества Екатерины II к г-ну Ерапкину // Сочинения Императрицы Екатерины II. Т. III. СПб., 1850. С. 337–338.

[82] Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб., 1865. С. 415.

[83] Записки графа Е. Ф. Комаровского. СПб., 1914. С. 4.

лила быть в Софийском соборе… а после придворныя и дворянския дамы допущены были к руке», — отмечал А.А. Полетика[84] и т.д. Находившийся в свите графа Румянцева секунд-майор Р. Каульбарс подробно перечисляет все знакомства, которые ему удалось завести во время пребывания императрицы в Киеве, лишь коротко пояснив, что помимо светских визитов, он также осматривал «все церкви, монастыри и самый город»[85].

Торжественные приемы оказывались важнее погружения в дух древности, а старинные храмы становились лишь «декорациями» для придворных интриг. «Ах! Боже мой! Какой сброд! Какая суматоха!» — отзывался о екатерининских приемах принц де Линь[86]. Сегюр открыто сетовал на то, что надеялся осмотреть «разные заведения и постройки» в местах, которые посещала императорская свита, а не «видеть везде тот же двор, слушать все те же православные обедни и присутствовать на балах». На что Екатерина поясняла: «Я путешествую не для того только, чтоб осматривать местности, но чтобы видеть людей; я довольно знаю этот путь по планам и по описаниям»[87].

То, насколько второстепенными исторические ценности казались организаторам триумфального путешествия по сравнению с возможностью получить благосклонность государыни, ярко отражает эпизод из записок Д.Н. Свербеева (с Киевом, правда, не связанный). С гордостью он рассказывает о находчивости своего отца, которому поручили выстроить для императрицы путевой дворец на Перекопе. Строительных материалов не хватало, однако, по счастью, недалеко находился «какой-то замок, построенный еще владевшими некогда Крымом генуэзцами»[88]. Его благополучно разобрали на камень, и, проведя в новом дворце всего одну ночь, Екатерина осталась весьма довольна и щедро наградила строителя.

Итак, выявленное разнообразие оценок наглядно демонстрирует, что единого восприятия Киева среди лиц, непосредственно его посетивших, не существовало. Многочисленные паломники видели в

---

[84] Записки о пребывании императрицы Екатерины второй в Киеве в 1787 г. СПб., 1843. С. 19–20.

[85] *Каульбарс Е.К.* Дневник секунд-майора Черниговского карабинерного полка барона Р. Фон Каульбарса. 1780–1790 гг. // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. Кн. 1. 1910. С.238–239.

[86] Письма и мысли маршала принца де Линь. Ч. 1. М., 1809. С. 75.

[87] Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб., 1865. С. 416.

[88] *Свербеев Д.Н.* Мои записки. М., 2014. С. 20.

нем святой город. Этот образ поддерживался печатными изданиями Киево-Печерской лавры, но не всегда воспринимался светскими путешественниками. Образованных дворян более интересовала художественно-эстетическая сторона убранства киевских храмов, мозаики и иконы как произведения искусства. Их представления о русской старине оказывались под сильным влиянием поэтических образов античности и эталонов европейской архитектуры. Ученые воспринимали киевские древности как объект для естественнонаучных исследований. Кроме того, значительный пласт людей достопамятности, кажется, не интересовали вовсе. Киев был для них обычным провинциальным городом, военной крепостью и местом прохождения службы.

Мозаичность мнений в отношении главного символа древней русской истории укрепляет представление о значительной культурной стратификации русского общества XVIII в. и ярко характеризует сложный и длительный процесс поиска идентичности, который оно переживало после петровских реформ. XVIII столетие лишь создавало предпосылки к «открытию русской древности», которое в полной мере произойдет в XIX в.

References

Beletskiy A.I. *Obraz Kiyeva v khudozhestvennoy literature* [The Image of Kiev in Fiction] // *Naukovi zapysky Kyyivs'koho universytetu*. Vol. 3. Is. 2. 1946, pp. 5–30.

Belyayev L.A. *Khristianskiye drevnosti: Vvedeniye v sravnitel'noye izucheniye* [Christian Antiquities: An Introduction to Comparative Study]. Saint Petersburg: Aleteya, 2000. 574 p.

Bessarabova N.V. *Puteshestviya Yekateriny II po Rossii* [Travels of Catherine II in Russia]. Moscow: Eksmo, 2014. 352 p.

Bulkina I. *Kiyev v russkoy literature pervoy treti XIX veka: prostranstvo istoricheskoye i literaturnoye. Diss.PHd* [Kiev in the Russian Literature of the First Third of the 19th Century: Historical and Literary Space. Diss. PHd]. Tartu University, 2010.

Ibneyeva G.V. *Puteshestviya Yekateriny II: opyt "osvoyeniya" imperskogo prostranstva* [Travels of Catherine II: the Experience of "Reclaiming" the Imperial Space]. Kazan': Kazanskiy gosudarstvennyy universitet imeni V.I. Ul'yanova-Lenina, 2006. 254 p.

Kozlov S.A. *Russkiy puteshestvennik epokhi Prosveshcheniya: v 3 t.* [Russian Traveller of the Enlightenment: in 3 vols]. Vol. 1. Saint Petersburg: Istoricheskaya illyustratsiya, 2003. 494 p.

Mikhel'son V.A. *Russkiy putevoy ocherk XVIII — pervoy poloviny XIX veka. Avtoreferat diss.* [Russian Travel Essay of the 18th — First Half of the 19th Century. Abstract of the Doctor of Philology Diss.]. Kiev: Shevchenko Institute of Literature, 1972, 47 p.

Pashuto V.T., Florya B.N., Khoroshkevich A.L. *Drevnerusskoye naslediye i istoricheskiye sud'by vostochnogo slavyanstva* [Old Russian Heritage and Historical Fate of the Eastern Slavs]. Moscow: Nauka, 1982. 263 p.

Richka V.M. *"Kyyiv — druhyy Yerusalym" (z istoriyi politychnoyi dumky ta ideolohiyi serednʹovichnoyi Rusi)* ["Kyiv is the second Jerusalem" (on the History of Political Thought and Ideology of Medieval Russia)]. Kyiv: Instytut istoriyi Ukrayiny NAN Ukrayiny, 2005. 243 p.

Shul'ga Ya.M. *Palomnytstvo do kyyivs'kykh pravoslavnykh svyatyn' u XVIII st.: sotsioantropolohichnyy vymir. Diss.* [Pilgrimage to Kiev Orthodox Shrines in the 18th Century: Socio-anthropological Dimension. Diss.]. Kyiv National Shevchenko Universty, 2015.

Sivkov K.V. *Puteshestviya russkikh lyudey za granitsu v XVIII veke* [Traveling of Russian People Abroad in the 18th Century.]. Saint Petersburg: Tipografiya "Energiya", 1914. 134 p.

Stefko M.S. *Yevropeyskoye puteshestviye kak fenomen russkoy dvoryanskoy kul'tury kontsa XVIII — pervoy chetverti XIX vekov. Avtoreferat diss.* [European Journey as a Phenomenon of Russian Noble Culture of the Late 18th — First Quarter of the 19th Centuries. Abstract of the Candidate of History Diss.]. Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN, 2010, 28 p.

Tkachenko V.V. *Drevniy Kiyev kak "mesto pamyati" v istoricheskom soznanii epokhi Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni* [Ancient Kiev as a "Place of Memory" in the Historical Consciousness of the Middle Ages and Early Modern Times] // *Istoricheskaya pamyat': travmy proshlogo, protivorechiya nastoyashchego, perspektivy budushchego* [Historical Memory: Traumas of the Past, Contradictions of the Present, Perspectives of the Future]. Saratov: ITS Nauka, 2018, pp. 223–227.

Verstyuk V.F., Gorobets' V.M., Tolochko O.P. *Ukrayina i Rosiya v istorychniy retrospektyvi* [The Ukraine and Russia in Historical Retrospect]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka, 2004. 504 p.

Yerofalov B. *Regulyarnaya pereplanirovka Kiyeva kak opyt preyemstvennogo preobrazovaniya gorodskoy struktury* [Regular Redevelopment of Kiev as an Experience of the Continuous Transformation of the City Structure] // *Suchasni problemy doslidzhennya, restavratsiyi ta zberezhennya kul'turnoyi spadshchyny* [Present-day Issues of Research, Restoration and Preservation of Cultural Heritage]. 2004. Is. 1, pp. 79–86.

Поступила в редакцию
30 мая 2018 г.

М.В. Мальцева*

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ И УМЕНИЯ «СОВЕРШЕННОГО КУПЦА» И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ ВЕЛИКОУСТЮГСКОЙ КУПЕЧЕСКОЙ СЕМЬИ БУЛДАКОВЫХ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.

M.V. Mal'tseva

THE "PERFECT MERCHANT'S" PROFESSIONAL KNOWLEDGE AND SKILLS AND THEIR IMPLEMENTATION IN THE BUSINESS OF THE VELIKY USTYUG MERCHANT FAMILY OF THE BULDAKOVS IN THE LATE 18th — EARLY 19th CENTURIES

Аннотация. Эффективность методов исторической антропологии, активно реализуемых в современной исторической науке, и наличие социального запроса на изучение истории предпринимательства делают актуальным обращение к проблеме профессиональных знаний и умений купечества. Хотя эта тема изучается давно, вопрос о конкретных проявлениях купеческих знаний в их деловой активности остается слабо разработанным. Большие возможности для исследования этой проблемы предоставляют источники личного происхождения, а именно — частная переписка купцов. Благодаря ей удается погрузиться в купеческий деловой мир, повседневные заботы и размышления. Источники такого рода, особенно относящиеся к купеческой среде дореформенной России, исключительно редки. Одним из таких комплексов является эпистолярное наследие великоустюгской семьи Булдаковых рубежа XVIII–XIX вв. Анализ этой деловой корреспонденции позволяет понять, что успех купца в торговой деятельности зависел, прежде всего, от его опытности, образованности и набора особых личностных качеств. Важнейшее значение имел навык проводить тщательный анализ конъюнктуры, умение собирать необходимую информацию, своевременно передавать ее, систематизировать и делать верные выводы. В этом проявлялось наличие аналитического и критиче-

* *Мальцева Мария Вячеславовна,* преподаватель кафедры всеобщей истории и социально-экономических дисциплин Вологодского государственного университета

Mal'tseva Maria Vyacheslavovna, Lecturer, Department of the World History and Socio-Economical Disciplines, Vologda State University

+7-911-517-59-52; guzakova-mv@yandex.ru

ского мышления, широкого кругозора (от конкретных знаний о работе почтовой службы до понимания влияния внешнеполитической ситуации на предпринимательскую активность населения разных стран) и способности применять имеющийся опыт на практике. Немаловажной составляющей успеха торгового дела было умение находить взаимопонимание с людьми разного статуса и рода занятий. Это, наряду с организаторскими способностями купца, обеспечивало эффективное функционирование «предприятия». Обилие различных контактов также способствовало увеличению объема актуальной информации. При изучении проблемы профессиональных знаний купца важным вопросом представляется способ их распространения. Несмотря на популярность среди просветителей идеи получения специального коммерческого образования, купцы продолжали приобретать его в «практической школе» коммерции, куда новый опыт и знания проникали гораздо быстрее.

Ключевые слова: деловая корреспонденция, купеческая переписка, искусство торговли, коммерческое образование, купцы Булдаковы, семейная торговля, анализ конъюнктуры.

Abstract. The efficacy of methods of historical anthropology actively implemented in present-day historical studies and the social request to research on the history of entrepreneurship enable us to address the issue of merchants' professional knowledge and skills. Although this topic has been examined for many years, the implementation of merchants' knowledge in this estate's business activity remains poorly studied. Great opportunities for investigating this problem are provided by personal sources, namely, by merchants' private correspondence. Due to them, one can better understand the merchants' business world, their everyday concerns and thoughts. Such sources, especially those related to the merchant milieu of pre-reform Russia, are extremely scarce. One of these rarities is the 18th–19th century epistolary corpus of the Buldakov family from Veliky Ustyug. Its analysis allows us to understand that the success of a merchant in trading activities depended primarily on his experience, education and a set of special personal qualities. The abilities to conduct a thorough analysis of market trends, to collect the necessary information, to transmit it in a timely manner, to systematize and draw adequate conclusions were most important. This demonstrated availability of analytical and critical thinking, a broad outlook (ranging from specific knowledge of the postal service to understanding the impact of the international situation on the entrepreneurial activity in different countries) and the ability to implement the experience. A significant element of the success of trading was the capability to find mutual understanding with people of different status and occupations. All this, along with the merchant's organizing abilities, ensured the effective functioning of the "enterprise". The multiple contacts also stimulated an increase of relevant information. When studying merchants' professional knowledge, the method of its dissemination is an important issue. Although the idea to obtain a special commercial education was very popular among enlighteners, the merchants

continued to acquire it at the "practical school" of commerce, where new skills and knowledge spread much faster.

Keywords: business comunication, merchant correspondence, the art of commerce, commercial education, the Buldakovs, family trade, market analysis.

* * *

В связи с осознанием роли человека не только как субъекта, находящегося в центре различных процессов, но и в значительной степени управляющего ими, в современной исторической науке значительно увеличилось количество антропоцентрических исследований. В экономической истории также усилился интерес к личности предпринимателя и социокультурным аспектам экономического развития. Такая ориентация исследований вызвана не только развитием исторической науки, но и социальным запросом, формируемым современным российским предпринимательством.

В этой связи, важным представляется рассмотрение вопроса о профессиональных знаниях и умениях российского купечества, применяемых в их практической деятельности. Изучение социокультурного облика купечества началось еще в XIX в. и было продолжено в историографии постсоветского периода. Благодаря многочисленным исследованиям выяснены личностные и профессиональные черты идеального, «совершенного» купца, каким он предстал в литературе XVIII в. Среди качеств, способствовавших успеху коммерческой деятельности, выделяют такие, как трудолюбие, предприимчивость, опытность, коммуникабельность и честность. Ключевым условием достижения значительных результатов в этой сфере считалось владение искусством коммерции[1]. Оно включало в себя знание товаров, форм торговли, денежного счета, умение вести двойную бухгалтерию, корреспонденцию и многое другое. Причем, как заметила А.Л. Кузеванова, «совершенному купцу» предписывалось соблюдать принцип стремления к новым знаниям[2]. В качестве источников знаний о ком-

---

[1] *Кизеветтер А.А.* Школьные вопросы нашего времени в документах прошлого века // Образование. 1899. № 2. С. 98–119; *Ушаков А.С.* Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. Вып. 1. М., 1865; *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е — начало 60-х годов. М., 1999; *Она же.* Некоторые черты личностного образа купца XVIII в. (К вопросу о менталитете российского купечества) // Менталитет и культура предпринимательских кругов России XVIII–XIX вв. М., 1996; *Она же.* Организация коммерческого образования в России в XVIII в. // Исторические записки. Т. 117. 1989. С. 288–314 и др.

[2] *Кузеванова А.Л.* «Совершенный купец» в России XVIII–XIX вв.: ценностные принципы и их реализация в деловой практике (социологический анализ) // Перспективы науки. 2010. № 12 (14). С. 60.

мерции назывались собственный опыт, «прилежное размышление и зрелое или благоразумное умозрение, когда купец при своих торговых делах и проскакивающих случаях»[3], обращение в услугах у других купцов, путешествия за границу и чтение ведомостей.

Присущие купечеству социокультурные черты до сих пор изучались на основе произведений иностранных и отечественных авторов о коммерции, записок, проектов и предложений российского купечества, адресованных в центральные учреждения страны, а также крепостных записях различных частноправовых актов. Иные возможности открываются с привлечением источников личного происхождения. Они позволяют исследователям погрузиться в купеческий мир, услышать голоса купцов того времени, увидеть стратегии их поведения в различных деловых ситуациях. Это дает возможность оценить уровень профессиональных знаний и умений, которыми обладали российские предприниматели, а также увидеть их проявления в реальной торговой деятельности купцов. Именно этому аспекту и посвящена настоящая статья. Ее источниковую базу составляет эпистолярное наследие великоустюгской семьи Булдаковых, начавшей заниматься торговлей в конце XVIII в. К сожалению, оно не составляет единого фонда, находясь в различных архивных учреждениях России и США (РГАДА, АВПРИ, ГИМ, Библиотека Конгресса США, ВГИАХМЗ, ГАВО). Этот комплекс деловой и частной переписки, насчитывающий более пятисот писем за период 1781–1826 гг., уже не раз привлекал внимание исследователей — прежде всего тех, кто занимается историей Русской Америки и Российско-Американской компании. Кроме того, на его основе была изучена организация торговой деятельности провинциального купечества. Настоящая статья является продолжением разработки этой проблемы и базируется на материалах, хранящихся в РГАДА и в Отделе письменных источников Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея–заповедника (ОПИ ВГИАХМЗ)[4].

---

[3] Начертание полной купеческой системы, купно с начальными основаниями торговой науки, и с приобщением краткой истории о торговле, водою и сухим путем отправляющейся, из которой можно притом усмотреть настоящее состояние Европейской торговли, производящейся и в другия части света, к услугам прилежащих к торговле, сочиненное Карлом Гинтером Людовицием, и в пользу российскаго купечества переведенное надворным советником Федором Сапожниковым. Ч. 1. М., 1789. С. 32.

[4] Первые обобщенные выводы по проблеме были опубликованы в тезисах конференции «Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.»: *Мальцева М.В.* Искусство торговли по материалам деловой переписки великоустюгской купеческой семьи Булдаковых конца XVIII — начала XIX в. // Торговля, купечество

Прежде чем перейти к анализу профессиональных умений Булдаковых, необходимо познакомиться с этой семьей. Главой семейства был Матвей Андреевич Булдаков (1728–1798), он занимался кузнечным делом, в связи с чем записывался в цеховые Великого Устюга. В 1765 г. у него родился сын Петр (1765–1812), через год Андрей (1766–1805), а еще чуть позднее Михаил (1768–1830). Сохранившаяся корреспонденция освещает деятельность названных братьев, вставших на трудный путь купцов, занимающихся отъезжим торгом. В 1796 г. они объявили капитал по 2-й гильдии, а уже через год стали первостатейными купцами. Их торговые интересы простирались от Архангельска до Камчатки и Китая. В ассортименте были основные российские товары (зерно, мука, толокно), европейские (в переписке они называются «немецкими»: вина, сахар, кофе, свечи, сандал), китайские (сукна, чай) и пушнина. В этой связи возникает вопрос: какую роль в деловой активности купцов играла традиция, и где начинались решения, основанные на собственном опыте и знаниях? Например, Булдаковы ездили за пушниной в Сибирь, в места ее добычи, приобретенный мех отправляли в Центральную Россию и Кяхту, где обменивали ее на китайские товары, которые затем также везли в европейскую часть России и на Макарьевскую ярмарку. Так поступали многие великоустюгские купцы, о чем писал один из представителей местного купечества Л.Г. Захаров в письме к М.М. Булдакову: «… я здесь от приятелей доволно наслышался, что в Якуцке обыкновенно бывает пышным товарам покупка для Москвы и Кяхты одно при другом, а чтоб на одну московскую руку купить — того невозможно»[5]. То есть фактически Булдаковы, как только им позволил размер накопленного капитала, встали на уже проторенную тропу, а не выстраивали ее самостоятельно на основе глубокого анализа информации.

Торговые традиции они усваивали в период «обращения в услугах» у других купцов — своих старших двоюродных братьев, купцов 2-й гильдии Ивана Осиповича Булдакова (1752–1818) и Прокопия Семеновича Басина (1751–1809), а также родственника купца 2-й гильдии Прокопия Аникитича Черемисинова (1757–1800). Кроме того, Михаил Матвеевич, уехав в Сибирь, служил в Северо-Восточной компании у Г.И. Шелихова и И.Л. Голикова[6]. О примерных

и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сборник материалов Четвертой международной научной конференции. Нижний Новгород, 2018. С. 585–588.

[5] РГАДА. Ф. 1605. Д. 200. Л. 10.

[6] Впоследствии он стал Первенствующим директором Российско-Американской компании и занимал этот пост в течение 28 лет. Подробнее о нем см.: *Кудрин Н.Н.*

обязанностях братьев во время их работы на других можно узнать из крепостных записей «верющих» писем, сохранившихся в архиве Великого Устюга. Так, хозяева отправляли своих поверенных в разные города для совершения торговых сделок, причем давали им полную свободу действий, вплоть до покупки товаров в кредит: «… Купленные вами, — пишет Иван Осипович об Андрее Матвеевиче в доверенности от 16 ноября 1786 г. — на собственные мои денги сего года в Макарьевской ярмонке разные товары, так и посланные мною российские и немецкие ж товары,… в разных сибирских городех продавать… по распродаже товаров, тамошних родов разные ж товары на вырученные тобою денги и покупать, а в случае надобности, то и занять тебе, Булдакову, на кредит мой не более тысячи рублей и в той сумме на имя мое векселя дать, … оные товары, вывозя в Россию, где тобою за способно будет признано и все в ползу мою продавать»[7]. Такая свобода действий создавала благоприятнейшие условия для отработки первоначальных умений, необходимых купцу. Кроме того, сохранившиеся немногочисленные письма от Ивана Булдакова показывают, что он помогал своим младшим братьям советами по поводу ведения торговли: «Чай, как можно, продавайте, ежели отчунь строго для рознишной продажи — смотрите, берегитесь»[8]. В следующем письме он давал рекомендации относительно покупки европейских товаров в Архангельске: «высматривай лутчее время и не пропускай»[9].

Братья Булдаковы в момент «ученичества» освоили не только важнейшие навыки «купечествования», но и отработали стратегию взаимодействия друг с другом в масштабе всей России. В 1790-х гг. в их самостоятельной деятельности определилась специализация по территории: Петр торговал в европейской части России, Андрей и Михаил — в Сибири. Тем самым они оптимизировали затраты времени на перемещения и имели возможность охватить большее число ключевых ярмарок без риска опоздать на них. Однако большое значение имело и то, что, постоянно пребывая в одном регионе, они лучше узнавали конкретную местность: природно-климатические условия, дороги, местные факторы, влияющие на ценовые колебания.

Устюгской земли Михайло Булдаков // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 5. Вологда, 2009. С. 110–132.

[7] ВЦА. Ф. 361. Оп. 3. Д. 2673. Л. 294 об.

[8] ОПИ ВГИАХМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

[9] Там же. Л. 3.

Занимаясь коммерцией, Булдаковы работали с большим объемом различных данных, среди которых был и ценовой диапазон торговых сделок всего ассортимента товаров, и способ оплаты (в кредит или наличными), и размер спроса и предложения. Например, весной 1799 г. приказчик Булдаковых Федор Шергин корреспондировал из Москвы: «… за чаи черные а одне заплатят теперь не более 180 руб. в 10 или 12 месяцев, а зеленые — около 100 руб. по доброте. Сахар здесь теперь по малому онаго количеству партиями продают: 1 сорт — 38 1/2 и 39 руб. пуд за деньги… Белка черных родов здесь теперь подобралась, требования хотя еще и нет, но думаю я, что осенью будут ноне охотники»[10].

Помимо конкретных сведений, купцы собирали информацию о различных обстоятельствах, которые так или иначе могли оказать влияние на ход торговли. Чаще всего она касалась внешнеполитической ситуации, важность которой купцы явно осознавали. Так, они всегда обращали особое внимание на русско-китайские, русско-турецкие отношения. Например, в 1794 г. Л.Г. Захаров просит М.М. Булдакова «иметь осторожность» в закупке пушнины, так как «на сих днях получено здесь из Архангельска неприятное известие, что турецкий султан римско императорскому двору объявил войну. И ежели сие так точно последует, то непременно надо думать, что и российской двор в войну вмешаютса. В следствие чего и товары пушные в ценах зделают перемену»[11]. Европейское направление интересовало купцов в связи с событиями Великой Французской революции: «… в будущее лето (1799 г. — *М.М.*) все товары немецкие должны дороже быть… в рассуждение изданного именного указа в 22 день марта, чтоб заарестовать во всех портах гамбургские корабли, — писал П.М. Булдаков из Великого Устюга. — То ис сего видится, что не будет и торговли у нас с ними так, какова с галанцами, ибо усмотрено, что они приверженность имеют к французской революции»[12].

Особую ценность в передаче информации купцы придавали скорости ее получения, так что даже разница в часах имела для них значение: «… ныне же имею вашей милости сообщить список Рескрипта Его Величества объявленной войны императору Наполеону. А печатные чрез два часа еще не выйдут из печати, а я вчера списал с подлинного в Сенате»[13].

---

[10] Там же. Д. 24, Л. 18 об.

[11] РГАДА. Ф. 1605. Д. 200. Л. 8.

[12] ОПИ ВГИАХМЗ. Ф.10. Оп. 1. Д. 21. Л. 6.

[13] РГАДА. Ф. 1605. Д. 260. Л. 6.

Регулярный, повсеместный мониторинг конъюнктуры рынка и тщательный анализ «торговых обстоятельств» обеспечивал купцам возможность планировать свою деятельность и снижать риски потери капитала[14]. Выполнение такой задачи требовало от предпринимателей, прежде всего, умения работать со сведениями, т.е. своевременно получать и отправлять их, оценивать достоверность и актуальность. Но самым сложным было правильно проанализировать полученную информацию и сделать на этой основе верные выводы, что требовало от купца аналитического склада ума, широты кругозора и значительного опыта в этой сфере. Булдаковым не всегда удавалось это: в 1799 г., несмотря на постоянное отслеживание политической и экономической ситуации на европейском рынке, они не смогли предвидеть резкое понижение цен на сахар: «… в Архангельске сахар покупали … и продчие товары весма дорогими ценами. Но в Петербурге вдруг цена на оной пала так, что чрезвычайно. … и я попался в лабиринт»[15].

Особую роль в распространении необходимой информации играло знание об особенностях работы почтовой службы В это время в достаточно большом количестве издавались дорожники, или «гонцы», в которых содержались сведения о почтовых путях, их протяженности, тарифах и времени отправления почты в конкретных городах[16]. С помощью этих знаний купцы оценивали, какой информацией обладают их партнеры: «… о выходу судов с моря я уповаю вам ис канторы извесно, ибо почта камчатская к вам прошла». Они также ориентировались на эти знания для организации своего времени и дел таким образом, чтобы успеть собрать нужную информацию и отправить ее адресату. При неправильном расчете времени до «почтовых дней» купец рисковал не успеть отправить корреспонденцию с ближайшей почтой, что существенно задерживало доставку информации. В одном из писем Петр Матвеевич сетовал на такую ситуацию, сложившуюся, правда, по вине почты:

---

[14] Подробнее об этом см.: *Гузакова М.В.* «Торговые обстоятельства» в переписке купцов Булдаковых // Российская история. 2017. № 4. С. 36–46.

[15] ОПИ ВГИАХМЗ. Ф.10. Оп. 1. Д. 23. Л. 37–37 об.

[16] Почтовая такса, сочиненная в Московском императорском почтамте, в сходственность и во исполнение высочайшаго ея императорскаго величества имяннаго указа, состоявшагося ноября в 14 день, 1783 года. Напечатанная четвертым тиснением по собранным вновь от наместнических правления сведениям о разстоянии городов. М., 1790; Новейший российский дорожник, верно показующий все почтовыя пути Российской империи и новоприсоединенных от Порты Оттоманской и Республики Польской областей, собранный чрез переписку со всеми почтовыми канторами… СПб., 1797, и т.п.

«… о московских обстоятельствах теперь что писать не знаю, ибо у нас почта стала ходить поздно, т.е. в воскресенье приходит. То в ответ писма все должно до будущей почты оставлять»[17]. Тогда купцы изыскивали альтернативные способы в оповещении друг друга: «… ныне я не успел написать братцу Петру Матфиевичу, то вас (Михаила. — *М.М.*) прошу с сего писма ево уведомить». Дополнительной возможностью для пересылки письма была оказия — письмо вручалось для доставки кому-либо, кто «по случаю» направлялся в нужное место («я просил Лопатина, которой при своих отправил с Андреяном Шарыповым»[18]).

Братья Булдаковы писали друг другу с каждой почтой, обеспечивая тем самым регулярность оповещения о торговых обстоятельствах. В случае отсутствия важных сведений авторы, допуская возможность потери письма в пути, отправляли на первый взгляд неинформативные письма, содержащие только свидетельства о почтении. Тем самым они исключали у адресата мысль о пропаже письма и давали ему понять, что ничего важного в делах действительно нет. По той же причине купцы указывали, когда от них следует ждать писем в следующий раз — «теперь впредь до почты, которая уже должна быть из Устюга»[19]. Одновременно такая фраза сообщала, что от ее автора не будет никакой информации в течение определенного срока, который они могли рассчитать достаточно точно, оперируя знаниями о преодолеваемых расстояниях и затрачиваемом на это времени.

Торговая деятельность купца всегда была сопряжена со взаимодействием с людьми. Прежде всего, важно было уметь грамотно подбирать кадры, поскольку чаще всего купец не мог обойтись без вовлечения в свое дело других лиц — как партнеров, так и наемных работников (приказчиков, лавочных сидельцев, перевозчиков и т.п.). Это предполагало умение определять, на что способен человек с учетом его знаний, опыта и личностных качеств, среди которых самым главным была порядочность. Далее проверялась способность купца налаживать организацию совместной деятельности, от эффективности которой порой зависела судьба всего купеческого капитала. Три брата Булдаковых вместе со своими поверенными смогли выстроить такую систему взаимодействия, что она оказалась сильным фактором стабильного приумножения их капитала. Однако после смерти Петра

[17] ОПИ ВГИАХМЗ. Ф.10. Оп. 1. Д. 23, Л. 24.

[18] Там же. Д. 21, Л. 8.

[19] Там же. Д. 23. Л.3 об.

и Андрея Михаил не смог найти им достойную замену, что в итоге привело к выходу семьи из купеческого сословия.

Купцу следовало уметь заводить знакомства и поддерживать хорошие отношения с разными людьми («надлежит к себе людей привлекать, а не так, чтоб боялись и не хотели дела иметь … сие очюнь для комерческаго человека неполезно»[20]). Прочные связи среди купечества играли немалую роль, например, в процессе организации перемещения товаров, когда купец имел возможность отправить свои товары в возах другого, следующих в том же направлении («я надеюсь, что вы отправите [товар], ежели застанет попутчиков к Макарью. А ежели не застанет, то миновав Макарьевску — в Москву»[21]). Это позволяло несколько снизить расходы за счет того, что отпадала необходимость отправлять в путь своего человека. Примеры подобной взаимопомощи не раз встречаются в переписке, что свидетельствует о распространенности такой практики в среде купечества.

Многочисленные связи также способствовали увеличению объема важной информации. Так, например, в письме от 1 мая 1794 г. Л.Г. Захаров предостерегает М.М. Булдакова: «Господин Василей Иванович Диаков товары свои якуцкие продал в Москве в годовой строк нижеследуюшами ценами: (далее следует перечисление цен на пушнину — *М.М.*) … А соболей продать не может. Даже нихто не спрашивал те. И некому не показывал, в следствие чего надлежит вам от покупки соболей удержатся. Или разве весма нискими ценами купить надлежит»[22]. Такая забота Льва Григорьевича о верности принимаемых решений объясняется тем, что он заключил с Михаилом Матвеевичем договор, согласно которому последний должен был приобрести в Сибири пушнину на довольно крупную сумму (более 30 тыс. рублей) и отправить ее в европейскую Россию. То есть, следя за конъюнктурой на предполагаемых рынках сбыта товаров, Захаров прежде всего соблюдал свой интерес, но так или иначе снабжал полезной информацией и Булдаковых.

В этой связи не кажется лишним наставление авторов XVIII в., подчеркивавших важность правильного ведения «купеческой переписки». По их мнению, купец должен был уметь писать скоро, одновременно понятно и грамотно, а самое главное — емко[23]. В помощь издавались письмовники, которые содержали примеры писем на

---

[20] РГАДА. Ф. 1605. Д. 201. Л. 4.

[21] ОПИ ВГИАХМЗ. Ф.10. Оп. 1. Д. 21. Л. 5 об.

[22] РГАДА. Ф. 1605. Д. 200. Л. 7 об.–8.

[23] Начертание полной купеческой системы... Ч. 1. М., 1789. С. 26.

разные случаи жизни[24]. Значение корреспонденции подчеркивалось и самими купцами: на портретах того времени купец, как правило, изображался с письмом, которое стало символом деловой активности. С одной стороны, оно сообщало обществу об образованности купца, а с другой — о важной составляющей его деятельности — непрестанной работе с информацией.

Перечисленные умения — это лишь немногое из того, чем в реальности обладали купцы, но уже из этого видно, что занятия торговой деятельностью требовали многочисленных знаний в совершенно разных областях, широкого кругозора, развитого стратегического мышления и аналитического склада ума. Совершенно очевидно, что все три брата Булдаковых в полной мере реализовывали эти качества в своей деловой активности, что и стало залогом их успеха в торговой сфере. Их наследники, напротив, не смогли сохранить накопленный капитал (что вписывается в общую тенденцию недолговечности купеческих фамилий — как правило, одно–два поколения[25]). Главная причина этого явления кроется в том, что российские купцы не могли выстроить систему, эффективно действующую вне зависимости (или в меньшей степени зависящую) от личностных качеств собственников капитала: всё держалось на конкретных людях, и если их преемники не обладали комплексом качеств, который называют «предпринимательской хваткой», то капитал растворялся.

Является ли представленный пример торговой деятельности, вписывающийся в образ книжного «совершенного купца», типичным для купечества конца XVIII в.? Очевидно, что эта социальная категория имела градацию не только по критерию состоятельности, но и по уровню образованности. Основная масса торгующих, скорее всего, удовлетворялась ограниченным набором знаний и умений, которые позволяли вести торговлю. Однако выделялась и «интеллектуальная» прослойка в среде купечества — ее представители стремились к приобретению нового опыта и его осмыслению, обобщению. Именно они были главными читателями (а некоторые и писателями) литературы о «совершенном купце». Они же затем распространяли заложенные в ней идеи среди других купцов. Например, в одном из писем к М.М. Булдакову известный архангелогородский купец и просветитель А.И. Фомин говорил о наилучших способах получения коммерческого образования («ибо надежнее ныне службою приобресть качества

[24] Например, см.: Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам, с приобщением примеров из разных авторов. Ч. 1. М., 1786.

[25] Подробнее об этом см.: *Аксенов А.И.* Генеалогия московского купечества XVIII в. (Из истории формирования русской буржуазии). М., 1988.

добраго хозяйноства, ежели начинать к ним приучиватца собственными опытами»[26]). В свою очередь Михаил Матвеевич, имея свой круг общения, также делился новыми идеями. В этом плане показательны письма еще одного великоустюгского купца, служащего Охотской конторы Российско-Американской компании Стефана Захарова, в которых он, желая показать себя с лучшей стороны, фактически цитирует авторов сочинений о коммерции: «… как при здешней канторе из данных узаконений до коммерции относящихся не каковых не находится, а оные иметь надобны, то о выписке из Москвы и о присылке сюда прошу покорно. Весма бы полезно было снабдить сию кантору касателно и до судостроителной архитектуре с принадлежностями ко оной … да для собственнаго моего в часы отдохновения упражнения не можно ли прислать книжек исторических, чем наичувствительно одолжить соизволите»[27].

Таким образом, новые знания, изложенные в переводной и оригинальной литературе, проникали в широкие круги купечества и с течением времени становились традиционными и неотъемлемыми элементами опыта, передаваемого уже в «практической школе» коммерции.

References

Aksenov A.I. *Genealogiya moskovskogo kupechestva XVIII v. (Iz istorii formirovaniya russkoy burzhuazii)* [Genealogy of the 18th-Century Moscow Merchants (From the History of the formation of the Russian bourgeoisie)]. Moscow: Nauka, 1988. 189 p.

Guzakova M.V. *"Torgovye obstoyatel'stva" v perepiske kuptsov Buldakovykh* ["Trading Circumstances" in the Correspondence of the Buldakovs, the Merchants] // *Rossiyskaya istoriya*. 2017. № 4, pp. 36–46.

Kizevetter A.A. *Shkol'nyye voprosy nashego vremeni v dokumentakh proshlogo veka* [School Issues of our Time in the Documents of the Last Century] // *Obrazovaniye. Pedagogicheskiy i nauchno-populyarnyy zhurnal*. 1899. February. № 2, pp. 98–109.

Kozlova N.V. *Nekotoryye cherty lichnostnogo obraza kuptsa XVIII v. (K voprosu o mentalitete rossiyskogo kupechestva)* [Some Features of the 18th-Century Merchant's Personality Model. (Notes on the Mentality of the Russian Merchants)] // *Mentalitet i kul'tura predprinimatel'skikh krugov Rossii XVIII–XIX vv.* [Mentality and Culture of the 18th–9th-century Russian Business Community]. Moscow: IRI RAN, 1996, pp. 43–57.

[26] ОПИ ВГИАХМЗ. Ф.10. Оп. 1. Д. 29. Л. 7 об.–8.

[27] РГАДА. Ф. 1605. Д. 201. Л. 15.

Kozlova N.V. *Rossiyskiy absolyutizm i kupechestvo v XVIII v.: 20-ye — nachalo 60-kh godov* [Russian Absolutism and Merchants in the 1720s — early 1760s]. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr, 1999. 384 p.

Kozlova N.V. *Organizatsiya kommercheskogo obrazovaniya v Rossii v XVIII v.* [Organization of Commercial Education in the 18th-century Russia] // *Istoricheskiye zapiski*. T. 117. 1989, pp. 288–314.

Kudrin N.N. *Ustyugskoy zemli Mikhaylo Buldakov* [Mikhailo Buldakov of the Ustyug Land] // *Velikiy Ustyug: Krayevedcheskiy al'manakh* [Great Ustyug: Local History Almanac]. Is. 5. Vologda: Izdatel'stvo VGPU, 2009, pp.110–132.

Kuzevanova A.L. *"Sovershennyy kupets" v Rossii XVIII–XIX vv.: tsennostnyye printsipy i ikh realizatsiya v delovoy praktike (sotsiologicheskiy analiz)* ["The perfect merchant" in the 18th — 19th-century Russia: Value Principles and Their Implementation in Business Practice (sociological analysis)] // *Perspektivy nauki*. 2010. № 12 (14), pp. 59–64.

Mal'tseva M.V. *Iskusstvo torgovli po materialam delovoy perepiski velikoustyugskoy kupecheskoy sem'i Buldakovykh kontsa XVIII — nachala XIX v.* [The Art of Trading According to the Business Correspondence of the Late 18th — Early 19th-century Veliky Ustyug Merchant Family of the Buldakovs] // *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoye delo v Rossii v XVI–XIX vv.: sbornik materialov 4-y mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Trade, Merchants and Customs in the 16th — 19th-century Russia: Materials of the 4th International Scientific Conference]. Nizhniy Novgorod: NGU imeni N.I. Lobachevskogo, 2018, pp. 585–588.

Ushakov A.S. *Nashe kupechestvo i torgovlya s ser'yeznoy i karikaturnoy storony* [Our Merchantry and Trade from a Serious and Caricatured Point of View]. Is. 1. Moscow: Tipografiya Gracheva i komp., 1865. 186 p.

Поступила в редакцию
30 мая 2018 г.

А.С. Медяков*

«ОТКРЫТКИ ДОСТАТОЧНО». МЕСТО И ФУНКЦИИ ОТКРЫТКИ В ГЕРМАНСКОЙ ПОЛЕВОЙ ПОЧТЕ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

A.S. Medyakov

"A POSTCARD IS ENOUGH". THE PLACE AND FUNCTION OF POSTCARDS IN THE GERMAN MILITARY FIELD MAIL DURING THE WORLD WAR I

Аннотация. В статье анализируются открытки немецких солдат времен Первой мировой войны 1914–1918 гг., эпистолярные практики фронтовиков, а также место и функции открыток в полевой почте Германской империи. Война создала новую коммуникационную ситуацию, переведя повседневное общение из устной формы в письменную. Полевая почта являлась для солдата важнейшим психологическим ресурсом, подтверждавшим его идентичность и позволявшим выдерживать военные испытания. Германская полевая почта имела эффективную и разветвленную структуру, письма и открытки доставлялись бесплатно и быстро. Контроль за полевой почтой осуществляли два вида цензуры — армейская и почтовая. Применение количественных методов позволило выявить такую особенность корреспонденции полевой почты, как явное преобладание открыток над письмами — и в направлении с фронта в тыл, и непосредственно в тылу. Большее количество писем из тыла на фронт объяснялось в том числе общественными установками, требовавшими активной моральной поддержки солдат. Частое использование самими солдатами открыток было связано с тем, что последние лучше, чем письма, обеспечивали скорость и частоту коммуникации, позволяли поддерживать определенный ее ритм. Кроме того, открытки были практичнее во фронтовом быту и требовали меньше моральных, материальных и временных затрат для их написания, чем письма. Вместе с тем, иногда предпочтение открытки письму со стороны солдат носило вынужденный характер и было вызвано цензурными требованиями или необходимостью снизить нагрузку на почтовые структуры.

* *Медяков Александр Сергеевич*, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Medyakov Alexandr Sergeevich, PhD Candidate in History, Associate Professor, the Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-925-231-02-97; alexander.medyakov@yandex.ru

Несмотря на широкое использование, открытки имели в глазах солдат менее высокий статус, чем письма, поскольку последние оценивались как более содержательные. Тем не менее, в годы Первой мировой войны именно открытки составляли в Германии основу полевой почты. В первую очередь на них ложилась главная ее функция, а именно обеспечение непрерывной и интенсивной связи между фронтом и тылом.

Ключевые слова. Первая мировая война, открытки, полевая почта, цензура, фронтовой опыт, Германская империя.

Abstract. The article analyzes the German soldiers' postcards of the 1914–1918 World War I, epistolary practices of front-line soldiers, as well as the place and functions of postcards in the field mail of the German Empire. The war created a new situation in communication, transforming everyday verbal communication into written one. The field mail was the most important psychological resource for the soldier, asserting his identity and allowing him to withstand military trials. The German field mail service had an efficient branched structure, letters and postcards were quickly delivered free of charge. Control over the field mail was performed through two types of censorship — army and post office censorships. The use of quantitative methods has made it possible to determine such a feature of field mail correspondence as obvious predominance of postcards over letters sent from the front to the rear and circulated in the rear. A larger number of letters from the rear to the front was interpreted, *inter alia*, by the public requirement of giving active moral support to the soldiers. A frequent use of postcards by the soldiers themselves was due to the fact that the latter provided faster and more frequent communication than the letters, and made possible to maintain its rhythm. In addition, postcards were more practical in front-line life and required less moral, material and time costs for writing. At the same time, a soldier sometimes preferred a postcard to a letter due to the censorship requirements or the necessity to decrease pressure on postal services. Despite their widespread employment, postcards were regarded lower by the soldiers than letters that were considered more meaningful. Nevertheless, during the World War I, postcards in Germany formed the basis of the field mail. Primarily, they served as providers of the postal main function, namely, maintaining a continuous and intensive connection between the front and rear.

Keywords: World War I, postcards, field mail, military censorship, front-line experience, German Empire.

* * *

Знаменитому фельдмаршалу Г. Мольтке приписывается афоризм: «Войну без полевой почты вести невозможн»[1]. Первая мировая война поставила людей перед лицом совершенно новой коммуникационной

[1] Цит. по: *Hämmerle Ch.* "…wirf ihnen alles hin und schau, daß du fort kommst". Die Feldpost eines Paares in der Geschlechter(un)ordnung des Ersten Weltkrieges // Historische Anthropologie. 1998. 6/3. S. 433.

ситуации, когда значительная часть повседневного общения, прежде исключительно устного, должна была совершаться в письменной форме — ведь обычно крестьяне, служащие, женщины, дети и т.д. не прибегали к письменному описанию своих чувств и жизненных обстоятельств[2]. Но почта превратилась и в нечто гораздо большее, чем акт коммуникации — в важнейшую моральную и психологическую опору, средство укрепления собственной идентичности, необходимые особенно солдату перед лицом часто нечеловеческих условий и постоянного риска для существования. Для солдата почта значила очень много и в материальном смысле, учитывая потоки устремившихся на фронт посылок, однако именно ее моральный смысл имел для фронтовиков первостепенное значение. Так, благодаря за присланный табак, один из немецких солдат писал: «Мне не очень здорово, да и вам навряд ли, и не хватит никакого нюхательного табака, если война протянется еще, и для нас единственная радость, что наши любимые на родине не забывают нас»[3]. Для успешного выполнения всех этих задач принципиально важным фактором являлась эффективная работа почты. Изучению полевой почты Германии в годы Первой мировой войны, ее организации, особенностей функционирования, структуры почтовых отправлений и места среди них открытки посвящена эта статья[4].

В собственно почтовых делах армейские почтовые службы подчинялись руководству Имперского почтамта, во всех же других отношениях они являлись военнослужащими и входили в иерархию, во главе которой стоял обер-почтмейстер полевой почты, подчиненный генерал-квартирмейстеру и, в свою очередь, руководивший почтовыми директорами каждой из армий; последние распоряжались почтовыми учреждениями входивших в армию частей и подразделений[5]. В начале 1916 г. штат полевой почты насчитывал 5500 сотрудников[6], впоследствии — 8000. Ключевую роль играли 23

---

[2] *Knoch P.* Erleben und Nacherleben: Das Kriegserlebnis im Augenzeugenbericht und im Geschichtsunterricht // "Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch…". Erlebnis und Wirkung des Ersten Weltkriegs. Frankurt am Main, 1996. S. 200.

[3] «42-см бруммер». 10.2.1916. Коллекция В.В. Крепостнова (далее — КВК).

[4] Значительная доля источниковой базы предлагаемой работы приходится на открытки из коллекции В.В. Крепостнова, часть которой была опубликована в 4-томном издании, составителем и автором текстов которого является пишущий эти строки: *Медяков А.С.* Первая мировая война на почтовых открытках. Т. I–IV. Киров, 2014.

[5] *Lanzel K.* Feldpost // Enzyklopedie Erster Weltkrieg. Padeborn; München; Wien; Zürich; 2004. S. 473–474.

[6] Die Leistungen der deutschen Feldpost // Neue Hamburger Zeitung. 7.2.1916.

так называемых пункта сбора полевой почты (Feldpostsammelstelle), куда попадали и распределялись по фронтам и армиям все почтовые отправления из тыла. Через центральные почтовые структуры армий они достигали низовых отделений полевой почты, носивших разные названия (экспедиция, станция). Наконец, непосредственно к солдатам почта попадала через ординарцев или обычных солдат, отправлявшихся командиром забрать почту[7]. Как с гордостью сообщал один из почтовых чиновников, почта таким образом доставлялась даже непосредственно на передовую, вплоть до нескольких сотен метров до линии огня[8]. Доставка почты осуществлялась оперативно в том числе за счет использования около 1000 автомобилей, но на Западном фронте была быстрее, чем на Восточном из-за разницы дорожных условий.

Бóльшая часть полевой почты доставлялась бесплатно. Это касалось основной массы корреспонденции — открыток и писем весом до 50 граммов[9]. Основанием для получения этой льготы для гражданских лиц являлся сам факт указания полевой почты и имени солдата, а также соответствующая рукописная пометка — «полевая почта». Основанием же для бесплатной пересылки почты солдата выступал штамп его части либо военного госпиталя.

В начале войны по газетам прокатилась волна писем читателей, предъявлявших претензии почте по поводу недоставки их писем и открыток, а также взимания штрафного тарифа за попытку будто бы неправомерным образом воспользоваться льготой бесплатной переписки (штраф составлял 10 пфеннигов и складывался со стоимостью стандартного почтового тарифа в 5 пфеннигов)[10]. Проблемы с доставкой были связаны с тем, что система полевой почты только разворачивалась, войска в этот мобильный период войны активно перемещались, но главное — с неверным оформлением[11]. Касательно же штрафного тарифа Имперский почтамт 13 октября дал указание почтовым отделениям действовать более мягко и применять его только в случаях явного злоупотребления[12]. К концу войны в связи

---

[7] Этот процесс в деталях показан в одной из заметок с фронта: Der Postabholer // Berliner Tageblatt. 3.5.1915.

[8] Die Leistungen der deutschen Feldpost // Neue Hamburger Zeitung. 7.2.1916. Солдаты также отмечали, что получают почту «прямо на позиции». 29.1.1918. KBK.

[9] *Schracke K.* Geschichte der deutschen Feldpost im Kriege 1914–1918. Berlin, 1921. S. 14.

[10] См., напр.: Berliner Volkszeitung. 26.9.1914, 15.10.1914, 17.10.1914.

[11] Eine Bitte der Feldpost // Berliner Volkszeitung. 4.9.1914.

[12] Berliner Volkszeitung. 23.10.1914.

со все возраставшими экономическими трудностями контроль за ненадлежащим использованием бесплатной полевой почты вновь усилился, вплоть до того, что простая дописка «привет» от гражданского лица на солдатском послании являлась основанием для требования уплатить почтовый тариф[13].

Важной стороной полевой почты была цензура. Тайна переписки не входила в число восьми приостановленных с началом войны гражданских прав, и таким образом достаточных юридических оснований для проведения цензуры не было, лишь ссылка на статью прусского закона об осадном положении, согласно которой чиновники (в том числе почтовые) обязывались выполнять требования военных властей[14].

Цензура осуществлялась на двух основных уровнях — первичном армейском и почтовом, в специальных пунктах контроля (Postüberwachungsstellen). Учитывая колоссальный объем почтовых отправлений, их контроль мог проводиться только выборочно. Вплоть до весны 1916 г. командование немецких армейских корпусов самостоятельно решало, каким образом и на основании каких критериев должна была функционировать цензура. Как правило, она осуществлялась на уровне роты или полка старшими по званию. Однако необходимость предъявлять личные послания сослуживцу постоянно вызывала солдатское недовольство. В результате, распоряжением Генерального штаба от 29 апреля 1916 г. вводилась единообразная практика контроля, которой отныне занимались офицеры специально учрежденных цензурных инстанций при командовании каждой армии[15]. Цензоры должны были следить за соблюдением военной тайны и моральным состоянием войск, для чего составлялись периодические отчеты[16].

По мере затягивания войны происходило ужесточение цензуры, которую, как свидетельствуют цензурные пометки на самих открытках, нередко вновь стали осуществлять непосредственно командиры подразделений. Отражением тенденции к тотальному контролю солдатских открыток служит его формализация: на некоторых открытках появляется стандартизированная рукописная

---

[13] Neue Hamburger Zeiting. 25.7.1918.

[14] *Ulrich B.* Die Augenzeugen. Deutsche Feldpostbriefe in Kriegs- und Nachkriegszeit 1914–1933. Essen, 1997. S. 80–81.

[15] Ibid. S. 81–91; *Latzel K.* Op. cit. S. 474–475.

[16] *Ziemann B.* Feldpostbriefe und ihre Zensur, in den zwei Weltkriegen // Der Brief. Eine Kulturgeschichte der schriftlichen Kommunikation. Heidelberg, 1996. S. 163–164.

или даже печатная надпись «Проверено. Командир подразделения» с оставленным пробелом для подписи[17]. «Эта цензура открыток все же отвратительна. Ты обязан показывать командиру роты каждое написанное слово», — писал один из солдат в марте 1918 г.[18]

Бóльшая часть цензурных отметок в исследованном массиве открыток в количестве 2168 штук приходится на долю не непосредственно армейской цензуры, а почтовой, осуществлявшейся в специальных центрах. Формально они предназначались в первую очередь для отслеживания корреспонденции с зарубежными нейтральными странами (с враждебными всякое почтовое сообщение было прекращено), но отчасти контролировали также почтовую корреспонденцию внутри страны[19]. Создание таких органов предусматривалось уже мобилизационным планом от 9 октября 1913 г., а весной 1914 г. были введены определенные округа для контроля над почтой[20]. Фактически речь шла почти исключительно о приграничных зонах, почта во внутренних регионах страны практически не контролировалась[21].

Цензурная практика в почтовых центрах являлась децентрализованной и находилась в введении командиров отдельных армейских корпусов, хотя осенью 1915 г. и была сделана попытка создать единый координирующий орган[22]. Первоначально контроль осуществлялся силами военных, затем стали широко привлекать гражданских специалистов, в том числе женщин со знанием иностранных языков[23]. Особое внимание уделялась исходящей почте за границу, в том числе немецким военнопленным: она проверялась вся без исключения, широко использовались химические методы с целью обнаружения тайнописи. Кроме того, из анализа цензурных штемпелей на открытках можно увидеть, что самым пристальным образом проверялась

---

[17] «Враг подслушивает». 31.3.1918. КВК; «Радостной Пасхи 1918». 25.3.1918. Коллекция автора.

[18] *Bechmann D., Mestrup H.* (Hg.) “Wann wird das Morden ein Ende nehmen?”. Feldpostbriefe und Tagebucheinträge zum Ersten Weltkrieg. Quellen zur Geschichte Thüringens. Erfurt, 2008. S. 152.

[19] *Ulrich B.* Op. cit. S. 86–87.

[20] *Riemer K.-H.* Die Postüberwachung im Deutschen Reich durch Postüberwachungsstellen 1914–1918. Handbuch und Katalog. Düsseldorf, 1987. S. 6.

[21] Ibid. S. 7. Однако существовали иные структуры такого рода, например, в Мюнхене. См.: *Altenhöner F.* Kommunikation und Kontrolle: Gerüchte und städtische Öffentlichkeiten in Berlin und London 1914–1918. München, 2008. S. 106.

[22] Ibid. S. 107.

[23] *Riemer K.-H.* Op. cit. S. 9.

исходящая почта из Эльзаса и Лотарингии, причем как гражданская, с адресатами внутри страны, так и направленная на фронт. Усиленная цензура являлась одним из проявлений того «всеобщего психоза недоверия», который царил в отношении жителей Эльзаса и Лотарингии в годы войны[24].

Согласно приведенной летом 1915 г. статистике полевой почты, ежедневно между фронтом и тылом доставлялось около 14 млн почтовых отправлений[25]. По наиболее распространенной в литературе оценке, за годы войны немецкой полевой почтой было доставлено свыше 28 млрд почтовых отправлений — 11 млрд с фронта в тыл и 17 млрд в обратном направлении[26]. Однако такого рода общая статистика, как правило, не позволяет выявить как места непосредственно открытки в почтовом сообщении времен войны (обычно фигурирует единая категория «открытки и письма»), так и иных особенностей его структуры, для выявления которых следует обратиться к методам количественного анализа.

Количественная структура открыточного обмена позволяет увидеть некоторые особенности открытки как источника, не очевидные при традиционном обращении лишь к лицевой ее стороне. Речь, в частности, идет о недостаточной репрезентативности открыток, посланных на фронт, в общем массиве сохранившихся на сегодняшний день источников. В исследуемом объеме они составляют 32 из 313 в 1914 г., 37 из 676 в 1915 г., 43 из 566 в 1916 г., 21 из 326 в 1917 г. и 6 из 145 в 1918 г. Этот факт тем более обращает на себя внимание, что современная почтовая статистика, как отмечалось, свидетельствовала о противоположном, а именно о значительном преобладании посланий на фронт перед полученными с него. Даже если учесть долю писем и посылок, которая, как будет показано ниже, оказалась особенно высокой как раз в случае посланий на фронт, этот недостаток репрезентативности бросается в глаза. Очевидно, что одной из причин подобного положения вещей являлись неблагоприятные условия и риски фронтовой жизни, повлиявшие на сохранность полученных солдатом открыток. Не случайно, что в имеющейся выборке довольно существенную часть полученных фронтовиками открыток составляют посланные в лазарет, нахождение в котором

---

[24] *Jahr Ch.* Gewöhnliche Soldaten: Desertion und Deserteure im deutschen und britischen Heer 1914–1918. Göttingen, 1998. S. 253–261.

[25] Berliner Volkszeitung. 6.07.1915.

[26] *Latzel K.* Op. cit. S. 473; *Ulrich B.* Op. cit. S. 40; *Eckart W.U.* Die Wunden heilen sehr schön. Feldpostkarten aus dem Lazarett 1914–1918. Stuttgart, 2013. S. 11.

снижало солдатские риски, а часто следовавший за этим отпуск позволял оставить полученные открытки дома[27].

Какое место, однако, занимала открытка в общем объеме почтовой коммуникации в годы войны и, что особенно важно, собственно в полевой почте — тех миллиардах почтовых отправлений, которые циркулировали в эти годы между фронтом и тылом?

Поскольку почтовая статистика практически не проводила различия между письмами и открытками, единственным способом выявить их соотношение является обращение непосредственно к текстам самих посланий. Благодаря тому, что тема почты занимала в них преобладающие позиции, открытки в целом позволяют перевести ощущения и оценки в количественные показатели и сделать выводы о структуре почтового обмена как между фронтом и тылом, так и внутри страны.

Сводная таблица. Открытка — посылка — письмо

Полевая почта

Солдатские открытки

	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
Упоминание открыток от гражданских лиц	14	79	84	36	15
Упоминание писем от гражданских лиц	16	52	48	19	11
Упоминание посылок от гражданских лиц	26	74	51	32	12

Гражданские открытки

	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
Упоминание открыток от солдата	9	22	18	8	–
Упоминание писем от солдата	2	4	3	4	1
Упоминание посылок от солдата	3	1	1	1	1

Открытки в тылу

	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
Упоминание открыток между гражданскими лицами	22	34	10	15	5
Упоминание писем между гражданскими лицами	12	14	5	2	2
Упоминание посылок между гражданскими лицами	1	4	–	1	1

[27] Открытки также сохранялись в случае периодической пересылки солдатом его старой почты домой. См.: «Сегодня я сам принесу свое письмо». 8.6.1916; 12.7.1916. *Медяков А.С.* Первая мировая война на почтовых открытках. Т. I. С. 315. I/1040.

Сводная таблица упоминаний разных категорий почтовых отправлений по годам и направлению переписки дают возможность увидеть явное преобладание открыток над письмами в направлении с фронта в тыл, а также в тыловом почтовом обращении. Таким образом, становится очевидно, что «весточка с фронта» в Германии времен Первой мировой войны — это прежде всего открытка.

Почти столь же прочными позициями открытки обладали и в тыловой корреспонденции. Из той же таблицы видно, что количественно они как минимум вдвое превышали упоминания о письмах. Однако ситуация с почтовыми отправлениями на фронт выглядела несколько иначе. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что количественный разрыв между открытками и письмами был здесь не столь велик. Очевидно, что родственники и близкие стремились всеми силами поддержать солдата, и полноценное письмо с детальной информацией о нормальной гражданской жизни выступало для него в качестве важной моральной опоры. Определенную роль могли сыграть и общественные установки, в частности, постоянные призывы в прессе и публицистике писать солдату именно письма: «Пишите! Что зацвели цветы на балконе и что говорит маленький Карл — ведь всё это нити, связывающие с домом»[28]. Нередко письмо прямо противопоставлялось «всего лишь привету» — открытке: «Но разве не была бы радость получателя в стократ больше, если бы он вместо трех открыток получил прекрасное, подробное письмо?!»[29]. Тем же самым стремлением поддержать солдата, на этот раз материально, объясняются необычайно широко присутствующие в солдатских открытках упоминания о посылках. С первых месяцев войны на фронт устремился поток как посылок от родственников, так и «либесгабе» (Liebesgabe, буквально — «дар любви») от частных и коллективных жертвователей.

В целом, контент-анализ текстов солдатских посланий на открытках не оставляет сомнений в том, что именно последние являли собой главный вид солдатской корреспонденции. Выбор военных в пользу почтовой карточки объяснялся целым рядом причин. Во-первых, за ним стояла многолетняя традиция, прочно связавшая солдата с открыткой. Само появление открытки в германском случае было освящено войной: это произошло за считанные дни до начала франко-германской войны 1870–1871 гг., и ее первыми

[28] Vierzehn Millionen Feldpoststücke // Berliner Tageblatt. 6.7.1915.

[29] Berliner Volkszeitung. 6.07.1915.

пользователями были именно солдаты. Принципиально важными качествами являлись возможность написать кратко, наличие бесплатных полевых почтовых карточек, а также бесплатная доставка, распространявшаяся на все открытки, а также на письма весом до 50 граммов: «Бесплатная раздача открыток прямо-таки требовала от солдат писать их друзьям и семьям»[30].

В годы Первой мировой войны количественное преобладание почтовой карточки над письмами объяснялось во многом тем, что, проигрывая письму в содержательной полноте, она выигрывала в двух гораздо более важных для военного времени вещах — скорости и частоте. Разумеется, как и в мирные времена, состоявшим в переписке было важно знать обстоятельства жизни своих корреспондентов, однако война изменила самый смысл почты, в значительной степени редуцировав его до сообщения простого факта: связь не прервалась, отправитель жив. Все прочие факторы, в том числе содержание изображения и даже его наличие, имели для получателей в тылу вторичное значение.

Непрерывность связи означала в первую очередь скорость — как скорость ответа, так и скорость доставки. На основе анализа упоминаний в текстах точных дат отправки полученных открыток можно сделать вывод, что средний срок доставки открытки составлял 3–5 дней[31]. Благодаря более быстрой доставке открытка часто выступала в роли своеобразного глашатая письма или посылки, предваряла их и позволяла проконтролировать их получение. «С этой же почтой посылаем тебе маленькую посылочку», — извещали отправители солдата[32], а фронтовик сообщал, что «письмо уже в пути»[33]; в обоих случаях отправители, очевидно, были уверены, что открытка придет быстрее.

---

[30] *Becker F.* Bilder von Krieg und Nation: Die Einigungskriege in der bürgerlichen Öffentlichkeit 1864–1913. München, 2001. S. 63.

[31] Немецкий историк Р. Оппзоммер оценивает среднее время доставки схожим образом, в 3–6 дней (*Opsommer R.* Kriegsimpressionen aus Westflandern. Feldpostkarten des Ersten Weltkriegs als alltagsgeschichtliche Quellen // Schreiben im Krieg — Schreiben vom Krieg. Feldpost im Zeitalter der Weltkriege. Essen, 2011. S. 344). Приблизительно на эти же сроки рассчитывали и сами солдаты: «Мы отправили в Германию горы открыток и полевых почтовых карточек, которые наверняка будут там уже через три дня», — писал в октябре 1914 г. солдат с Западного фронта (Aufzeichnungen und Fotografien des Gefreiten der Landwehr Franz Vogt. — URL: http://franzvogt.eu/die-familie-vogt/).

[32] «Пленные из Буа д'Алли». 31.8.1915. КВК.

[33] «Солдат ландвера в секрете». 18.8.1915. КВК.

Не только скорость доставки, но и быстрота написания самого ответа имела принципиальное значение. Благодаря чрезвычайной интенсивности переписки возникал ее определенный ритм, сбои в котором могли служить причиной серьезного беспокойства. Понимая это, корреспонденты стремились ответить на полученную почту как можно быстрее, по возможности немедленно, вплоть до стремления использовать ту же почту, с которой весточка пришла, лихорадочно «черкнув» открытку: «Дорогой Франц, твои четыре (!) открытки получила и должна тут же ответить. Сейчас 8 часов утра, иду нагонять почтальона, который только что ушел. В остальном ничего нового. Привет и поцелуй от твоей жены»[34]. В еще большей степени быстрота ответа по очевидным причинам ожидалась от солдат. «Я отвечаю тебе всегда сразу, если есть время», — писал один из солдат[35], и то, что речь идет не о единичном случае, а о преобладающей практике, подтверждается количественным анализом, а именно частотностью различных наречий времени: в открытках фронтовиков подавляющее большинство случаев применительно к полученной почте составляют «только что» и «сегодня», гораздо реже — «вчера».

Необходимость быстрого ответа становилась еще более острой в моменты активизации действий на фронтах, поскольку, узнав о сражениях из газет, оставшиеся в тылу проявляли большое беспокойство о судьбе солдата. Подобные опасения следовало развеять быстро — а значит, с помощью открытки. Германская полевая почта прилагала к этому все усилия: «Сразу после битв и сражений почтальоны на поле боя собирают в войсках открытки для отправки на родину», — сообщал почтовый чиновник[36].

Наряду со скоростью принципиальной была также частота почтового обращения между фронтом и тылом, которую опять-таки обеспечивали в первую очередь открытки. На практике это означало, что за исключением особых обстоятельств (марши, передислокации, временная приостановка доставки полевой почты, к концу войны — нехватка бумаги) речь идет *о практически ежедневной коммуникации* солдата с его родными, близкими и друзьями, львиную долю которой составляли открытки. Множество свидетельств тому содержится непосредственно в текстах самих открыток. Из

---

[34] *Медяков А.С.* Указ. соч. Т. II. С. 137. II/0412.

[35] Там же. С. 110. II/0312.

[36] Die Leistungen der deutschen Feldpost // Neue Hamburger Nachrichten. 7.2.1916.

них следует, во-первых, что получать почту практически каждый день — это нормально, иное вызывает неприятие и беспокойство. Например, весьма часто для солдат достойным специального упоминания оказывается тот факт, что в такой-то день не было получено никакой «весточки»[37]. Фронтовики просили и даже требовали писать им каждый день.

Далее, в открытках нередки прямые указания на частоту эпистолярного оборота: «я пишу тебе почти каждый день»[38]. Наконец, о том, что ежедневные «весточки» из дома для солдата — это практически норма, свидетельствует реакция на ее нарушения. Из солдатских текстов исследованной выборки вырисовывается своеобразный лимит терпения, равный приблизительно неделе. Сбой в 6–7 дней представлял собой нечто экстраординарное, давал повод для самого серьезного беспокойства: солдаты требовали объяснений или даже просили знакомых наведаться домой, узнать, что случилось[39].

Частоту солдатских посланий обеспечивали прежде всего открытки, поскольку для каждодневного писания писем солдат не имел ни технической возможности, ни психологических ресурсов: «Солдат пишет обычно мало, у него нет времени, а часто и настроения передавать в подробностях впечатления своей фронтовой жизни. Поэтому так называемая иллюстрированная открытка пользуется растущей любовью»[40]. Наряду с отсутствием «настроения», нежеланием делиться тяжелым опытом войны, укрывшись за малым объемом и стереотипными фразами, нередко сказывалось также и отсутствие необходимых навыков. Солдатское «быстренько» применительно к открыткам означало не только собственно быстроту, но и простоту, легкость написания: «быстренько пишу тебе открыточку»[41], «пишу тебе просто быстренько, завтра напишу тебе

---

[37] «Венгерская пехота штурмует русские окопы на Дукле». 21.5.1915; 27.7.1916; 24.3.1918. КВК.

[38] Та же тенденция получает подтверждение в дневниковых и мемуарных свидетельствах: «Это пятое письмо от меня (за 2 месяца. — *А.М.*) и почти ежедневно я пишу открытки» (*Storch K.* Vom feldgrauen Buchhändler. Stimmungsbilder, Briefe und Karten. Magdeburg, 1915. S. 63).

[39] 11.10.1915; 26.1.1915; 11.3.1918. «Что с вами случилось, сегодня четверг, а с пятницы нет никаких известий». — «Передвижной театр Фалькенхаузен». 11.5.1916. КВК.

[40] Künstlerkarten aus dem Felde // Der Krieg. Illustrierte Chronik des Krieges 1917/18. Bd. 11. Stuttgart, 1918. S. 300.

[41] 22.6.1915. КВК.

твое воскресное письмо»[42]. В текстах открыток солдаты, объясняя, почему они пишут «лишь» открытку, как правило, ссылались на занятость. Действительно, фронтовые реалии очень часто просто не давали возможности усесться за написание полноценного письма[43]. Однако можно предположить, что в действительности не меньшее значение имело то обстоятельство, что открытка избавляла солдат от мучений, связанных с написанием настоящего письма. Для большинства из них война, означавшая первую продолжительную разлуку с близкими, заставила многих впервые взяться за перо. Они не обладали опытом и необходимыми навыками, к тому же фронтовая рутина давала мало поводов для по-настоящему свежей информации; выразить же текстом новые для себя эмоции, порожденные разлукой, солдаты часто попросту не умели. В итоге столь страстно желаемая частота коммуникации приводила к трудностям в ее содержательном наполнении: «До сих пор я всегда писал через день. Уже и не знаешь, что постоянно писать. Здесь все по-старому», — признавался немецкий унтер-офицер[44].

С другой стороны, предпочтение открытки письму иногда носило вынужденный характер. Пытаясь снизить колоссальную нагрузку на полевую почту, в отдельных частях вводились определенные ограничения, нарушение которых наказывалось весьма строго: «Также нам можно ежедневно посылать только (!) одно письмо и две открытки. Если кто посылает больше, его отправляют на пост в окопы, а это не мед с сахаром», — писал в январе 1915 г. немецкий солдат[45]. Наиболее распространенной причиной ограничения использования писем служили цензурные соображения: «Дорогая Анна! Некоторое время мы не должны больше посылать письма. Один написал что-то такое, что нельзя. Мы можем писать только открытки»[46]. К тому же

---

[42] 11.2.1915. КВК. Фраза показательна также с точки зрения упоминаемой практики каждодневной коммуникации. «Воскресное» письмо солдата являлось устойчивой конвенцией солдатской переписки, сохранившейся и в годы Второй мировой войны (*Humburg M.* "Jedes Wort ist falsch und wahr — das ist das Wesen des Worts". Vom Schreiben und Schweigen in der Feldpost. Essen, 2011. S. 78).

[43] «С третьего числа я на ногах и не имел покоя, поэтому лишь эта короткая открытка», — писал солдат 16 июня 1916 г.; «Сейчас у нас такая позиция, на которой можно писать». — «Мечты с родины». 8.8.1916. КВК.

[44] 9.7.1916. Любительская фотооткрытка. КВК.

[45] Цит. по: *Ulrich B.* Op. cit. S. 45. В другом случае солдат, отвечая на упрек, что «пишет так мало», говорит о разрешении писать лишь три раза в неделю. 30.3.1916. КВК.

[46] 7.1.1915. Коллекция автора.

тяжелые окопные условия иногда просто физически не оставляли солдату иного выбора, кроме как писать на открытке, гораздо более прочной и устойчивой к внешним воздействиям, чем бумага и конверт [47]. В конце войны добавился еще один аргумент в пользу открытки — острая нехватка бумаги, «бумажный голод». «Не пиши письмо, если достаточно открытки», — такие и подобные призывы можно было увидеть на страницах фронтовой прессы[48]. Для писем советовали использовать газетную бумагу, но лучше «отдавайте предпочтение открытке. Она экономит деньги — и бумагу»[49].

Вместе с тем, несмотря на преобладание в полевой почте именно открытки, статус последней в глазах корреспондентов существенно уступал письму. Солдаты нередко приносили извинения за «всего лишь» открытку. Но, разумеется, особенно ясно предпочтение письма открытке проявлялось в ожиданиях, связанных с почтой из дома: для себя солдаты считали приемлемым писать в первую очередь открытки, но хотели получать письма, призывали своих корреспондентов «не слишком экономить карандаш»[50]. Как точно выразился известный французский писатель-фронтовик Анри Барбюс, после раздачи почты солдаты возвращались в окопы, «кто обрадованный письмом, кто — полуобрадованный открыткой»[51].

В целом, можно говорить о сложившейся в годы войны устойчивой эпистолярной структуре. Основу коммуникационной ткани, перманентного обмена информацией между фронтом и тылом составляли открытки и полевые карточки, являясь медиумом чрезвычайно важным как в функциональном, так и в содержательном отношениях. Хотя сами солдаты отводили открыткам второстепенную роль, именно на их долю в первую очередь приходилось выпол-

---

[47] «Сегодня я снова могу послать вам только открытку, т.к. мои конверты из-за последнего дождя пришли в негодность».1.8.1918. КВК.

[48] Sparen hilft Durchhalten // Feldezeitung der 5. Armee. 1.6.1918.

[49] Papiersparnis // Liller Kriegszeitung. 22.1.1918.

[50] 18.9.1916. Любительская фотооткрытка. КВК.

[51] Вместе с тем, не удовлетворяя получателя краткостью личного послания, открытка могла внести некоторое разнообразие в монотонный фронтовой быт своей лицевой стороной, как, например, это описано во французской фронтовой газете: «Иногда почтарь выделяет при раздаче художественную или просто забавную открытку, начальственно качая головой или с приветливой улыбкой. Тогда открытка идет по рукам, в то время, как пуалю (прозвище французских солдат в Первую мировую войну. — *А.М.*), которому она предназначена, терпеливо ждет, гордый своим успехом» (Esquisses et profils. Le Vaguemestre de ma Companie // Le Front. Exclusivement illustré et rédigé par les poilus de l'avant. 1.1.1917).

нение главной функции полевой почты — обеспечение связи между фронтом и тылом; они же, как отмечалось, доносили безусловно важнейшую содержательную часть переписки — информацию о том, что отправитель все еще жив. В конечном счете, если возникал вопрос о предпочтениях в характере коммуникации — подробно или часто — солдат, конечно же, выбирал второе: «Почему ты не даешь знать о себе? Восемь дней прошло с моего отъезда. Надеюсь, что главная вина лежит на почте. Тебе не нужно писать мне многословных писем, мне достаточно и посланного время от времени простого открыточного привета»[52].

References

Altenhöner F. *Kommunikation und Kontrolle: Gerüchte und städtische Öffentlichkeiten in Berlin und London 1914–1918.* München: Oldenburg, 2008. 375 S.

Becker F. *Bilder von Krieg und Nation: Die Einigungskriege in der bürgerlichen Öffentlichkeit 1864–1913.* München: Oldenburg Verlag, 2001. 601 S.

Eckart W.U. *Die Wunden heilen sehr schön Feldpostkarten aus dem Lazarett 1914–1918.* Stuttgart: Steiner, 2013. 210 S.

Hämmerle Ch. *"…wirf ihnen alles hin und schau, daß du fort kommst." Die Feldpost eines Paares in der Geschlechter(un)ordnung des Ersten Weltkrieges* // *Historische Anthropologie*. 1998. 6/3, S. 431–458.

Humburg M. *"Jedes Wort ist falsch und wahr — das ist das Wesen des Worts". Vom Schreiben und Schweigen in der Feldpost* // Schreiben im Krieg — Schreiben vom Krieg: Feldpost im Zeitalter der Weltkriege / Hrsg. von V. Didczuneit, J. Ebert, Th. Jande. Essen: Klartext, 2011, S. 73–85.

Jahr Ch. *Gewöhnliche Soldaten: Desertion und Deserteure im deutschen und britischen Heer 1914–1918.* Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1998. 419 S.

Knoch P. *Erleben und Nacherleben: Das Kriegserlebnis im Augenzeugenbericht und im Geschichtsunterricht* // "Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch…" Erlebnis und Wirkung des Ersten Weltkriegs / Hrsg. von G. Hirschfeld, G. Krumeich, I. Renz. Frankurt am Main: Klartext, 1996, S. 235–259.

Lanzel K. *Feldpost* // Enzyklopedie Erster Weltkrieg. Padeborn / Hrsg. von G. Hirschfeld, G. Krumeich, I. Renz. München; Wien; Zürich: Ferdinand Schöningh, 2004, S. 473–475.

Medyakov A.S. *Pervaya mirovaya voyna na pochtovykh otkrytkakh* [World War I on Postcards]. T. I–IV. Kirov: Krepostnov, 2014. 1681 p.

Opsommer R. *Kriegsimpressionen aus Westflandern. Feldpostkarten des Ersten Weltkriegs als alltagsgeschichtliche Quellen* // Schreiben im Krieg — Schreiben vom Krieg: Feldpost im Zeitalter der Weltkriege / Hrsg. von V. Didczuneit, J. Ebert, Th. Jande. Essen: Klartext, 2011, S. 341–358.

[52] Любительская фотооткрытка. 11.12.1916. КВК.

Riemer K.H. *Die Postüberwachung im Deutschen Reich durch Postüberwachungsstellen 1914–1918.* Handbuch und Katalog. Düsseldorf: Poststempelgilde "Rhein-Donau", 1987. 302 S.

Schracke K. *Geschichte der deutschen Feldpost im Kriege 1914–1918.* Berlin: Verlag der Reichsdruckerei, 1921. 345 S.

Ulrich B. *Die Augenzeugen. Deutsche Feldpostbriefe in Kriegs- und Nachkriegszeit 1914–1933.* Essen: Klartext, 1997. 342 S.

Ziemann B. *Feldpostbriefe und ihre Zensur in den zwei Weltkriegen* // Der Brief. Eine Kulturgeschichte der schriftlichen Kommunikation / Hrsg. von K. Beyrer, H.-Ch.Täubrich. Heidelberg: Edition Braus, 1996, S. 162–171.

Поступила в редакцию
3 апреля 2019 г.

И.М. Лакстыгал*

АТЛАНТИЗМ США И ЕВРОПЕИЗМ ФРАНЦИИ В ГРЕКО-ТУРЕЦКОМ КОНФЛИКТЕ (1967–1975)

I.M. Lakstygal

ATLANTICISM OF THE UNITED STATES AND EUROPEANISM OF FRANCE IN GRECO-TURKISH CONFLICT (1967–1975)

Аннотация. В центре внимания автора статьи — действия Вашингтона и Парижа во время обострения греко-турецкого конфликта на Кипре в 1967–1975 гг. При этом греко-турецкий конфликт рассматривается не как локальный и региональный или предмет внешней политики США и Франции, а как арена противостояния идеологии «атлантической солидарности» и идеи объединения стран Западной Европы в качестве независимого центра принятия решений (европеизма). Целью исследования является оценка эффективности методов и средств, с помощью которых Вашингтон и Париж реализовывали эти руководящие принципы. В греко-турецком конфликте европейская солидарность выразилась в бойкоте пришедшей к власти в Афинах проамериканской и атлантистской военной диктатуры, к которому присоединилась и Франция. Она негласно поддерживала Турцию в рамках общего курса сближения с мусульманскими странами. США старались не допустить обострения конфликта Анкары и Афин и поддерживали обе страны в военном и экономическом плане, хотя и с креном в сторону Греции. Обострение Кипрского конфликта летом 1974 г. и попытки его оперативно урегулировать в 1974–1975 гг. полностью поменяли расклад: Афины стали антиамериканскими и антиатлантистскими после выхода из НАТО. Франция постаралась привязать их к себе, обещая как собственную, так и общеевропейскую поддержку. Однако неожиданно и Турция не стала опорой США в конфликте. Эта разбалансировка американской политики соблазнила Францию, на фоне неудачи с консолидацией европейцев на стороне Греции, попробовать закрепиться и там, однако это привело к распылению ее сил и отсутствию результата на обоих направлениях. В то же время США умело использовали перевес в силовых, политических и экономических ресурсах

* *Лакстыгал Илья Михайлович*, аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Lakstygal Il'ya Mikhaylovich, Postgraduate Student, Department of Modern and Contemporary History of the Countries of Europe and America, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University

+7- 916-853-49-89; osroenae@gmail.com

и не допустили выхода двух стран из-под своего влияния. На примере борьбы Франции и США за влияние в Греции и Турции во время кипрского конфликта автор приходит к выводу о неспособности Западной Европы во главе с Парижем создать привлекательную и действенную альтернативу атлантической солидарности в рассматриваемый период.

Ключевые слова: европеизм, атлантическая солидарность, НАТО, кипрский конфликт, политика США, Франция, Восточное Средиземноморье.

Abstract. The author focuses on the actions of Washington and Paris during the escalation of the Greek-Turkish conflict in Cyprus in 1967–1975. This conflict is regarded not as a local and regional one or as an object of the foreign policy of the United States and France, but as a clash of opposing ideologies of "Atlantic solidarity" and "Europeanism" representing the countries of Western Europe as an independent decision-making centre. The aim of the research is to evaluate the efficiency of the methods and means employed by Washington and Paris for implementing these guiding principles. In the Greek-Turkish conflict, European solidarity, promoted by France, was expressed through the boycott of the pro-American and Atlantic military dictatorship that came to power in Athens. France secretly supported Turkey within the context of its rapprochement with Muslim countries. The United States labored to prevent an aggravation of the conflict between Ankara and Athens and provided both countries with military and economic support, although with a tilt towards Greece. The escalation of the Cyprus conflict in summer of 1974 and attempts at its quick resolution in 1974–1975 entirely changed the situation: Athens became anti-American and anti-Atlantic after leaving NATO. France strived to tie Greece to itself, promising its own and pan-European support. However, Turkey unexpectedly did not turn to the pillar of the United States in the conflict. Such a shift in the US politics gave France a chance, after its failure to consolidate Europeans around Greece, to try to gain a foothold there. Instead, this attempt dispersed French forces and remained fruitless. Meanwhile, the US having the preponderance of force, political and economic resources did not allow Turkey and Greece to get out of the US control. Having revisited the struggle of France and the USA for the influence over these two Mediterranean countries during the Cyprus conflict, the author concludes that the Western Europe, led by Paris, was unable to offer an attractive and effective alternative to Atlantic solidarity in the period.

Keywords: Europeanism, Atlantic solidarity, NATO, Cyprus conflict, USA policy, France, Eastern Mediterranean.

* * *

Одной из ключевых проблем Восточного Средиземноморья в 1960-е — 1970-е гг., наряду с арабо-израильским противостоянием, стал конфликт между Грецией и Турцией на территории Кипра. Свое начало он берет в разногласиях греческой и турецкой общин острова, обострившихся после получения Кипром в 1960 г. независимости

от Великобритании. На локальном уровне этот конфликт впервые обострился в 1963–1964 гг. Тогда боевые действия между местными греческими и турецкими группировками, армией и полицией удалось заморозить под давлением США, удержавших Турцию от интервенции, и ООН, пославшую на остров миротворцев.

Поскольку гарантами суверенитета Кипра, кроме эксметрополии, стали Греция и Турция, это определило возможность иностранного вмешательства в его дела. В 1967 г., с утверждением в Афинах военного режима, открыто призывавшего провести «энозис» («воссоединение») Кипра с Грецией, конфликт резко обострился и перешел в «горячую фазу» летом 1974 г. Тогда на острове фактически друг против друга действовали военные силы Греции и Турции, союзников по НАТО. Таким образом, кроме регионального, это был также и кризис атлантической солидарности, целостности западного блока.

Особенностью кипрского конфликта являлось то, что биполярный контекст противостояния супердержав не имел здесь решающего значения для США[1]. На юго-восточном фланге НАТО столкнулись два подхода к принципам функционирования не мирового порядка, а исключительно западного блока: атлантизм и европеизм.

Первый предусматривал атлантическую солидарность и безусловное главенство США в НАТО. Второй подход, взятый на вооружение Францией, в 1966 г. покинувшей военную организацию Альянса, подразумевал автономию или даже независимость Западной Европы как центра принятия решений в рамках условного Запада. Европеизм также провозглашал возможность самостоятельной политики европейских стран на периферии при системном консенсусе в вопросе противостояния потенциальной общей внешней угрозе — СССР[2].

Для Западной Европы греко-турецкий конфликт не был полностью периферийным. Он затрагивал собственно европейскую безопасность и закономерно попал в повестку заседаний Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1973–1975 гг.[3] Поэтому

---

[1] Подробнее о конфликтах СССР и США на этапе «разрядки» см.: *Печатнов В.О., Маныкин А.С.* История внешней политики США. М., 2012; *Богатуров А.Д.* Системная история международных отношений. Т. 3. М., 2003.

[2] *Möckli D.* The EC-nine and transatlantic conflict // European-American Relations and the Middle East: From Suez to Iraq / Ed. by D. Möckli, V. Mauer. New York, 2011. P. 42.

[3] Подробнее об обсуждениях ситуации в Средиземноморье на встречах Совещания по безопасности в Европе в 1973–1975 гг. см.: *Badalassi N.* Adieu Yalta? La France, la détente et les origines de la Conférence sur la Sécurité et la Coopération en Europe. 1965–1975. Paris, 2011.

Париж имел больше оснований для того, чтобы представлять и защищать точку зрения европейских государств. Франция при Шарле де Голле, его преемнике Жорже Помпиду и даже «атлантисте» Валери Жискар д'Эстене также надеялась заполнить оставляемую британцами лакуну[4] в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке, играя на противоречиях между СССР и США в средиземноморском регионе[5], напряженности в отношениях Греции и Турции и растущем евро-американском отчуждении.

В условиях конфликта между Турцией и Грецией, которых США в 1952 г. практически навязали европейским союзникам по НАТО как новых членов организации[6], первостепенной задачей американцев было не допустить распада созданного ими юго-восточного фланга Альянса. Кроме того, они надеялись сохранить остров как военный плацдарм даже без его вхождения в военно-политические структуры Запада[7], чтобы иметь там надежный тыл для вытеснения СССР с Ближнего Востока[8]. Наконец, Вашингтон стремился не дать Кипру перейти из стана нейтральных государств в просоветский лагерь[9].

---

[4] После краха своей колониальной империи в начале 1960-х гг. Великобритания продолжала удерживать под своим контролем ключевые для судоходства стратегические точки на Мальте, Кипре, в Йемене и Персидском заливе, однако на рубеже 1960–1970-х гг. отказалась от прямого военного присутствия во всех этих пунктах, кроме Кипра.

[5] *Corbieau B.* Le dialogue euro-arabe, instance du nouvel ordre internatioal (1973–1978) // Revue française de science politique. 1980. N 3. P. 574.

[6] Подробнее о процессе принятия Греции и Турции в НАТО и их первых годах в Альянсе на фоне вопроса о независимости Кипра см.: *Chorchoulis D.* The Southern Flank of NATO, 1951–1959. Military Strategy or Political Stabilisation. London, 2015.

[7] *Шмаров В.А.* Кипр в средиземноморской политике НАТО. М., 1982. С. 14.

[8] *Quandt W.* Decade of Decisions: American Policy toward the Arab-Israeli Conflict. 1967–1976. Berkeley, 1977. P. 32.

[9] На Кипре с 1950-х гг. находились и модернизировались многочисленные объекты радиоэлектронной разведки: эта точка являлась передовой в системе предупреждения Альянса о ракетном нападении на фоне совершенствования ракетно-ядерных возможностей СССР, который к 1970 г. добился паритета, а к 1974 г. разработал ракеты с разделяющимися боеголовками. Пока спутниковая группировка была несовершенна, кипрские загоризонтные радары просматривали территорию Советского Союза до Сибири, в особенности — полигоны Капустин Яр и Тюратам. На Кипре по-прежнему часто появлялись американские U-2. Кипр стал критически важным, наряду с Грецией, звеном в поддержке Израиля в шестидневной войне и войне Судного дня — через британские авиабазы тайно перегонялись в Израиль свежие американские «Фантомы». В то же время в октябре 1973 г. президент Кипра Макариос запретил разведывательные полеты ВВС США в районе арабо-израильского конфликта. Подробнее см.: *O'Malley B., Craig I.* The Cyprus Conspiracy. London, 2001. P. 165; *Шмаров В.А.* Кипр в средиземноморской политике НАТО. М., 1982. С. 30.

Справедливо отметить, что в 1960-х — 1970-х гг. Франция и США находились в неравном положении в Восточном Средиземноморье. Греция и Турция, несмотря на конфликты, были опорой и наиболее лояльными союзниками США в НАТО в 1960-е гг. Позиции Вашингтона в двух этих странах были, казалось, непоколебимы[10]. Обострение противоречий между Анкарой и Афинами, наложившееся на только что пережитый Альянсом «кризис доверия», стало серьезным вызовом для военно-политического руководства США.

Эффективность действий американцев в купировании кипрского кризиса является первым вопросом, который рассматривается в данной статье. Особый интерес вызывает набор силовых, дипломатических и финансовых мер, использованных Вашингтоном для достижения этой цели. Идеологическим стержнем, основным принципом, объединявшим американские действия в этой ситуации, являлась атлантическая солидарность и упор на целостность Запада, в особенности, Европы, под эгидой США[11].

Франция не имела в странах юго-восточного фланга НАТО твердой опоры. Но растущие противоречия между Анкарой и Афинами создавали для Парижа окно возможностей. Обе конфликтующие стороны стремились в Общий рынок, и это обстоятельство выступало потенциальным экономическим рычагом для презентации ЕЭС во главе с Францией в качестве арбитра. Эффективность маневров Парижа на этом направлении стала вторым рассмотренным вопросом. Идеологической основой действий Франции в данный период был европеизм[12].

Таким образом, новизна данной работы заключается в рассмотрении кипрского конфликта не в биполярном, региональном или локальном контексте, чему уже посвящено достаточное количество исследований как в зарубежной, так и в отечественной историографии, а во взгляде на него как на первую периферийную площадку, где по линии США–Франция/США–Европа проявились концептуальные противоречия во взглядах членов западного лагеря на его дальнейшее развитие.

---

[10] В 1952 г. США, несмотря на противодействие значительной части НАТО, включили Грецию и Турцию в Альянс.

[11] О формировании атлантизма как идеологии западных стран см.: *Войтоловский Ф.Г.* Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка в 1940–2000 годы. М., 2007.

[12] Об эволюции европеизма см.: *Чубарьян А.О.* Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира. М., 1987.

Отправной точкой нашего исследования стал военный переворот в Греции в апреле 1967 г. Опубликованные за последние 40 лет американские документы говорят о том, что Вашингтон знал о подготовке путча и не препятствовал ему[13]. Бесспорно, американцы расценивали военную хунту как более предсказуемого партнера[14]. Их ставка на Грецию «черных полковников» стала очевидна для французов, которые, выйдя годом ранее из военной структуры НАТО, были не прочь увеличить раскол между США и их европейскими союзниками. Европейцы, за исключением традиционно оппозиционного Парижу Лондона, восприняли изменения в политической жизни Греции в штыки. По-прежнему жестко критикуя авторитарные режимы в Лиссабоне, Мадриде и Анкаре, они добавили к ним Афины, угрожая заморозить с греками политическое и экономическое сотрудничество[15]. Сама Франция, крупнейший и наиболее независимый из европейских игроков, сократила отношения с Грецией до минимума[16].

Фактический бойкот со стороны европейских союзников по НАТО[17] заставлял греческих военных наращивать сотрудничество с США. Несмотря на то что весной 1967 г. Вашингтоном было объявлено формальное оружейное эмбарго в отношении Афин из-за переворота[18], в январе 1968 г. администрация Линдона Джонсона в итоге признала диктатуру легитимной, а к началу следующего года ограничения были окончательно сняты уже Ричардом Никсоном. В «благодарность» Греция во время войны Судного дня 1973 г.[19] стала второй после Нидерландов европейской страной, предоставившей свои аэродромы для американского «воздушного моста»

---

[13] *Papacosma V.* Greece and NATO // A history of NATO. The First Fifty Years / Ed. by G. Schmidt. Vol. 3. New York, 2001. P. 359.

[14] В отличие от правительства Караманлиса, публично выражавшего после первой эскалации на Кипре сомнения в целесообразности нахождения Греции в НАТО, «черные полковники» поспешили сразу после переворота заверить Вашингтон в верности атлантической солидарности. Подробнее см.: Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). 1964–1968 Vol. XVI. Washington, 2012. Doc. 273. P. 284.

[15] *Pedaliu E.* Discordant note: NATO and Greek Junta, 1967–1974 // Diplomacy and Statecraft. 2011, mar.Vol. 22. P. 101.

[16] Réaction à l'istauration du régime militaire à Athénes. Le 27 Avril 1967. Doc. 160 // Documents diplomatiques français 1967: 1er janvier — 1er juillet. T. 31. Comission des archives diplomatiques. Paris, 2008.

[17] FRUS. 1964–1968. Vol. XVI. Doc. 295. P. 605.

[18] *Duke S.* US Military Forces and Installations in Europe. Oxford, 1989. P. 162.

[19] *Chipman J.* NATO's Southern Allies: Internal and External Changes. London, 1988. P. 252.

в Израиль[20]. Вашингтон же вслед за снятием эмбарго расширял номенклатуру военных поставок. В 1970 г. Никсон смог одобрить поставки тяжелого вооружения для Греции.

Афины быстро стали одним из ключевых потребителей американских вооружений в континентальной Европе, в два раза увеличив ради этого военный бюджет (с 208 млн долл. в 1967 г.[21] до 420 млн долл. в 1970 г.[22]), во многом с помощью американских кредитов[23]. Для сравнения, Турция, обладавшая в два раза большей армией (греческая —158 тыс. человек в 1967 г.[24] и даже 118 тыс. человек в 1970 г.[25], турецкая — 390 тыс. человек в 1967 г.[26] и 477 тыс. человек в 1970 г.[27]) даже снизила военные ассигнования с 439 млн долл. до 401 млн долл.[28] Несоразмерный с экономическими возможностями Греции (ВВП в 1967–1970 гг. вырос с 8,7 млрд долл. до 12,8 млрд долл., а Турции — с 11,9 млрд долл. до 17,6 млрд долл.[29]) рост ее оборонных расходов может быть объяснен только массированной дополнительной подпиткой из Вашингтона. Это лишний раз иллюстрирует американские приоритеты в паре Афины–Анкара в эти годы[30].

В январе 1970 г. американцы подписали с греческой хунтой предварительное соглашение о размещении своего 6-го флота в Пирее[31], использовании авиабазы Суда на Крите и ракетных полигонов[32].

---

[20] Стоит, однако, сказать, что греки не афишировали этого официально, а аэродромы, которые позволили использовать, были американскими же базами в формальном подчинении НАТО, с преимущественно американским персоналом. Собственную инфраструктуру для «воздушного моста» в Израиль Афины не давали.

[21] The Military Balance. 1967. P. 23.

[22] The Military Balance. 1970. P. 28.

[23] Всего с 1949 по 1969 г., согласно программе военной помощи, Афины получили от американцев более 2 млрд долл. Подробнее см.: *Duke S.* US Military forces and Installations in Europe. P. 170.

[24] The Military Balance. 1967. P. 23.

[25] The Military Balance. 1970. P. 28.

[26] The Military Balance. 1967. P. 26.

[27] The Military Balance. 1970. P. 32.

[28] Ibidem.

[29] World military expenditures and arms transfers 1966–1975 CIA. US Arms control and disarmament department. Washington, 1976. P. 30, 50.

[30] Данные доклада ЦРУ о военных расходах и экономических потенциалах в мире в 1966–1975 гг. дают иные цифры соответствующих ассигнований Греции (372 млн долл. в 1967 и 596 млн долл. в 1970 г.), в то время как у Турции они соответственно достигли 580 млн и 747 млн долл., т.е., в отличие от статистики Military Balance, выросли. См: World military expenditures and arms transfers 1966–1975 CIA.

[31] *Меньшиков В.М.* На стратегическом перекрестке. М., 1975. С. 113.

[32] *O'Malley B., Craig I.* Op. cit. P. 136.

В благодарность Вашингтон пообещал снабдить греческие ВВС самой современной на тот момент машиной, которая имелась в американской авиации — F-4 Phantom II. Эти самолеты значатся в статистике Military Balance за 1970 г. как «заказанные и ожидающие поставки» в греческую армию[33].

Турция также продолжала оставаться стратегическим партнером США и ключевым получателем оружия. Учитывая ее пограничное положение по отношению к СССР и позицию форпоста НАТО на Ближнем Востоке, как видно по данным Military Balance с 1966 по 1974 г., турецкая армия была снабжена в большей степени, чем греческая, тяжелым вооружением американского производства. Например, тяжелыми танками М-48 были укомплектованы четыре бронетанковые бригады Турции против одной греческой, а новые бронетранспортеры М-113 турки получили уже в 1970 г.[34], в отличие от греков, к которым они были направлены лишь в 1972 г.[35]

Однако еще в 1965 г. Турция начала пересмотр условий базирования американских военных, находившихся в стране по соглашению 1954 г.[36] В 1969 г. было подписано соглашение, по которому в военное время объем контингентов и вооружений США в Турции могли увеличиваться лишь с согласия центрального командования НАТО[37], а Анкара могла определять их состав и сроки нахождения[38], а также требовать отчетности от американцев[39]. В целом в 1968–1970 гг. Турция заставила на треть сократить количество американских военных на своей территории[40].

Поводом, ускорившим отчуждение Анкары от США, стал кризис на Кипре, случившийся все в том же 1967 г. Посреднические усилия американцев как по линии Госдепартамента, так и через структуры НАТО в итоге не допустили открытого столкновения турок и греков на острове, и атлантическая солидарность восторжествовала. Но одним из итогов кризиса стало разочарование в афинском правительстве даже руководящих органов НАТО, до этого защищавших

---

[33] The Military balance. 1970. P. 29.

[34] The Military Balance. 1968. P. 27.

[35] The Military Balance. 1972. P. 21.

[36] *Chipman J.* Op. cit. P. 295.

[37] *Oran B.* Turkish foreign policy 1919–2006. Ankara, 2010. P. 439.

[38] *Duke S.* Op. cit. P. 277.

[39] *Поцхверия Б.М.* Внешняя политика Турции после Второй мировой войны. М., 1976. С. 91.

[40] Там же.

хунту во избежание развала единства блока[41]. Из-за очевидных связей между националистическими боевиками ЭОКА-Б[42] и диктатурой в Греции в Альянсе считали Афины ответственными за эскалацию кризиса и угрозу целостности блока[43].

Неудовлетворенность результатами кипрских событий 1967 г. как греков, так и турок создавала возможности для Парижа сблизиться с Анкарой. Для де Голля кипрский вопрос служил целям общей переориентации политики Франции по отношению к странам Ближнего Востока[44]. Поэтому он принял турецкую позицию по Кипру, которая стала на некоторое время доминировать во французской внешней политике[45]. Знаковым стал визит де Голля в Анкару в 1968 г. на фоне фактического разрыва большей части отношений с Афинами годом ранее[46].

В кипрском вопросе в 1967 г. де Голль, подчеркивая свою независимость от атлантической солидарности, стремился хотя бы отчасти скоординировать свою позицию с Москвой. Последняя выступала за полную независимость и единство Кипра, опасаясь его превращения, при разделе Грецией и Турцией, в плацдарм НАТО. Более того, СССР не исключал использование кипрского вопроса в качестве рычага ослабления юго-восточного фланга НАТО. Сложнее всего для де Голля было не принять публично протурецкую либо прогреческую сторону[47]. Он отдавал отчет в слабости позиций Франции в регионе и на Кипре — сфере влияния США и Великобритании на глобальном уровне и Турции — на региональном. По крайней мере,

---

[41] *Kissinger H.* The Years of Upheaval. New York, 1982. P. 1190.

[42] Террористическая националистическая организация греков-киприотов, основанная в 1970 г. и провозгласившая целью воссоединение с Грецией. Ведет начало от группировки ЭОКА — «Национальная организация кипрских бойцов», подпольной вооруженной организация греков-киприотов, основанной в середине 1950-х гг. с целью изгнать британцев, и также хотевшей присоединить Кипр к Греции. До 1950 г. вела нападения на военных Великобритании. После того, как остров перестал быть британской колонией в 1960 г., одна из целей ЭОКА была выполнена, и она легализовалась.

[43] FRUS. 1964–1968. Vol. XVI. Doc. 5. P .16.

[44] *Пархалина Т.Г.* Франция и Средиземноморье. М., 1987. С. 67.

[45] Conversation entre l'ambassadeur de France à Athénes et le représentant grec aux conversations greco-turques sur Chypre. Le 20 janvier 1967. Doc. 32 // Documents diplomatiques français 1967: 1er janvier —1er juillet. T. 31.

[46] *Billion D.*. Les relations franco-turques depuis la fin des années soixante : un bilan contraste // CEMOTI. N 8. 1989. La communauté européenne et la Turquie devant la question de l'adhésion: approche culturelle d'une relation politique. P. 87–107, 102–103.

[47] *Siotis J.* Chypre et les grandes puissances 1955–1968 // Revue française de science politique.1969. N 6. P. 1239.

французский президент выступал против «энозиса», который мог «нарушить связь двух частей острова», сходясь здесь с советской и турецкой позициями[48].

В 1970–1973 гг. внимание Парижа и Вашингтона было отвлечено от Кипра назреванием грандиозного конфликта между Израилем, Сирией и Египтом, который разразился в октябре 1973 г.[49] Франция, оттесненная от урегулирования на Ближнем Востоке, пыталась консолидировать европейцев для прямых контактов с арабскими странами по проблеме энергетики[50]. США занимались одновременно мирным урегулированием (официально) и отрывом Египта от СССР (фактически)[51]. В этой обстановке эскалация конфликта на Кипре, где с 1972 г. усиленно шли переговоры между греческой и турецкой общинами, стала неожиданной и для США, и для Франции.

Греческие националисты-радикалы, связанные с Афинами, 15 июля 1974 г. свергли кипрского президента Макариоса. В перевороте принимали участие кадровые греческие военные. Это развязало руки Анкаре. Она начала военную интервенцию на остров 21 июля. «Черным полковникам» не удалось помешать туркам, причем попытки греков вмешаться саботировали американцы. В этот кульминационный момент в Афинах произошел военный переворот. 23 июля 1974 г. полковник Давос сверг возглавлявшего на тот момент хунту полковника Иоаннидиса, а вернувшийся из добровольного изгнания экс-премьер[52] Константин Караманлис взял власть в Афинах. На Кипре радикал Сампсон ушел в отставку, стараниями ООН установилось хрупкое перемирие.

Караманлис вернулся в Афины из французской эмиграции на личном самолете президента Жискар д'Эстена, что указывает на большие надежды, возлагавшиеся на изгнанника в Париже[53]. Он сформировал демократическое правительство, одновременно остро нуждаясь в поддержке извне против Турции в кипрском вопросе. Этот скомпрометировавший «черных полковников» неудачный конфликт, дав Караманлису власть, в случае неразрешенности мог

---

[48] *Plassmann L.* De l'émergence de la question de Chypre à la crise de 1974 : le problème chypriote dans les relations franco-grecques // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 2010/3. N 99. P. 101.

[49] *Colard D.* La politique méditerranéenne et proche-orientale de G. Pompidou // Politique étrangère. 1978. Vol. 43. N 3. P. 286.

[50] *Азаканян М.Ц., Ревякин А.В., Уваров П.Ю.* История Франции. М., 2005. С. 121.

[51] *Talon C.* La dictature des colonels en Grèce, 1967–1974. Les enjeux géostratégiques // Cahiers Balkaniques. 2011. 38–39. Conflits et mémoires dans les Balkans. P. 387.

[52] В 1955–1963 гг.

[53] *Plassmann L.* Op. cit. P. 100.

стать причиной и его падения[54]. Следующий шаг премьера, который в предыдущий период своей политической карьеры слыл «атлантистом», стал внезапным и крайне неприятным для американцев. Через несколько дней после вступления в должность, под давлением греческой общественности 15 августа 1974 г. Караманлис заявил о выходе Греции из военной организации НАТО[55]. В Елисейском дворце ухватились за эти перемены и начали готовить план франко-германского консенсуса по отношению к происходящему в Афинах и на Кипре. Новая европейская, демократическая Греция мыслилась в Париже прекрасным катализатором, который реанимирует европеизм после ближневосточного фиаско и консолидирует европейцев под французской эгидой[56].

Главным для Франции в той ситуации было удержать антиамериканское правительство Караманлиса в Афинах и убедить остальных европейцев не допустить его падения при обострении ситуации на Кипре. Для этого Франция решила действовать как от лица всей европейской «восьмерки», так и самостоятельно, надеясь, что французское председательство в ЕЭС заставит Турцию быть осмотрительнее (Анкара хотела присоединиться к Общему рынку еще с 1963 г.).

Но официальный Бонн тормозил действия других европейцев по выработке общей позиции в отношении кипрских событий. Париж, видя, что промедление грозит потерей шанса перехватить инициативу, решил воздействовать на Анкару в одиночку. Итогом стало прямое столкновение с западногерманской дипломатией в Турции, которая в итоге выступила против демарша европейских стран в отношении Кипра. Самостоятельная позиция была бы, по мнению немцев, вызовом Вашингтону[57]. Так что попытка использовать кипрский вопрос для строительства общей дипломатической платформы с Западной Германией и укрепления таким образом европеизма не удалась.

Однако у Парижа оставалась возможность действовать и от своего имени, в качестве крупнейшего и относительно самостоятельного игрока в Западной Европе. Франция, после того, как Греция покинула НАТО, поспешила ее в этом поддержать. Она активно выступила на стороне Афин по вопросу о перемирии на Кипре и через ООН, где осудила действия турок. В частности, Париж стал автором резолюции СБ ООН № 360, требующей немедленных переговоров на

[54] *Didier B.* Op. cit. P. 90.

[55] FRUS. 1973–1976. Vol. XXX. Doc. 21. P. 83.

[56] *Möckli D.* Op. cit. P. 73.

[57] Ibid. P. 75.

Кипре, и выделил 2,5 млн франков в комитет по беженцам ООН[58]. Это подкреплялось не только поддержкой в залах заседаний ООН. Париж в конце 1974 г. сделал покинувшую Альянс Грецию своим вторым клиентом по покупке оружия, так как в американских поставках произошел сбой[59]. На 1975 г., по данным Military Balance, в греческой армии, еще год назад укомплектованной исключительно американским оружием, уже состояли на вооружении 60 закупленных в срочном порядке французских танков AMX-30, популярных на Ближнем Востоке. Еще 130 были заказаны на этот же год[60] (американских M-47 и M-48 на тот момент в греческой армии было 300 и 500 единиц соответственно). Но наиболее ценным приобретением греков стали 40 истребителей Mirage Fl[61], состоявших на вооружении самой Франции, — поставка, сопоставимая по масштабам с ведущими покупателями французского оружия[62]. Передача новейших вооружений, была, казалось, прологом для стратегического сотрудничества.

Но греки опасались, что французы рано или поздно захотят уравновесить излишнюю поддержку Афин нормализацией отношений с Турцией, как это было при де Голле. Признаком колебаний Парижа являлась готовность признать сложившееся летом 1974 г. статус-кво на Кипре. К этому французов подталкивал тупик и застой в вопросе урегулирования кипрской проблемы[63]. Более привычной со времен де Голля была ориентация на Турцию, так что решено было искать сближения с Анкарой. И действительно, уже в новом, 1975 г., глава французского МИД Жан Сованьярг, побывавший в греческой столице 24–25 февраля[64], 3 апреля заявил турецкой прессе, что Франция не собирается ограничивать поставки вооружений «старому доброму другу по НАТО» — Турции (и это во время принятия в Вашингтоне оружейного эмбарго в отношении Анкары в начале

---

[58] *Plassmann L.* Op. cit. P. 102.

[59] Ibidem.

[60] Для сравнения, имеющий огромные прибыли от продажи нефти Кувейт в 1976 г. закупил 285 таких французских машин (*Clein J.* Commerce des armes et politique : le cas français // Politique étrangère. 1976. Vol. 41. N 6. P. 578).

[61] The Military Balance. 1975. P. 23.

[62] В 1969 г. Франция заключила крупнейшую на тот момент оружейную сделку — продала Ливии за 2,2 млрд франков 110 самолетов Mirage F1, ранее предназначавшихся Израилю, попавшему под оружейное эмбарго Парижа после шестидневной войны 1967 г.

[63] *Christophe Ch.* La France face au conflit gréco-turc 1974–1986 // Semih V. Le Différend gréco-turc. Paris, 1988. P. 209.

[64] *Le Monde.* 25 février 1975.

февраля 1975 г.[65]). Для греков поездка Сованьярга в Анкару стала моментом утраты иллюзий.

Мало того, после наложения оружейного эмбарго Вашингтона на Анкару в феврале 1975 г. Париж начал присматриваться к открывающемуся рынку оружия. Сованьярг от лица Франции теперь призывал быть осторожным с оценкой европейской позиции в вопросе Кипра, Греции и Турции, т.е. решил выждать и уже не заставлять ЕЭС занимать четкую позицию. Он также подтвердил, что Париж, несмотря на «дружбу с Афинами, будет пытаться восстановить равновесие с Анкарой»[66].

Подобные заявления объясняются также и тем, что у Франции в итоге не получилось потеснить США в Греции ни в плане вооружений, ни в плане политического влияния[67]. Отныне главным для французской дипломатии стало не разрешить ситуацию, а добиться начала переговоров на Кипре, продемонстрировать, что это произошло именно благодаря Франции. Так, если декларации Парижа по кипрскому вопросу в момент эскалации кризиса преследовали цель усилить шаткие позиции новоизбранного Караманлиса и демократического режима в Афинах, теперь же — не дать ему ослабнуть и одновременно не выглядеть чрезмерно прогреческим в глазах турок. Так, в феврале 1975 г. Сованьярг хотя публично в очередной раз подтвердил Афинам поддержку, но уже с оговорками, так как французов не устраивали новые назначения в греческом правительстве.

Весной 1975 г. Жискар д'Эстен все же представил Караманлису новый проект совместных франко-германский действий, вновь понадеявшись соблазнить Афины общеевропейской поддержкой. Этот проект состоял в том, чтобы убедить супердержавы и Европу в следующем: греческий премьер относится положительно к французской позиции по федерализации Кипра с наличием греческих и турецких анклавов в каждой из частей федерации, а также к мнению Парижа о необходимости уменьшить территорию, занимаемую турецкими войсками на острове[68].

Эта инициатива преследовала три цели: ускорить решение кипрской проблемы, избежать вмешательства в урегулирование СССР и

---

[65] Need to reexamine support which the U.S. provides to NATO. Report to the Congress by the comptroller general of the United States. By United States Accounting Office. 1975. P. 142.

[66] Tout en maintenant l'amitié avec la Grèce, la France tente de rétablir l'équilibre avec la Turquie // Les Échos. 26 février 1975.

[67] *Plassmann L.* Op. cit. P. 102.

[68] Ibidem.

впервые дать странам ЕЭС возможность выразить твердую общую позицию. Для сравнения, в жизненно важном для Западной Европы арабо-израильском конфликте и нефтяном кризисе Парижу удалось подвести европейцев лишь к туманным общим декларациям[69]. Оторвать европейцев от Вашингтона не удалось. Поэтому европейский аспект в кипрских комбинациях Франции вновь становился важным. После слабых результатов конца 1973 г.[70] очередной кризис в Леванте мог стать шансом Парижа возглавить Европу.

Однако Караманлис в итоге заявил французам, что разработанный Жискар д'Эстеном план уже не отвечает сложившимся реалиям. Тем не менее, Париж упорно хотел реализовать эту инициативу, так как она демонстрировала бы, что переговоры идут, а Франция и ФРГ, ключевые страны ЕЭС, имеют по ним единую позицию[71]. Поэтому, несмотря на просьбы Караманлиса не делать заявлений и шагов без консультаций с ним, Париж постоянно сепаратно зондировал настроения Бонна в кипрском вопросе. В итоге отсутствие прогресса в переговорах двух общин острова и нерешительность немцев помешали и французам перейти к решительным действиям, которые они не хотели совершать в одиночку. Ставка Франции на «демократическую» Грецию после кипрского конфликта не оправдала себя[72].

На фоне этого произошла осторожная попытка Парижа вернуться к старому курсу на сближение с Турцией. В ноябре 1975 г. Жан Сованьяньярг прибыл в Анкару с официальной целью способствовать снижению греко-турецкой напряженности, но главное — с намерением перехватить турецкий рынок вооружений на фоне действовавшего уже восемь месяцев американского эмбарго. Турецкие власти дали Сованьяргу обширный список требующихся для их армии вооружений и комплектующих, чтобы заменить ими американские[73].

Но уже в марте 1976 г. американцы подписали новое соглашение с Анкарой о статусе своих военных объектов, а в августе 1978 г. сняли

---

[69] Франция, оттесненная от решения ближневосточного вопроса, пыталась саботировать образование Международного энергетического агентства под эгидой США зимой 1973/1974 гг. (*Colard D.* Op. cit. P. 295). Подробнее о перипетиях энергетического кризиса рубежа 1960-х—1970-х гг. см.: *Скороходова О.Н.* Роль нефтяного фактора в международных отношениях (1973–1986). Дисс. М., 2015.

[70] *Cohen S.* La politique extérieure de Valéry Giscard d'Estang. Paris, 1985. P. 350.

[71] *Bozo F.* La politique etrangere de la France depuis 1945. Paris, 1997. P. 56.

[72] *Plassmann L.* Op. cit. P. 102.

[73] *Billion D.* Op. cit. P. 87–107.

с нее оружейное эмбарго. Париж, таким образом, не смог использовать трехлетнюю лакуну. Греция, после своего антиамериканского демарша 1974 г. с выходом из военной структуры НАТО, также начала прощупывать почву для сближения с США, снабжавших ее ранее как военной, так и экономической помощью. Этого не могли обеспечить французы — даже кредита на покупку своего оружия Париж не давал. Уже в мае 1975 года Караманлис, осознав свои скудные ресурсы, допустил возвращение Греции в НАТО[74] и начал зондировать возобновление американской помощи в рамках Альянса[75].

Стоит признать, что комбинация финансовых вливаний и завязанная на них массированная постава вооружений крепко держала Грецию и Турцию в руках США. Кипрский кризис, который напугал Вашингтон самой возможностью упустить из орбиты своего влияния обе страны юго-восточного фланга НАТО, в итоге был большей частью купирован именно этими методами. Несмотря на огромные финансовые и политические возможности, Вашингтон столкнулся с серьезнейшим вызовом единству западного лагеря. И именно «отлучением» от помощи он смог вернуть и Анкару, и Афины под свой контроль. Атлантическая солидарность оказалась незыблемой.

Французы, попытавшиеся воспользоваться временным охлаждением сначала американо-турецких, а затем и американо-греческих отношений, не могли ни предложить порвавшим с США грекам равноценных американским поставок оружия, ни предоставить равную по масштабам дипломатическую поддержку от лица ЕЭС. В дальнейшем при поддержке Франции с 1975 г. начнутся переговоры о вхождении Греции в ЕЭС, однако момент, когда этим можно было воспользоваться в разгар кипрского кризиса, оказался упущен[76]. Поначалу умело маневрируя даже при скромных возможностях, Франция не сумела сконцентрировать наличные средства. Эффективность политики Парижа, кроме разницы в ресурсах с США, подорвала также и непоследовательность действий и «метания» между Анкарой и Афинами.

Стоит заключить, что, хотя 1960–1970-е г. были временем обострения противоречий между США и Западной Европой и кристаллизации идеи европеизма, однако у последней объективно пока не

---

[74] FRUS. 1973–1976. Vol. XXX. Doc. 20. P. 83.

[75] *Oran B.* Op. cit. P. 427.

[76] *Soriano V.F.* « Quel pays plus que la Grèce ? » La place de la Grèce dans la construction de l'Europe : une mise en perspective historique // L'Europe du sud (Espagne, Portugal, Grèce) : nouvelles approches historiographiques des dictatures et de la transition démocretique (1960 –2000) // Histoire@Politique. 2016/2. N 29. P. 150.

было возможностей реализовать ее, выйти из-под опеки Вашингтона и действовать, руководствуясь своими интересами, а не навязанной «атлантической солидарностью». Это отчетливо видно на примере активности США и Франции в кипрском конфликте.

References

Asmussen J. *Cyprus at War. Diplomacy and Conflict during 1974*. London: I.B.Tauris, 2008. 384 p.

Azakanyan M.Ts., Revyakin A.B., Uvarov P.Yu. *Istoriya Frantsii* [A History of France]. Moscow: Drofa, 2005. 481 p.

Billion D. *Les relations franco-turques depuis la fin des années soixante : un bilan contraste* // CEMOTI. 1989. № 8. La communauté européenne et la Turquie devant la question de l'adhésion: approche culturelle d'une relation politique, pp. 87–107.

Bozo F. *La politique etrangere de la France depuis 1945*. Paris: La Découverte, 1997. 125 p.

Bozo F., Emanuel S. *Two Strategies for Europe: De Gaulle, the United States, and the Atlantic Alliance*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. 297 p.

Chiclet Ch. *La France face au conflit gréco-turc 1974–1986* // Vaner S. Le Différend gréco-turc. Paris: L'Harmattan, 1988, pp. 201–215.

Cohen S. *La politique extérieure de Valéry Giscard d'Estang*. Paris: Presses de la Fondation nationale des sciences politiques, 1985. 436 p.

Colard D. *La politique méditerranéenne et proche-orientale de G. Pompidou* // *Politique étrangère*. 1978. Vol. 43. № 3, pp. 283–306.

Corbieau B. *Le dialogue euro-arabe, instance du nouvel ordre internatioal (1973–1978)* // *Revue française de science politique*. 1980. № 3, pp. 560–598.

Duke S. *US Military forces and Installations in Europe*. Oxford: Political Science, 1989. 435 p.

Chipman J. *NATO's southern Allies: Internal and External Changes*. London: Rootledge, 1988. 412 p.

Men'shikov V.M. *Na strategicheskom perekrestke* [At the Strategic Crossroads]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1975. 215 p.

Möckli D. *The EC-nine and Transatlantic Conflict* // European-American Relations and the Middle East: From Suez to Iraq / Ed. by D. Möckli, V. Mauer. New York: Routlede, 2011, pp. 77–93.

O'Malley B., Craig I. *The Cyprus Conspiracy*. London: St. Martins Press, 2001. 268 p.

Oran B. *Turkish Foreign Policy 1919–2006. Facts and Analyses with Documents*. Ankara: Utah Series in Turkish and Islamic Studies, 2010. 984 p.

Papacosma V. *Greece and NATO* // A History of NATO. The First Fifty Years / Ed. by G. Schmidt. Vol. 3. New York: Palgrave MacMillan, 2001, pp. 359–374.

Parkhalina T.G. *Frantsiya i Sredizemnomor'ye* [France and the Mediterranean]. Moscow: Nauka, 1987. 188 p.

Pechatnov V.O., Manykin A.S. *Istoriya vneshney politiki SShA* [A History of the US Foreign Policy]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2012. 672 p.

Pedaliu E. *A Discordant note: NATO and Greek Junta, 1967–1974* // *Diplomacy and Statecraft*. 2011. March. Vol. 22, pp. 101–120.

Plassmann L. *De l'émergence de la question de Chypre à la crise de 1974 : le problème chypriote dans les relations franco-grecques* // *Matériaux pour l'histoire de notre temps*. 2010/3. N 99, pp. 98–104.

Potskhveriya B.M. *Vneshnyaya politika Turtsii posle Vtoroy mirovoy voyny* [Turkey's Foreign Policy after the World War II]. Moscow: Nauka, 1976. 306 p.

Quandt W. *Decade of Decisions: American Policy toward the Arab-Israeli Conflict. 1967–1976*. Berkeley: University of California Press, 1977. 350 p.

Rizas S. *The Greek military regimes policy towards Cyprus, 1967–1974* // *A Publication of Mediterranean Slavic and Eastern Orthodox Studies*. Vol. 18/19. University of Minnesota, 2002/2003, pp. 239–252.

Sakkas J. *The Greek dictatorship, the USA and the Arabs 1967–1974* // *Journal of Southern Europe and the Balkans*. 2004. December. Vol. 6. № 3, pp. 245–257.

Shmarov V.A. *Kipr v sredizemnomorskoy politike NATO* [Cyprus in NATO's Mediterranean Politics]. Moscow: Nauka, 1982. 248 p.

Shein V.S. *NATO i krizis v Vostochnom Sredizemnomor'ye* [NATO and the Crisis in the Eastern Mediterranean] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. 1974. N 12, pp. 87–92.

Siotis J. *Chypre et les grandes puissances 1955–1968* // *Revue française de science politique*. 1969. N 6, pp. 1238–1246.

Skorokhodova O.N. *Rol' neftyanogo faktora v mezhdunarodnykh otnosheniyakh (1973–1986). Diss.* [The Oil Factor in International Relations (1973–1986). Diss.]. Moscow: MSU, 2015. 280 p.

Slengesol I.-A. *A Bad Show? The United States and the 1974 Cyprus crisis* // *Mediterranean Quarterly*. 1/4/2000, pp. 96–129.

Talon C. *La dictature des colonels en Grèce, 1967–1974. Les enjeux géostratégiques* // *Cahiers Balkaniques*. 2011. 38–39. Le dossie: Conflits et mémoires dans les Balkans, pp. 379–402.

Поступила в редакцию
30 октября 2018 г.

И.С. Логвенков*

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР ПО СДЕРЖИВАНИЮ КРИЗИСА СОЮЗНОЙ ЭКОНОМИКИ В АВГУСТЕ–СЕНТЯБРЕ 1991 г.

I.S. Logvenkov

THE GOVERNMENT OF THE RSFSR'S POLICY IMPLEMENTED IN AUGUST–SEPTEMBER 1991 TO CONTAIN THE CRISIS OF THE SOVIET UNION ECONOMY

Аннотация. В работе анализируется антикризисная экономическая политика российского правительства на завершающем этапе существования СССР, выявляются ее роль и значение в борьбе с нарастанием кризисных явлений в союзной экономике. Определяющим условием проведения этой политики в августе–сентябре 1991 г. стал демонтаж союзных структур управления, актуализировавшийся после поражения ГКЧП. В историографии деятельность правительства РСФСР в данный период изучена недостаточно: введение в научный оборот ранее не использовавшихся источников, в первую очередь, делопроизводственного характера, дало возможность значительно расширить общие представления о его работе, дать более взвешенные оценки принимаемым правительством И.С. Силаева мер и его политики в целом. В антикризисной политике Совмина РСФСР в августе–сентябре 1991 г. можно выделить два основных направления: снижение дефицита продовольственных товаров и подготовка рыночных преобразований. Для предотвращения угрозы голода российское правительство занималось организацией бартерного обмена с союзными республиками, налаживало каналы перекачки ресурсов из оборонных секторов промышленности, задействовало личный состав и технику Советской Армии для уборки урожая и изыскивало возможности для обеспечения импорта необходимых товаров. Основным содержанием подготовительных мероприятий к рыночной реформе стали структурные преобразования Совмина РСФСР, запуск процесса перевода общесоюзной собственности в республиканскую юрисдикцию с последующей оценкой их стоимости и

* *Логвенков Илья Сергеевич,* аспирант кафедры истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова

Logvenkov Il'ya Sergeyevich, Ph.D. Student, Department of History of Public and Municipal Administration, Faculty of Public Administration, Moscow Lomonosov State University

+7-916-426-89-07; ilya.logvenkov@gmail.com

разработка правительственной программы рыночных преобразований. На основе изучения структурных преобразований Совмина и проводимых им административных мероприятий выявлены центральные проблемы и противоречия, влиявшие на ход подготовки экономической реформы. Проведение антикризисной политики Совмина РСФСР рассматривается в неразрывной связи с динамикой межреспубликанских отношений как существенного фактора нарастания кризисных явлений. Результаты исследования позволили в целом переосмыслить роль правительства И.С. Силаева в развитии Советского Союза и России после событий августа 1991 г.

***Ключевые слова*:** демонтаж СССР, Совет министров РСФСР, антикризисная политика, продовольственный дефицит, общесоюзная собственность, рыночная реформа, структурные преобразования правительства, межреспубликанские отношения.

Abstract. The paper analyzes the anti-crisis economic policy of the Russian government at the end of the Soviet Union and reveals its role in combating growing crisis in the economy. The decisive condition for the implementation of this policy in August–September 1991 was the dismantling of the Soviet Union governance institutions after the defeat of the State Emergency Committee (*GKChP*). In historiography, the activities of the Government of the RSFSR in this period have been insufficiently studied: the employment of previously unused sources, primarily office papers, allows to significantly expand our knowledge of its work and to offer more balanced assessment of the measures introduced by the I.S. Silaev's government and its policies in general. In the anti-crisis policy of the Council of Ministers of the RSFSR in August–September 1991, two principal trends can be distinguished: reducing food deficiency and developing market reforms. To avert hunger, the Russian government organized barter exchanges with the Soviet Union republics, established channels for directing resources from the defense industry sectors, involved the personnel and equipment of the Soviet army for harvesting, and sought ways to ensure imports of necessary goods. The main content of preparations for market reform was a structural transformation of the Council of Ministers of the RSFSR, launch of the process of transferring all-union property to republican jurisdiction and assessing its value, and the development of the government's program of market reforms. The crucial problems and contradictions that influenced these preparations for the economic reform have been established on the basis of the study of structural transformations of the Council of Ministers and its administrative measures. The implementation of the anti-crisis policy of the Council of Ministers of the RSFSR is considered in the context of the dynamics of inter-republic relations as one of the essential factors in the escalation of crisis. The results of the research have allowed reconsidering the role of I.S. Silaev's government in the development of the Soviet Union and Russia after the events of August 1991.

Keywords: dismantling of the USSR, Council of Ministers of the RSFSR, anti-crisis policy, food deficiency, all-union property, market reform, structural transformations of the government, inter-republic relations.

* * *

Проблема антикризисной экономической политики, проводимой в последние месяцы существования СССР, рассматривается в отечественной историографии преимущественно в контексте последующей радикальной экономической реформы правительства Ельцина–Гайдара. Существенный вклад в ее изучение создан трудами экономистов условно либерального направления, в той или иной степени причастных к разработке и реализации радикальной экономической реформы (Е.Т. Гайдар, В.А. Мау, А.Б. Чубайс, А.В. Улюкаев и др.)[1]. В них раскрываются детали кризиса, в котором оказалась страна к осени 1991 г., обосновывается необходимость полного слома «тоталитарной системы» мерами «шоковой терапии». Деятельность российского руководства в первые два месяца после выступления ГКЧП трактуется как «паралич, пугающая пассивность российских органов власти»[2] или же не рассматривается вовсе, а позиция И.С. Силаева (а вместе с ним М.С. Горбачева и Г.А. Явлинского) характеризуется как направленная на сохранение «рудиментов союзного государства»[3].

Такая позиция сталкивается с критикой экономистов самых различных направлений: приверженцев модели социалистического развития (А.И. Колганов, А.В. Бузгалин и др.)[4], экономистов либерального толка, которые, не отрицая правильности цели рыночной реформы, ставят под сомнение ее методы и результаты (Г.А. Явлинский, Н.Я. Петраков[5] и др.), сторонников усиления роли государства в условиях рынка (Л.И. Абалкин, С.Ю. Глазьев и др.)[6]. В работах критиков можно найти различные концепции причин экономического кризиса и степени его остроты, альтернативные пути его преодоления, разное виденье развития страны в целом, что формирует

---

[1] *Гайдар Е.Т.* Дни поражений и побед. М., 1996; *Он же*: Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006; *Мау В.А.* Экономика и власть. Политическая история экономической реформы в России, 1985–1994 гг. М., 1995; *Гайдар Е.Т., Чубайс А.Б.* Развилки новейшей истории России. М., 2011; *Улюкаев А.В.* В ожидании кризиса: ход и противоречия экономических реформ в России. М., 1999.

[2] *Гайдар Е.Т.* Дни поражений и побед. С. 80.

[3] *Улюкаев А.В.* Указ. соч. С. 30.

[4] *Колганов А.И., Бузгалин А.В.* 10 мифов об СССР. 2-е изд. М., 2012; *Колганов А.И.* Путь к социализму: пройденный и непройденный. От Октябрьской революции к тупику «перестройки». 2-е изд., доп. М., 2018.

[5] *Явлинский Г.А.* Экономика России: наследство и возможности. 2-е изд. М., 1995; *Петраков Н.Я.* Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М., 1998.

[6] *Абалкин Л.И.* Зигзаги судьбы. Разочарования и надежды. М., 1996; *Глазьев С.Ю.* Геноцид. М., 1998.

существенный вклад в изучение экономики позднего СССР и опыта ее реформирования.

Однако полемический характер большинства критических работ предопределяет предмет их исследования, который практически никак не затрагивает антикризисную политику правительства до начала радикальных экономических реформ. Похожая ситуация наблюдается и в трудах, написанных учеными-историками: например, по мнению Р.Г. Пихои, «Первый месяц после путча, следует признать, был потерян. … В октябре начала формироваться новая управленческая структура России … главой Правительства стал президент Ельцин»[7]. Наиболее подробный анализ событий осени 1991 г. содержится в докторской диссертации А.С. Барсенкова[8], но фокус внимания автора направлен на политические преобразования и борьбу в окружении Б.Н. Ельцина, на причины отставки И.С. Силаева и части его правительства.

По оценкам большинства ученых как либерального, так и нелиберального лагеря экономический кризис в СССР к лету 1991 г. приобретал лавинообразный характер и угрожал масштабными социальными потрясениями, предотвращать которые в августе–сентябре пришлось российскому правительству, издавшему за этот период около сотни постановлений и проведшему 7 заседаний, содержание которых никак не изучено. Всё это позволяет заключить, что поставленная проблема не получила должного рассмотрения в научной литературе.

Поражение ГКЧП в августе 1991 г. не изменило формального статуса Совета Министров РСФСР, что не позволяло ему претендовать на единовластие в деле преодоления кризиса всей союзной экономики. Однако географическое положение России, ее влияние в политической, экономической и других сферах жизнедеятельности СССР предопределило исключительный масштаб роли ее руководства в сдерживании кризиса союзной экономики в условиях демонтажа союзных структур управления.

Изучение антикризисной политики в социально-экономической сфере, разработки проектов реформирования экономики и реорганизации системы управления в условиях острых внешних и внутренних противоречий позволяет раскрыть существенные тенденции формирования современного российского государства. Этот

---

[7] *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 2000. С. 615.

[8] *Барсенков А.С.* Реформы Горбачева и судьба союзного государства, 1985–1991 г.г. Дисс. … докт. ист. наук. М., 2001.

исторический опыт представляется особенно ценным в условиях сохранившихся противоречий на постсоветском пространстве и конкуренции взглядов на дальнейшее развитие страны.

После провала выступления ГКЧП в Советском Союзе сложились уникальные условия, которые глава Совета Министров РСФСР И.С. Силаев 29 августа охарактеризовал как «новый период, когда Центра … сегодня нет»[9]. Разгон союзного Совмина, который был заменен Комитетом по оперативному управлению народным хозяйством в переходный период, возглавляемым тем же Силаевым и составленным не из министров, а из представителей союзных республик, а также поражение общесоюзных элит в целом привели к тому, что разработка мер по преодолению наиболее острых проблем страны полностью легла на плечи руководства республик. Существенную роль в этом процессе играл Совмин РСФСР, что обуславливалось множеством факторов, среди которых можно выделить общий экономический потенциал и контроль союзной столицы, в которой были расположены важнейшие элементы системы управления СССР.

Преодоление экономического кризиса требовало от Совмина РСФСР одновременного разрешения двух групп проблем:

1. Развитие кризисных явлений в Советском Союзе привело страну к катастрофическому положению в сфере обеспечения населения продовольствием и товарами первой необходимости, нарастал дефицит энергоресурсов и транспорта для грузоперевозок, в связи с чем необходимо было выработать экстренные меры по исправлению ситуации.

2. В отсутствие центра разработкой, реализацией и координацией рыночных реформ должны были заниматься республиканские правительства и новообразованные межреспубликанские органы управления.

Существенной проблемой на пути выхода из кризиса и проведения экономических реформ являлись противоречия между республиками (и между республиканским и федеральным уровнем в России) в сфере распределения сократившейся ресурсной базы, которые ранее преодолевались административными способами. Рост суверенитета республик сопутствовал постепенному распаду единого народнохозяйственного комплекса СССР по территориальному принципу, а на смену директивным указаниям из центра пришли межреспубликанские соглашения.

---

[9] ГАРФ Ф. А-259. Оп. 1. Д. 5337. Л. 26.

С другой стороны, последствия неудачного выступления ГКЧП предоставили российскому правительству контроль над дополнительными ресурсами и инструментами, которые ранее были доступны Кабинету Министров СССР. Совмин РСФСР оказался даже в более выгодном положении, так как мог сам решать, в какой степени его политика должна учитывать интересы остальных республик и Союза в целом.

Политика правительства, нацеленная на преодоление кризисных явлений в союзной экономике с опорой на межреспубликанские соглашения в вопросах товарообмена и координации реформ экономики и союзной системы управления, продолжалась вплоть до смены состава Совета Министров РСФСР и его реорганизации в Правительство РСФСР 6 ноября 1991 г., главой которого с целью проведения радикальных экономических реформ, разработанных и в дальнейшем самостоятельно реализованных в России, стал Президент Б.Н. Ельцин[10].

Общая характеристика Совмина РСФСР. Совет Министров РСФСР в августе–октябре 1991 г. действовал на основании Указа Президента РСФСР от 16 августа того же года[11], в котором определялась его структура, функции, организация работы. Президент в России был избран в июне, а уже 10 июля победивший на выборах Б.Н. Ельцин принес присягу и вступил в должность. Рост политического веса лидера республики вел и к усилению его основного инструмента управления — правительства, над которым президент формально имел полный контроль. В частности, он мог вести его заседания по своему усмотрению[12], а председатель Совета Министров нес перед ним ответственность за исполнение решений правительства[13].

Совет Министров должен был принимать решения коллегиально: большинством голосов в присутствии более половины от общего числа министров[14]. В этой части Указ на практике не исполнялся: под руководством И.С. Силаева в период с 19 августа и до его отставки

---

[10] Указ Президента РСФСР «Об организации работы Правительства РСФСР в условиях экономической реформы» от 06.11.1991, № 172 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 07.11.1991. № 45. С. 1800–1803.

[11] Указ Президента РСФСР «О некоторых вопросах организации работы Совета Министров РСФСР» от 16 августа 1991 г. № 58 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 22.08.1991. № 34. С. 1407.

[12] Там же. П. 3

[13] Там же. П. 5.

[14] Там же. П. 3.

26 сентября[15] на заседаниях никаких голосований не проводилось[16]. Ельцин на этих заседаниях также не присутствовал, а все принятые за этот период постановления подписаны либо председателем, либо первым заместителем председателя О.И. Лобовым[17]. Это позволяет говорить о том, что, несмотря на формальную коллегиальность и подчиненность президенту, работа Совета Министров, фактически, определялась в этот период лично И.С. Силаевым и ближайшей к нему группы лиц, что делало его центральной фигурой проводимой правительством России внутренней политики.

Преодоление дефицита продовольствия. Экономика Советского Союза до «перестройки» представляла собой единый хозяйственный комплекс, распределение ресурсов в котором контролировалось из центральных партийных и государственных органов. Процессы политической суверенизации в 1990–1991 гг. и экономический кризис привели к тому, что региональное руководство получило возможность самостоятельно распоряжаться произведенной продукцией. Партийно-административный механизм распределения сменился на межреспубликанский, а затем и межгосударственный, где обмен ресурсов происходил на основе двухсторонних, зачастую, бартерных сделок.

В этом смысле весьма показательно обсуждение на заседании правительства 29 августа проблемы обеспечения Крайнего Севера, поставки в который за август были выполнены только на 60%, имела место критичная нехватка масла, мяса, сахара и пр.[18] По словам председателя Государственного комитета РСФСР по социально-экономическому развитию Севера Е.Б. Комарова, «Свои обязательства ни одна республика не выполняет. У нас на Севере, если таким образом пойдет дело, не будет продукции вообще». Озвучивается информация, согласно которой республики хотят перейти на бартерные отношения, например, Украина предлагает поставлять вагон сахара за 10–11 вагонов леса[19]. В ответ на это первый зампред О.И. Лобов предлагает предупредить республики, что Север дает им сырье для

---

[15] Указ Президента РСФСР «Об освобождении Силаева И.С. от исполнения обязанностей Председателя Совета Министров РСФСР» от 26 сентября 1991 г. № 132 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 03.10.1991. № 40. С. 1548.

[16] Стенограммы заседаний Совета Министров РСФСР за 1991 г. Т. 6–9 // ГАРФ Ф. А259. Оп. 1. Д. 5337–5340.

[17] Постановления Совета Министров РСФСР №№ 401–523 за 1991 г. // ГАРФ. Ф. А259. Оп. 1. Д. 5312–5313.

[18] Стенограмма заседания Совета Министров РСФСР 29 августа 1991 г. // ГАРФ. Ф. А259. Оп. 1. Д. 5337. Л. 31.

[19] Там же.

ювелирной и электронной промышленности и поэтому «выкупает продукцию, которую должен получать»[20]. По Украине решили предложить свою формулу: «кубометр газа — кубометр сахара»[21]. В конце сентября продовольственные потребности Севера были обеспечены перераспределением, в частности туда были направлены два парохода с сахаром, предназначавшимся Узбекистану[22].

В зависимости от отношений России с другими республиками оказались и некоторые крупные города: по информации министра сельского хозяйства и продовольствия РСФСР Г.В. Кулика, 90% потребностей Москвы покрывались межреспубликанскими поставками[23]. По его же словам, соглашение с республиками о продолжении поставок на зиму и 1992 г. было заключено, но детали сделок и степень их выполняемости неизвестна.

Помимо обмена товаров, Совет Министров использовал еще три наиболее существенные экстренные меры по преодолению угрозы голода в стране: привлечение ресурсов армии и оборонной промышленности и импорт.

Армия Советского Союза в 1991 г. в значительной степени утратила боеспособность из-за последствий распада Варшавского блока, суверенизации республик и национального дезертирства, сокращения вооружений и общей деморализации, но она продолжала являться кладезем трудовых и материально-технических ресурсов, в том числе транспортных, которые можно было использовать для купирования последствий кризиса. Новое отношение к армии выразил И.С. Силаев на заседании по проблемам сельского хозяйства 13 сентября: «Сделайте расчет, чтобы на будущее знала армия: приходит сезон — наступает ее работа. … это должно быть частью их боевой подготовки на картофельных полях»[24]. Причем использование армии на уборке урожая под Москвой, по оценке Г.В. Кулика, оказалась более чем результативным: выработка при ручной уборке на одного солдата оказалась в 8 раз выше, чем на работника из числа ежедневно привозимых из Москвы, что позволяло справиться с задачей уборки корнеплодов к концу месяца, чего «вообще никогда не было за все предыдущие годы»[25].

---

[20] Там же. Л. 32.

[21] Там же. Л. 38.

[22] Стенограмма заседания Совета Министров РСФСР 23 сентября 1991 г. // ГАРФ Ф. А259. Оп. 1. Д. 5340. Л. 143–145.

[23] Там же. Л. 135–139.

[24] Стенограмма заседания Совета Министров РСФСР 13 сентября 1991 г. // ГАРФ Ф. А259. Оп. 1. Д. 5339. Л. 21.

[25] Там же. Л. 4–5.

Ресурсы армии предполагалось использовать и для стимулирования идущей аграрной реформы, основной целью которой являлось развитие фермерских хозяйств. Законодательная база под эту меру уже была готова: еще в июне 1991 г. было принято постановление об использовании в целях развития фермерства высвобождающихся из-за сокращений вооруженных сил СССР техники и оборудования, которые предполагалось реализовывать среди фермеров через структуры АККОР[26] (созданная в январе 1990 г. общественная организация, объединяющая фермеров и сельскохозяйственные кооперативы). Новые политические условия расширяли возможности по исполнению этого постановления. Но, несмотря на все усилия по развитию и поддержке фермерства, в пользование индивидуального хозяйства по России, по данным председателя Государственного комитета РСФСР по земельной реформе и поддержке крестьянских (фермерских) хозяйств В.Н. Хлыстуна, было передано лишь 0,74% общего фонда сельскохозяйственных угодий[27]. Помимо этого, армейские запасы предполагалось задействовать для снижения дефицита энергоресурсов.

К сентябрю 1991 г. общий экономический спад привел к тому, что возможности страны по обеспечению импорта значительно сократились. В некоторых случаях удавалось наладить поставки через бартерные сделки: к примеру, в Китае закупался картофель в обмен на удобрения, металлоконструкции и т.д.[28], но с западными странами подобное решение было невозможно. Продолжение поставок могло обеспечиваться за счет частных банковских или государственных кредитов, что требовало налаженной работы и авторитетного руководства союзных банковских организаций, поэтому освобожденные со своих должностей после поражения ГКЧП глава Госбанка СССР В.В. Геращенко и глава Внешэкономбанка СССР Ю.С. Московский были вскоре возвращены[29].

Для достижения договоренностей о выдаче кредитов организовывались также делегации в составе членов правительства и других лиц, участие которых считалось целесообразным. Такие посольства могли преследовать и более широкие цели, например поднятая на

---

[26] Постановление Совета Министров РСФСР «О дополнительных мерах по развитию крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов в РСФСР» от 14 июня 1991 г. № 331. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102011736&rdk=0 (дата обращения: 17.12.2017).

[27] Стенограмма заседания Совета Министров РСФСР 13 сентября 1991 г. // ГАРФ Ф. А259. Оп. 1. Д. 5339. Л. 26.

[28] Там же. Л. 17.

[29] Путчисты возвращаются // Независимая газета. 31.08.1991. № 102.

заседании Совета Министров 30 августа тема будущей встречи делегации под руководством министра экономики и заместителя председателя Совета Министров Е.Ф. Сабурова с Европейским банком включала в себя и задачи привлечения технической помощи, специалистов, консультаций по разработке экономических программ[30].

Была еще одна немаловажная цель личных встреч с западными кредиторами: помощь западных стран могла идти как в союзные структуры (а уже оттуда распределяться по республикам), так и в республики напрямую, поэтому руководству РСФСР необходимо было убедить своих визави в том, что второй путь предпочтительнее. Министр иностранных дел А.В. Козырев на заседании 23 сентября описывал эту ситуацию следующим образом: «Запад говорил, что будет оказывать помощь только союзу, правда теперь поменял тональность, потому что начинают понимать, что это не удастся»[31].

Результат политики правительства И.С. Силаева в сфере преодоления дефицита продовольствия и товаров первой необходимости оказался двояким: Россия не свалилась в массовый голод, замерзание населения и возможные из-за этого массовые народные выступления, но и не устранила эту угрозу, продолжив движение по краю пропасти.

Экономическая реформа. К началу 1991 г. построение рыночной экономики как союзное, так и российское руководство считало необходимым условием для выхода из кризиса и дальнейшего развития. Тем не менее, центр затягивал с проведением реформы по множеству причин, среди которых можно выделить высокие риски социальных катаклизмов, неопределенную роль центра в будущей системе управления, сложности координации проведения преобразований в условиях автономизации республик и пр. После августовских событий республики могли уже самостоятельно выбирать собственную программу реформирования экономики. Таких программ было несколько, но ни одна из них не была согласована и доработана Советом Министров РСФСР.

Деятельность Совета Министров в этой сфере определялась соответствующим Указом Президента, согласно которому первым направлением работы правительства было «построение динамичной модели рыночной экономики на основе осуществления радикальной

---

[30] Стенограмма заседания Совета Министров РСФСР 30 августа 1991 г. // ГАРФ Ф. А259. Оп. 1 Д. 5337. Л. 116.

[31] Стенограмма заседания Совета Министров РСФСР 23 сентября 1991 г. // ГАРФ Ф. А259. Оп. 1. Д. 5340. Л. 20.

экономической реформы», для чего необходимо, в том числе, «совершенствование и демократизация государственного управления»[32].

Несмотря на это, Силаев медлил как с проведением реформы, так и с «демократизацией» государственного управления, и на то были причины, в первую очередь, связанные с проблемами снабжения. Дефицит продовольствия, тепла, реагентов для очистки воды в городских системах водоснабжения и многое другое — всё это требовало сохранения контроля над производством и распределением благ. «Мы не знаем, должны ли мы сейчас делать корпорацию, чтобы пережить зиму и не вызвать гражданскую войну, или сразу надо делать полностью самостоятельные предприятия, акционерные компании»[33], — так председатель Совета Министров РСФСР описал свое виденье ситуации на заседании 23 сентября. Помимо этого, для полноценного проведения реформы необходимо было переподчинить себе союзные структуры, что требовало определенного времени для решения организационных вопросов и преодоления сопротивления этих структур.

Существовал также аспект межреспубликанских отношений. Сохранение оставшихся производственных связей и обеспечение межреспубликанских поставок продукции координировалось через государственные органы управления различных уровней. Приватизация предприятий и ликвидация соответствующих структур управления, что в той или иной степени предусматривалось некоторыми концепциями радикальных экономических реформ, особенно проводимые без координации с остальными республиками, могли бы обрушить немногие оставшиеся каналы обмена товаров. По мнению И.С. Силаева, «если сейчас порвем связи, зиму не переживем»[34]. Министр экономики РСФСР Е.Ф. Сабуров указывал и на возможные последствия некоторых реформаторских мер в аспекте межэтнических отношений: монополизация эмиссии и «денежная стабилизация» могут привести к немедленному обрушению экономик среднеазиатских республик и массовым этническим чисткам русского населения[35].

Имелся и политический аспект проблемы. Будущее Союза в сентябре было неопределенным, но формально руководство союзных и

---

[32] Указ Президента РСФСР «О роли Совета Министров РСФСР в системе исполнительной власти Российской Федерации» от 11 сентября 1991 г. № 112. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР от 12.09.1991. № 37. С. 1462–1464.

[33] Стенограмма заседания Совета Министров РСФСР от 23 сентября 1991 г. // ГАРФ. Ф. А259. Оп. 1. Д. 5340. Л. 29.

[34] Там же. Л. 30.

[35] Там же. Л. 140–143.

бывших автономных республик продолжало в рамках Государственного Совета работать над проектом нового Союзного договора. По множеству вопросов достичь единства в рамках этого процесса не удалось, но большинство республик сходилось на том, что объединяющая и координирующая структура в сфере экономики должна сохраниться, для чего на переходный период предусматривалось создание Межреспубликанского экономического комитета[36]. Однако самостоятельное, несогласованное проведение радикальной рыночной реформы в пределах одной республики, тем более, в пределах одной России, лишало всякого смысла ее членство в общесоюзном координирующем экономическом органе. Поэтому решение о проведении экономической реформы в стране было неотделимо от решения о существовании Союза в целом.

Нельзя сказать, что Совет Министров ничего не делал для разработки собственной программы построения рыночной модели экономики. С этой целью правительство подготавливало создание Министерства экономики, своеобразный аналог Госплана СССР в условиях рынка: оно должно было заниматься разработкой экономической реформы и организацией ее проведения, созданием экономических связей, анализом и прогнозированием экономических процессов, созданием экономических условий для приватизации, формированием принципов экономической деятельности управленческих структур и пр.[37] Форма работы будущего министерства — это подготовка материалов, проектов, концепций, прогнозов, госпрограмм, актов и пр. для Совета Министров РСФСР.

Идея состояла в том, что проводить комплексное и всеобъемлющее преобразование в рамках отдельных министерств при их координации в рамках Совета Министров невозможно, необходима крупная структура, которая должна была интегрировать в себе информацию о ситуации во всех министерствах и в экономике в целом, и уже на этой основе выдвигать предложения по программе реформы. На Министерство экономики была возложена также функция подготовки межгосударственных и межреспубликанских экономических соглашений и договоров, что упрощало для министерств разных направлений контакты и соглашения с несовпадающими по профилю структурными отделениями зарубежных правительств. Но основной

---

[36] Закон СССР «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период» от 5 сентября 1991 г. № 2392-I // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР от 11 сентября 1991 г. № 37. С. 1487.

[37] Дело «Об установлении функций Министерства экономики РСФСР» 12 сентября — 17 октября // ГАРФ Ф. А259. Оп. 49. Д. 3045. Л. 10–12.

задачей нового министерства, по мнению авторов проекта, должно было стать проведение экономической реформы[38].

Первый проект будущего Министерства экономики был представлен Е.Ф. Сабуровым и Л.А. Запальским еще 30 августа, но он вызвал бурную критику со стороны других членов правительства, так как предполагал вмешательство Министерства экономики в их деятельность, сохраняя за ними ответственность. Серьезные возражения вызвала и заявленная численность новой структуры в 1800 человек, тогда как, к примеру, Министерство промышленности имело в своем составе всего 300 человек[39]. Проект был отправлен на доработку с учетом мнения некоторых членов правительства, а в окончательной редакции был принят постановлением Совмина только 17 октября 1991 г.[40], причем последний пункт этого постановления поручал «Министерству экономики РСФСР по согласованию с Министерством юстиции РСФСР в 3-месячный срок представить в Совет Министров РСФСР проект положения о Министерстве»[41]. Таким образом, структура, которая отвечала за разработку и проведение программы экономических реформ, должна была окончательно сформироваться только к началу 1992 г., после чего за неопределенное время разработать саму программу.

Такой подход, с одной стороны, представляется оправданным в том отношении, что масштабное преобразование как экономических основ жизни общества, так и всей системы управления требует основательной проработки, детального согласования и комплексного планирования, уже не говоря о ресурсах: кадровых, материальных, финансовых. Необходимо было установить контроль и над союзными предприятиями и организациями на территории республики, что также требовало времени, организационных усилий и политической воли.

Предприятия и организации союзного подчинения — это наиболее крупные, стратегически важные части народнохозяйственного комплекса СССР. Без контроля над ними в значительной степени утрачивался смысл приватизационных мероприятий российского правительства, а значит, заведомо отвергались те альтернативы рыночной реформы, которые предполагали проведение приватизации перед освобождением цен. За программу приватизации в

---

[38] Стенограмма заседания Совета Министров РСФСР 30 августа 1991 г. // ГАРФ Ф. А259. Оп. 1 Д. 5337. Л. 53.

[39] Там же. Л. 65.

[40] Постановление Совета Министров РСФСР «Вопросы Министерства экономики РСФСР» от 17 октября 1991 г. № 554. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102012766&rdk=0 (дата обращения: 18.12.2017).

[41] Там же. П. 10.

российском правительстве отвечал заместитель председателя Совета Министров РСФСР и председатель Государственного комитета РСФСР по управлению государственным имуществом М.Д. Малей, он же участвовал совместно с другими членами правительства в переговорах по переводу союзных предприятий в республиканское подчинение[42].

Мало было поглотить союзную собственность, необходимо было разграничить государственную федеральную собственность, собственность автономных республик, краев, областей и муниципалитетов, а также провести ее оценку[43]. Последнее предполагалось сделать на основе балансовой стоимости, которая, по признанию самого М.Д. Малея, была искусственным, надуманным параметром и могла на порядок отличаться от реальной стоимости предприятия при оценке западными фирмами. Так как невозможно было привлечь зарубежных экспертов к оценке каждого предприятия, предполагалось к балансовой стоимости добавить размер ожидаемой выгоды, которую предстояло ещё как-то подсчитать[44]. Для проведения описанных мероприятий, предваряющих программу приватизации, требовалось немало времени.

С другой стороны, проволочки приводили к тому, что в условиях дезорганизации управления в целом, снижения контроля над народным хозяйством и при уже существующих механизмах приватизации рыночная реформа шла сама, стихийно в рамках «номенклатурной приватизации» и расцвета теневого рынка, где цены давно уже не регулировались государством.

Под угрозой неконтролируемой приватизации оказывались не только заводы или магазины, по информации Министра культуры РСФСР Ю.М. Соломина, «... мы можем оказаться в самом плачевном положении, потому что в Министерстве культуры находятся наши российские национальные музеи, театры и т. д. И если все это отдать им на свободную организацию, в ассоциации и т. д., то лишимся мы Большого театра, мы лишимся консерватории, театров и т. д. ... »[45]

Таким образом, задержка с реформами могла привести к тому, что к моменту разработки окончательного проекта реформировать

---

[42] Стенограмма заседания Совета Министров РСФСР 29 августа 1991 г. // ГАРФ Ф. А259. Оп. 1 Д. 5337. Л. 92–93.

[43] Из интервью М.Д. Малея в статье «Россия в долларах стоит в 5 раз дороже, чем в рублях. Кто сидит на мешке с соломой, а кто — на мешке с алмазами» (Аргументы и факты. 03.10.1991. № 39).

[44] Там же.

[45] Стенограмма заседания Совета Министров РСФСР 29 августа 1991 г. // ГАРФ Ф. А259. Оп. 1 Д. 5337. Л. 89.

было бы уже нечего, а рынок жил бы по своим правилам, выработанным в результате «стихийных» процессов и закономерностей. Контроль над этими процессами требовал создания полноценных институтов государственного управления, дееспособных в новых условиях, но на это также требовалось время.

Заключение. В августе–сентябре Совет министров РСФСР получил в свое распоряжение механизмы управления, которые давали ему возможность стать полноценным, т.е., в целом, независимым в своих решениях и в их реализации от центральных властей. До этого, по выражению своего председателя, «Правительство занималось тем, что оно было»[46]. Но одновременно с ростом возможностей усложнились и задачи: борьба центра и республик вела к усугублению экономического кризиса, который получил дополнительный импульс после августовских событий из-за ликвидации партийных структур и роста суверенитета республик.

При решении наиболее острых проблем, порождаемых экономическим кризисом, российское правительство столкнулось с возрастающим сопротивлением республик, которые стремились решить аналогичные проблемы за счет других через пересмотр условий поставок или их полную отмену. Вскоре этот метод взяла на вооружение и РСФСР.

Для союзной экономики в целом это означало распад единого экономического пространства, которое подрывалось также деградацией товарно-денежных отношений из-за обрушения национальной валюты и дестабилизации финансовой сферы в ходе бесконтрольной децентрализованной эмиссии. В частности, рост объема наличности в начале ноября в России был ограничен исключительно мощностями печатных станков[47].

В качестве основных мер преодоления дефицита продовольствия Совмин РСФСР использовал возможности Советской армии для уборки урожая, занимался организацией каналов перекачки материально-технических и топливно-энергетических ресурсов из оборонного сектора в гражданский с попутным сокращением финансирования, заключал межреспубликанские бартерные сделки, перераспределял продукцию для поставок в союзные республики в собственных нуждах и различными способами стремился обеспечить импорт.

---

[46] Стенограмма заседания Совета Министров РСФСР 23 сентября 1991 г. // ГАРФ Ф. А259. Оп. 1 Д. 5340. Л. 2.

[47] Из выступления председателя Центрального Банка РСФСР на Съезде народных депутатов РСФСР 1 ноября 1991 г. // ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 119. С. 129–131.

Результативность этих мер оценить сложно: зимой 1991–1992 гг. Россия избежала голода и гражданской войны, угрозой которых пришедшее в начале ноября правительство Ельцина–Гайдара мотивировало либерализацию цен[48]. Но спасли ли страну свободные цены или же отложенные последствия антикризисной политики правительства Силаева? Как минимум, отсутствие коллапса к ноябрю — это прямая заслуга силаевского Совмина.

С реформированием экономики Совет министров запаздывал, слишком много времени ушло на борьбу союзных и республиканских структур, основная часть мероприятий планировалась уже на 1992 г. Политика правительства была направлена на создание организационных предпосылок в виде приема, учета и оценки собственности, предполагавшейся к приватизации, что стало возможным после поражения центра, а также в виде создания интегративного органа разработки реформ в виде Министерства экономики. Глава его, Е.Ф. Сабуров, возглавил правительственную группу по подготовке реформы, которая не предполагала «шоковой терапии» и опиралась на иные принципы, требовавшие более тесного взаимодействия с республиками. Но, по мнению экономиста Е.Ш. Гонтмахера, работавшего в 1990-е гг. в правительстве и администрации президента, такой подход показался Б.Н. Ельцину слишком медленным[49].

Ориентация на межреспубликанское взаимодействие и координацию, с которой далеко не все были согласны, позволяет характеризовать политику Совета министров как попытку спасения союзной, а не только российской экономики. Его деятельность в августе–сентябре была разнообразной и бурной, но весьма запоздавшей.

Представление о российском правительстве в указанный период как о парализованном или даже как о «пустом месте» представляется глубоко ошибочным. Наоборот, в условиях неопределенности формы будущего экономического и политического взаимодействия союзных республик Совмин пытался создать условия для реализации различных вариантов реформирования экономики. Экономическая политика Правительства РСФСР в изучаемый период и его проекты содержат в себе одну из нереализованных исторических альтернатив развития Советского Союза и России.

---

[48] *Гайдар Е.Т.* Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб., 2009.

[49] *Гонтмахер Е.Ш.* Сабуров и Гайдар — судьба реформаторов // Эхо Москвы, 18 декабря 2009. — URL: https://echo.msk.ru/blog/gontmaher/642141-echo/ (дата обращения: 14.03.2018).

References

Abalkin L.I. *Zigzagi sud'by. Razocharovaniya i nadezhdy* [Zigzags of Fate. Disillusionment and Hopes]. Moscow: Institut ekonomiki RAN, 1996. 289 p.

Barsenkov A.S. *Reformy Gorbacheva i sud'ba soyuznogo gosudarstva, 1985–1991 gg. Diss.… doktora istoricheskikh nauk* [Gorbachev's Reforms and Destiny of the Union State, 1985–1991. Diss. for Doctor Degree in History]. Moscow: MGU, 2001. 363 p.

Gaydar E.T. *Vlast' i sobstvennost': Smuty i instituty. Gosudarstvo i evolyutsiya* [Power and Property: Troubles and Institutions. State and Evolution]. St. Petersburg: Norma, 2009. 336 s.

Gaydar E.T. *Gibel' imperii. Uroki dlya sovremennoy Rossii* [Collapse of Empire. Lessons for Modern Russia]. Moscow: ROSSPEN, 2006. 250 p.

Gaydar E.T. *Dni porazheniy i pobed* [Days of Defeat and Victory]. Moscow: Vargius, 1996. 365 p.

Gaydar E.T., Chubays A.B. *Razvilki noveyshey istorii Rossii* [Crossroads in Modern Russian History]. Moscow: OGI, 2011. 168 p.

Glaz'yev S.Yu. *Genotsid* [Genocide]. Moscow: Terra, 1998. 320 p.

Gontmakher E.Sh. *Saburov i Gaydar — sud'ba reformatorov* [Saburov and Gaidar — the fate of the reformers]. — URL: http://echo.msk.ru/blog/gontmaher/642141-echo/

Kolganov A.I. *Put' k sotsializmu: proydennyy i neproydennyy. Ot Oktyabr'skoy revolyutsii k tupiku "perestroyki"* [The Path to Socialism: Passed and Not Passed. From the October Revolution to the Impasse of "Perestroika"]. 2nd ed., ext. Moscow: Lenand, 2018. 398 p.

Kolganov A.I., Buzgalin A.V. *10 mifov ob SSSR* [10 Myths about the USSR]. 2nd ed. Moscow: Eksmo, 2012. 512 p.

Mau V.A. *Ekonomika i vlast'. Politicheskaya istoriya ekonomicheskoy reformy v Rossii, 1985–1994 gg.* [Economics and Power. A Political History of Economic Reform in Russia, 1985–1994]. Moscow: Delo, 1995. 111 p.

Petrakov N.Ya. *Russkaya ruletka. Ekonomicheskiy eksperiment tsenoyu 150 millionov zhizney* [Russian Roulette. An Economic Experiment at the Cost of 150 Million Lives]. Moscow: Ekonomika, 1998. 286 p.

Pikhoya R.G. *Sovetskiy Soyuz: istoriya vlasti. 1945–1991* [The Soviet Union: A History of Power. 1945–1991]. 2nd ed., rev. and ext. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 2000. 680 p.

Ulyukayev A.V. *V ozhidanii krizisa: khod i protivorechiya ekonomicheskikh reform v Rossii* [Waiting for the Crisis: Implementation and Contradictions of Economic Reforms in Russia]. Moscow: Strelets, 1999. 208 p.

Yavlinsky G.A. *Ekonomika Rossii: nasledstvo i vozmozhnosti* [Russian Economy: Inheritance and Opportunities]. 2nd ed. Moscow: EPItsentr, 1995. 141 p.

Поступила в редакцию
13 июня 2018 г.

Ли Ву Соп*

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ ХУННУ В РОССИИ, ЮЖНОЙ КОРЕЕ, КИТАЕ И МОНГОЛИИ (ОСНОВНЫЕ ВЕХИ)

Lee Woo Seop

HISTORY OF THE XIONGNU ANIMAL STYLE STUDY IN RUSSIA, SOUTH KOREA, CHINA, MONGOLIA (MAJOR MILESTONES)

Аннотация. Империя хунну занимала обширную территорию от гор западного Тянь-Шаня на западе до реки Ляохэ на востоке и от Забайкалья на севере до Северного Китая на юге (до Великой Китайской стены). В этнокультурном отношении они играли важную связующую роль между Западом и Востоком Евразийского континента. Статья посвящена актуальной проблеме — анализу и подведению итогов развития историографии звериного стиля у народа хунну, созданной исследователями из России, Китая, Монголии и Южной Кореи. Автор рассматривает работы, в которых затрагиваются вопросы искусства кочевников в III в. до н.э. — II в. н.э., и на основе этого обозначает проблемные аспекты и будущие задачи в изучении данной темы. Звериный стиль кочевников эпохи раннего железа как художественное направление в целом изучен довольно подробно, однако исследователи, как представляется, уделяли недостаточно внимание прикладному искусству народов раннего железного века Забайкалья, и хунну в частности. Об искусстве хунну известно в основном по археологическим материалам, а именно по находкам предметов, украшенных в своеобразном зверином стиле, отличном от предшествующего знаменитого скифо-сибирского звериного стиля. За прошедшие десятилетия ни одной из научных школ не было проведено обобщающего исследования звериного стиля хунну, эта тема, как правило, оставалась побочной при рассмотрении памятников или предметов материальной культуры. В данной статье определяются основные тенденции в изучении искусства кочевников этого региона на рубеже сменяющихся эпох, что необходимо для будущего исследования процесса развития звериного стиля хунну, выявления его местных особенностей,

* *Ли Ву Соп*, аспирант кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Lee Woo Seop, PhD Student, Department of Archaeology, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University

+7-925-062-29-68; wooseop@mail.ru

разработки классификации и уточнения датировок. Также, выработанные методы могут быть применены для исследования искусства других степных народов Забайкалья и Монголии. Таким образом, к настоящему времени подготовлен фундамент для всестороннего и систематического изучения звериного стиля хунну, которое имеет большие перспективы.

Ключевые слова: хунну, скифы, искусство кочевников, звериный стиль, эпоха раннего железа, сяньбэй.

Abstract. The Xiongnu Empire occupied a vast territory from the mountains of the Western Tien Shan in the west to the Liaohe River in the east, and from Transbaikalia in the north to northern China in the south (to the Great Wall). Ethnoculturally, the Xiongnu people played an important bridging role between the West and the East on the Eurasian continent. The article dwells on the topical problem — analysis and recapitulation of the historiography of Xiongnu animal style, penned by scholars from Russia, China, Mongolia, and South Korea. The author analyzes the works which discuss the topics about the art of the nomads who lived in this region in the 3d century B.C.E. — 2nd century C.E. and on this basis identifies the problematic issues and future challenges in the study of this issue. The animal style of nomads of the early Iron Age has been extensively studied as a form of art. However, it seems that the scholars did not pay enough attention to the decorative art of the Iron Age peoples of the Transbaikal region and to the Xiongnu people in particular. Xiongnu art is known mainly through the archaeological data, i.e. through artifacts decorated in a peculiar animal style, different from the previous famous Scytho-Siberian animal style. Over the past decades, none of the academic schools has conducted a generalizing study of the Xiongnu animal style. As a rule, this topic remained peripheral while cultural objects or artefacts were considered. This article identifies the main trends in studying the art of the nomads of this region at the turning of eras, which is necessary for future research on the evolution of the Xiongnu animal style, identification of its local characteristics, production of classification and clarification of dates. Also, the resulting methods can be applied to the study of art of other steppe peoples of Mongolia and Transbaikal region. Thus, a foundation for the comprehensive and systematic study of the Xiongnu animal style has been prepared and the study of this topic carries strong potential.

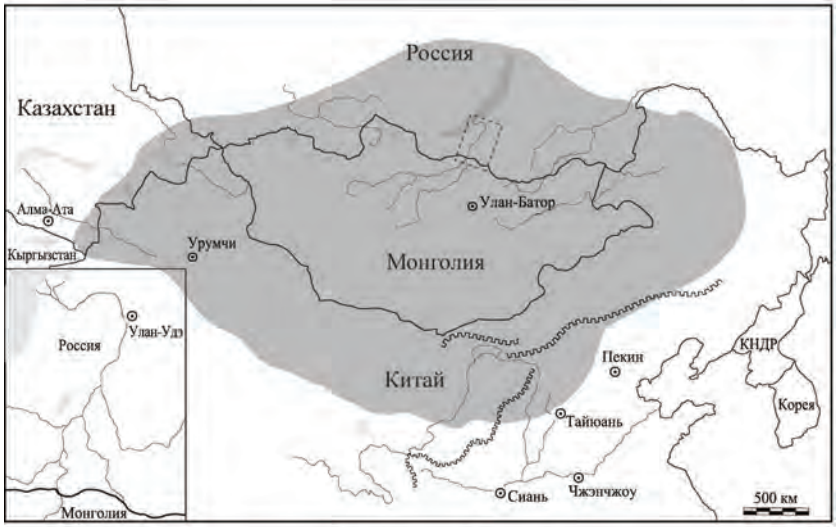
Keywords: Xiongnu, Scythians, art of the nomads, animal style, early Iron Age, Xianbei.

* * *

Хунну — древний кочевой народ, населявший степи к северу от Китая с конца III века до н.э. по II век н.э. В ходе многолетних активных войн с империей Хань, подчинив соседние кочевые племена, хунну консолидировались в единую державу, способную конкурировать с китайским государством. В этнокультурном отношении они играли важную связующую роль между Западом и Востоком

Евразийского континента благодаря характерной для степных народов высокой мобильности, которую обеспечивала в первую очередь мощная конница.

Поскольку территория хунну отличается от области исторических записей и археологических памятников, трудно определить четкие границы их расселения. Согласно археологическим материалам и историческим записям, империя хунну занимала обширную территорию от гор западного Тянь-Шаня на западе до реки Ляохэ на востоке и от Забайкалья на севере до Северного Китая на юге (до Великой Китайской стены). И иногда в южной провинции Китая (Нинся-Хуэйский автономный район, провинция Ляонин, Шаньси) также встречаются хуннские памятники ханьского периода. С нынешней географической точки зрения, хунну проживали на территории России, Китая, Монголии, Центральной Азии и Средней Азии (см. карту).



Территория Хунну

Проблема звериного стиля у народа хунну неоднократно поднималась в исследованиях различных ученых из СССР и Российской Федерации, из Монголии, Республики Кореи и КНР, и единство этого стиля связывалось с общностью особенностей кочевой жизни и схожей экологической средой степи.

Полноценное исследование звериного стиля народа хунну началось в 1970–1980-е гг., когда советскими и китайскими иссле-

дователями наиболее активно проводились раскопки и проявился повышенный интерес к культуре Северного Китая. В начале XXI в., благодаря большому объему накопленной информации по культуре хунну, вопросы декоративного искусства носителей этой культуры неоднократно попадали в поле зрения ученых.

В отличие от изучения скифского звериного стиля, исследование звериного стиля народа хунну не было проведено детально с точки зрения стилистики, семантики, технологии и хронологии.

В данной статье рассмотрены работы наших предшественников — ученых из указанных стран, посвященные звериному стилю хунну, а также обозначены проблемные вопросы и перспективные задачи в исследовании данной темы.

Не будет преувеличением сказать, что исследование звериного стиля было активизировано начавшимися археологическими исследованиями народа хунну. В частности, большинство материалов хуннского звериного стиля происходят из хуннских могильников. Археологические исследования памятников хунну берут начало в конце XIX в. в Забайкалье, в Российской империи. В 1920-е гг. экспедицией, возглавляемой П.К. Козловым[1], были полностью раскопаны могильники Ноин-Улы и на этом памятнике найдены уникальные артефакты. Это привело к росту интереса к хуннскому звериному стилю и материалам хунну, в результате появились работы Г.П. Сосновского, А.В. Давыдовой, А.П. Окладникова, П.Б. Коновалова и т.д.

Предыстория изучения звериного стиля хунну связана с трудами М.И. Ростовцева. Еще в 1929 г. исследователь опубликовал важнейшую работу[2], переизданную впоследствии в 1993 г.[3], в которой анализировался звериный стиль Центральной и Средней Азии, России и Китая. М.И. Ростовцев в числе прочего рассматривал предметы «центральноазиатского звериного стиля»[4], среди которых были и прямоугольные бляхи в рамке, связываемые ныне рядом исследователей со стилем хунну[5]. Автор предпринял попытку проследить

---

[1] *Козлов П.К.* Северная Монголия — Ноин-улинские памятники // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л., 1925. С. 1–12.

[2] *Ростовцев М.И.* Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Прага, 1929.

[3] *Ростовцев М.И.* Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль // Петербургский Археологический вестник. 1993. № 5. ΣΚΥΘΙΚΑ. Избранные работы академика М.И. Ростовцева. С. 57–75.

[4] Там же. С. 57.

[5] В те же годы аналогичные вопросы рассматривал в своем основополагающем труде по скифо-сибирскому звериному стилю Г.И. Боровка (*Borovka G.* Scythian Art. London, 1928. P. 82–89).

культурный импульс из Китая на территорию юга России и сосредоточил свое внимание на вопросе генезиса звериного стиля этого региона и путях проникновения его из центра на периферию[6]. Хотя найти однозначные ответы на поставленные вопросы не удалось, все же были обозначены ключевые проблемы и направления изучения звериного стиля Центральной и Средней Азии, России и Китая.

Научное изучение звериного стиля хунну как феномена было начато в 1951 г. С.В. Киселевым, который в своей монографии «Древняя история Южной Сибири» рассмотрел комплекс северо- и центральноазиатских рельефных изображений на бронзовых, золотых и деревянных бляхах, разделив их на две группы[7]. В первую, более раннюю группу, он включил пластины с реалистически выполненными изображениями, умеренно орнаментированными овальными или спиральными выемками, заполненными разноцветной эмалью. Ко второй, более поздней группе, были отнесены бляхи, отличающиеся сильной стилизацией, фантастичностью форм, подчиненных исключительно орнаментальным задачам, а также характеризующихся перегруженностью мелкими миндалевидными ямками для эмалей.

В 1962 г. С.И. Руденко была предпринята первая попытка обзорного описания звериного стиля народа хунну. В своей монографии «Культура хуннов и Ноинулинские курганы» он дал общую характеристику изобразительному искусству хунну и сопоставил вещи из погребений в Ноин-Уле с материалами Ильмовой пади, Дырестуя и с Сибирской коллекцией Петра I, а также с коллекциями Лоо и Андерсона. Также он обратил особое внимание на влияние Ордосской культуры на хунну и отметил ее возможную посредническую роль в поступлении на территорию хунну произведений искусства Средней и Передней Азии[8]. В целом работы С.И. Руденко сыграли очень важную роль в изучении звериного стиля хунну.

Затем в 1970–1980-е гг. разработка данной проблемы была продолжена в работах М.И. Артамонова, А.В. Давыдовой, М.А. Дэвлет, П.Б. Коновалова и Г.А Федорова-Давыдова.

А.В. Давыдова исследовала хуннские художественные бронзы Дырестуйского могильника, где было обнаружено в общей сложности 17 бронзовых и один золотой предмет с изображениями в зверином стиле. Также А.В. Давыдова сравнивала материалы Дырестуйского

---

[6] Там же. С. 63–64.

[7] *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 270–273.

[8] *Руденко С.И.* Культура Хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962. С. 71–87.

могильника с коллекциями Лоо и Петра I, отмечая, что находки в погребальных комплексах Дырестуйского могильника имеют большое значение для определения схожих пластин из различных музейных собраний и частных коллекций. По мнению автора, стилистические особенности вещей Дырестуйского могильника позволяют, среди прочих сибирских художественных бронз, выполненных в зверином стиле, выделить в III — I вв. до н.э. хуннский пласт[9].

М.И. Артамонов в монографии «Сокровища саков», рассматривая минусинские и ордосские бронзы, а также сибирское золото поясных застежек также отметил, что скифо-сибирский звериный стиль оказал существенное влияние на культуру народа хунну. Распространение памятников звериного стиля далеко на восток вплоть до Ордоса он связывал с продвижением в Центральную Азию еще в середине I тысячелетия до н.э. племен юэчжей, являвшихся самой восточной ветвью саков[10]. Эту идею впоследствии развил П.Б. Коновалов, писавший, что под воздействием скифо-сибирского звериного стиля в глубинных районах Азии сложилось самобытное, самостоятельное искусство. При этом он отметил, что не все изображения животных можно с полной уверенностью относить к числу произведений звериного стиля[11].

В те же годы к изучению звериного стиля обратилась М.А. Дэвлет, которая рассмотрела сибирские решетчатые бронзовые пластины и разделила их на две группы: с решеткой из волнистых линий и с решеткой из ломаных линий. По мнению исследователя, волнистую решетку образуют плавно извивающиеся туловища четырех змей, которые размещены одна над другой внутри прямоугольной рамки[12]. Подобная змеевидная пластина найдена на памятнике Дуурлигнарс в Монголии.

Затем это исследование было продолжено статьей о происхождении минусинских ажурных поясных пластин, где автор обратила внимание на сюжеты противостояний животных: быков, верблюдов, коней, хищников семейства кошачьих, извивающихся змей и др. В рассматриваемых сюжетах М.А. Дэвлет также отметила общие

---

[9] *Давыдова А.В.* К вопросу о Хуннских художественных бронзах // Советская археология. 1971. № 1. С. 93–105.

[10] *Артамонов М.И.* Сокровища саков. М., 1973. С. 122–123.

[11] *Коновалов П.Б.* Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-удэ, 1976. С. 216.

[12] *Дэвлет М.А.* Сибирские решетчатые бронзовые пластины // Археология Северной и Центральной Азии / Под ред. А.П. Окладникова, А.П. Деревянко Новосибирск, 1975. С. 151.

черты минусинских и ордосских блях и пришла к выводу, что большинство вещей ордосской бронзы имеет хуннское происхождение и их проникновение на Енисей можно связывать с контролем хунну над этой территорией[13].

В начале 1980-х гг. М.А. Дэвлет разработала типологию орнаментированных пластин II в. до н.э. — I в. н.э. с территории Забайкалья. Было учтено 120 ажурных пластин, хранящихся в 14 музеях и научных учреждениях, в том числе зарубежных. Принимая классификацию М.И. Артамонова, М.А. Дэвлет по морфологическим признакам разделила художественные бронзовые ажурные пластины на три группы (прямоугольные пластины, пластины с закругленным краем и Р-образные пластины), и в первых двух были также выявлены подгруппы, характеризующие сюжетные особенности (противостояние животных, сцены борьбы, взаиморасположение геометрических элементов и т.д.). Третья группа не подвергалась более глубокому анализу ввиду своей малочисленности (3 предмета из 120)[14].

Особое значение для исследования звериного стиля хунну имели работы Г.А Федорова-Давыдова. В монографии «Искусство кочевников и Золотой Орды» он проанализировал ведущие образы и мотивы звериного стиля раннего железного века и акцентировал свое внимание на «изобразительных полях». Зарождение «изобразительного поля», или рамок, Г.А. Федоров-Давыдов увидел в бляхах и пластинах-застежках, происходящих из Сибирской коллекции, находок из Дырестуйского и Иволгинского могильников в Забайкалье, Ноин-Улы в Монголии, из района Ордоса и других памятников. Генетически этот способ организации изобразительного пространства восходит к скифскому анимализму, сформировавшемуся под влиянием греческого искусства. В связи с возникновением такой рамки появляется новое толкование изображения животного, поскольку она дает возможность помещать зверей среди природы. Примером этому служат выразительные серебряные бляхи I в. н.э. из Ноин-Улы с фигурами яков, стоящих среди деревьев и холмов, схематически показанных в нижней части композиции[15].

---

[13] *Дэвлет М.А.* О происхождении Минусинских ажурных поясных пластин // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Под ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мощкова. М., 1976. С. 219–226.

[14] *Дэвлет М.А.* Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. — I в. н.э. Свод археологических источников Д4–7. М., 1980. С. 9–10.

[15] *Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов евразийских степей и золотоордынских городов. М., 1976. С. 38–39.

В 1980–1990-е гг. важный вклад в исследование звериного стиля хунну внес китайский ученый У Энь. Он занимался комплексным изучением памятников Внутренней Монголии, провинции Хэбэй, провинции Шаньси и Нинся-Хуэйского автономного района, затрагивая также и вопросы искусства. По его мнению, в развитии художественных бронз в Северном Китае можно выделит четыре этапа: династия Шан (XIII–IX вв. до н.э.), династия западной Чжоу (IX–VI вв. до н.э.), «период сражающихся царств» (VI–II вв. до н.э.) и империя Хань (II в. до н.э. — II в. н.э). Согласно этой периодизации ранняя культура хунну в Ордосе возникла в период сражающихся царств, и этим временем датировались первые изделия хуннского звериного стиля[16]. Продолжая свою работу, в 1983 г. У Энь предложил свою типологию бронзовых поясов Северного Китая, которые он разделил на три типа в соответствии с использовавшимися сюжетами. Бронзовые ажурные ремни были широко распространены в IV–I вв. до н.э., и ареал их бытования охватывал также территории Забайкалья и среднего течения р. Енисей, куда эти предметы, по всей видимости, пришли из Северного Китая[17].

Важную роль в изучении хуннского звериного стиля сыграл С.С. Миняев. В середине 1990-х гг. он исследовал стилистические особенности и семантику сюжетов предметов из Дырестуйского могильника. Основным выводом его работы стала идея о формировании большинства образов искусства хунну не только под влиянием скифо-сибирского звериного стиля, но и при воздействии культур Переднего Востока[18].

В 2000-е гг. звериный стиль хунну активно исследовался китайскими учеными. Чжан Цзин Мин обратился к памятникам Северного Китая и Внутренней Монголии и предложил рассматривать найденные здесь предметы искусства с точки зрения видовой принадлежности изображенных животных. По его мнению, хуннский звериный стиль можно разделить на четыре группы: изображения хищников (тигра, леопарда, волка), изображения травоядных животных (лошадь, корова, баран, олень), изображения фантастических животных и изображения остальных животных (ёж, журавль,

---

[16] *У Энь.* Вого Бэйфан Гудай Дунувэньши (Украшение зверя северного Китая в древности) // Каогу Сюэбао. 1981. № 1. С. 45–61 (на кит. яз.).

[17] *У Энь.* Чжунго Бэйфан Цинтун Дайши (Бронзовый орнамент из ажурного пояса северного Китая) // Каогу Сюэбао. 1983. № 1. С. 25–37 (на кит. яз.).

[18] *Миняев С.С.* Новейшие находки художественной бронзы и проблема формирования «геометрического стиля» в искусстве Сюнну // Археологический вести. 1995. № 4. С. 123–136.

орел, лебедь, змея). В заключение Чжан Цзин Мин подчеркнул, что формы хуннского звериного стиля связаны не только с природными условиями и особенностями социального уклада, но и с влиянием соседних культур[19].

В 2008 г. Ван Сюэ Мэй обратилась к проблеме развития в искусстве звериного стиля на примере украшений хунну. В основу ее типологии было положено функциональное назначение предмета и, таким образом, в зверином стиле хунну были выделено три группы: украшения, снаряжение для колесницы и хозяйственные предметы[20]. Кроме того, Ван Сюэ Мэй определяла характерные признаки звериного стиля хунну. Она полагала, что использованные образы животных в первую очередь были связаны с условиями окружающей среды, а наиболее распространенными оказались изображения тигров и птиц. Обращаясь к проблеме происхождения, Ван Сюэ Мэй отмечает важную роль в формировании звериного стиля хунну скифской культуры, карасукской культуры и Китая[21].

В 2010 г. Чжао Юаном была разработана характеристика комбинированного звериного стиля хунну. По его типологии, комбинации персонажей звериного стиля делятся на две группы: многозначные полнофигурные звери и многозначные полуфигурные звери с элементами других зверей. Выбор использованных образов автор объяснял особенностями охоты кочевников. Предметы прикладного искусства хунну Чжао Юан сопоставлял с материалами скифского и сяньбэйского искусства и пришел к выводу, что со временем комбинированный звериный стиль хунну упрощается[22].

В те же годы Чжу Хэ Пин и Тань Юань Юань проанализировали хуннские бляхи и предложили их типологию, во многом пересекающуюся с типологией М.И. Артамонова и М.А. Дэвлет, но в качестве критериев разделения использовавшую другие признаки[23]. В осно-

---

[19] *Чжан Цзин Мин.* Сюнну дунувэнь ди тэчжэн цзи сянгуань вэньт (Характеристики звериного стиля Хунну и связанных с ними проблемах) // Чжунян миньцзу дасюэ миньцзусюэси Чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань. 2003. С.50–54 (на кит. яз.).

[20] *Ван Сюэ Мэй.* Сюнну цинтунци дуну вэньши ди ишу любянь (Трансформация в искусстве звериного украшения бронзовых изделий Хунну) // Магистерская диссертация. Университет Сиань, 2008. С. 13–19 (на кит. яз.).

[21] Там же. С. 23–46.

[22] *Чжао Юань.* Сюннуцзу цзухэ дунуфэнгэ ши тэчжэн цзеси (Анализ характеристик комбинированных звериного стиля Хунну) // Ишу Таньсо. 2010. № 2. С. 43–47 (на кит. яз.).

[23] *Чжу Хэ Пин., Тань Юань Юань.* Сюнну шипай лэйсин бяньси (Детальное исследование на типы Хуннской бляхи) // Чжунюань вэньу. 2010. № 1. С. 45–51 (на кит. яз.).

ву разработанной авторами системы положены орнаментальные сюжеты (звериный орнамент, геометрический орнамент, орнамент, характеризующий деятельность человека), которые затем были разделены на подгруппы по форме предметов. По мнению Чжу Хэ Пина и Тань Юань Юань, наиболее ранними являются звериные образы, затем идут орнаменты, связанные с деятельностью человека, и геометрический орнамент.

Аналогичное исследование было предпринято Лю Хань Сином, который проанализировал хуннские и сяньбэйские бляхи, исследовал влияние хуннской культуры на сяньбэйскую культуру и предложил свою типологию блях, также основанную на сюжетном признаке. По его мнению, звериный орнамент отражает мифологию кочевнического общества[24].

В российской науке в последние годы существенную роль в исследовании звериного стиля хунну сыграли труды Н.В. Полосьмак и Е.С. Богданова, проводивших археологические исследования крупнейших памятников этой культуры: двадцатого Ноин-Улинского кургана и двадцать второго кургана Пади Суцзуктэ. Уникальные материалы, найденные в двадцатом Ноин-Улинском кургане, позволили рассматривать этот памятник наряду с Дырестуйским и Иволгинским могильниками и захоронениями в Пади Царам и Голмод.

Н.В. Полосьмак[25] и Е.С. Богданов подробно описали серебряные украшения упряжи и особый акцент сделали на аналогиях этим предметам. В двадцатом Ноин-Улинском кургане[26] было найдено 34 бляхи, в которых были использованы разные и во многом уникальные для этой культуры звериные образы: единорог, фантастический козел, дракон и др. Авторы проанализировали эти предметы и предложили возможные интерпретации образов животных.

В последние годы большой вклад в изучение звериного стиля хунну внесли южнокорейские и монгольские ученые, что во многом стало результатом проведенных здесь археологических изысканий и организованных выставок. В Южной Корее изучение этого вопроса началось с работ Зу Гён Ми и Пак А Рим, которые в основном концентрировались на культурных взаимовлияниях.

---

[24] *Лю Хань Син.* Сюнну, Сяньбэй пайши ди чубу яньцзю (Элементарное исследование бляхи Хунну, Сяньбэй) // Магистерская диссертация. Университет Чжэнчжоу, 2011. С. 1–35 (на кит. яз.).

[25] *Полосьмак Н.В., Богданов Е.С.* Курганы Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия). Ч. 1. Новосибирск, 2015.

[26] *Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д.* Двадцатый Ноин-Улинский курган. Новосибирск, 2011.

В 2014 гг. Зу Гён Ми сделала доклад на 38-м Всекорейском археологическом симпозиуме о происхождении и влиянии металлических изделий хунну в Монголии. Для решения этой проблемы основной акцент был сделан на технологических аспектах, в том числе на технике изготовления предметов в зверином стиле[27]. Затем интерес автора к этой теме получил свое развитие в изучении особенностей и значений образа фантастических животных в хуннском искусстве. По мнению Зу Гён Ми, в сюжете фантастических животных, происходящих с памятника Голмод-2, есть влияние Ахеменидского периода. В числе прочего исследовательница подвергла критике одностороннее изучение китайского влияния на хунну и призвала обратить большее внимание на фантастические образы льва-грифона и Симурга в скифской иконографии[28].

В 2015 г. Пак А Рим в своей монографии «Когурё и Евразийская культура» исследовала хуннское искусство и в том числе звериный стиль, которому Зу Гён Ми уделяла большое внимание как объекту культурного влияния. Пак А Рим[29] утверждает, что на мотив звериного стиля хунну повлиял образ борьбы животных, заимствованный из ахеменидского и скифского искусства.

В Монголии Д. Эрденэбаатар[30] предложил символическую трактовку произведений звериного стиля хунну. По его мнению, фантастические животные, найденные в Голмод-2, символизируют солнце и луну.

Таким образом, изучение звериного стиля хунну на протяжении XX–XXI вв. велось в нескольких направлениях. В течение этого времени можно проследить изменение тенденций в изучении этого вопроса и постановку отличных друг от друга исследовательских задач, которые ставили перед собой ученые разных стран.

Исключая общий интерес к коллекциям, первоначальное научное изучение звериного стиля хунну было предпринято в СССР. Труды выдающихся ученых, таких как Г.А. Федоров-Давыдов и С.И. Руденко, являются отличным примером для будущих исследований

---

[27] *Зу Гён Ми.* Происхождение и влияние металлических ремёсел Хунну в Монголии // 38-й Всекорейский археологический симпозиум / Под ред. Син Сук Жён. Сеул: Издательство Академии Социального Комментария, 2014. С. 491–501 (на кор. яз.).

[28] *Зу Гён Ми.* Особенности и значение образа фантастических животных в хуннском периоде// Рассказ об археологии Монголии от Корейского и Японского археолога. Тэгу: Государственный музей Тэгу, 2018. С. 51–57 (на кор. яз.).

[29] *Пак А Рим.* Когурё и Евразийская культура. Сеул, 2015. С. 152 (на кор. яз.).

[30] *Эрдэнэбаатар Д.* К вопросу о символике золотых и серебряных украшений Хуннской элиты // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии / Под ред. Б.В. Базарова, Н.Н. Крадина. Улан-удэ, 2017. С. 231–236 (на монг. яз.).

звериного стиля хунну. Вместе с тем в последние десятилетия значительно вырос объем археологического материала благодаря работам С.С. Миняева и Н.В. Полосьмак, что дало много новых возможностей для комплексного анализа феномена звериного стиля хунну.

В Китае исследования этого стиля начались с интереса к Северо-Восточному Китаю, Внутренней Монголии, Ордосу. Начав с исследования культур на указанных территориях Китая, местные ученые со временем стали обращать особое внимание на влияние сяньбэйской культуры. Затем, благодаря различным конференциям и публикации результатов исследований, наметилась тенденция к интернационализации исследований хунну, что нашло свое отражение в европейской историографии в связи с изображениями в хуннском зверином стиле на поясных бляхах, в частности, в очень важной работе У. Бросседер, посвященной культурному взаимодействию в рамках данного стиля[31].

В Южной Корее и Монголии, благодаря совместным исследованиям Национального музея и Монгольского археологического института, также были достигнуты успехи в изучении звериного стиля хунну. Основной вклад здесь внесли Зу Гён Ми, Хан Джин Сонг, Пак А Рим, Д. Эрдэнэбаатар, которые основной акцент сделали на анализе межкультурных влияний и интерпретации семантики образов.

Таким образом, за 70 лет исследования звериного стиля хунну был собран большой объем информации, касающейся разных аспектов материальной и духовной культуры этого народа. Были систематизированы материалы, полученные в ходе археологических раскопок, исследованы данные письменных источников, рассмотрены проблемы социального устройства хунну. При этом проблемы искусства и духовной культуры этого степного народа практически не оказывались в фокусе исследования. Можно констатировать, что к настоящему времени обобщающего исследования, посвященного звериному стилю хунну, не проведено, и в основном эта проблема является побочной при изучении памятников или предметов материальной культуры.

Тем не менее, были выработаны методы, которые могут быть применены для изучения искусства степных народов Забайкалья и

[31] *Brosseder U.* Belt plaques as an indicator of the east-west relations in the Eurasian steppe at the turn of the millennia // Xiongnu archaeology. Multidisciplinary perspectives of the first steppe empire in Inner Asia. Bonn, 2011. P. 349–424. В данной статье поясные бляхи были рассмотрены с точки зрения отражения контактов в Евразийской степи. Одним из результатов работы У. Бросседер стал вывод о влиянии поясной гарнитуры хунну на бактрийскую и сяньбэйскую культуры.

Монголии. Таким образом, к настоящему времени подготовлен фундамент для всестороннего и систематического изучения звериного стиля хунну, и соответственно изучение данной темы имеет большие перспективы.

References

Artamonov M.I. *Sokrovishcha sakov* [Treasures of the Saks]. Moscow: Iskusstvo, 1973. 280 p.

Borovka G. *Scythian Art*. London: Ernest Benn, 1928. 111 p.

Brosseder U. *Belt Plaques as an Indicator of the East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia* // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn: Wilhelms Universitat, 2011, pp. 349–424.

Davydova A.V. *K voprosu o khunnskikh khudozhestvennykh bronzakh* [On the Issue of the Xiongnu Artistic Bronzes] // *Sovetskaya arkheologiya*. 1971. № 1, pp. 93–105.

Devlet M.A. *O proiskhozhdenii minusinskikh azhurnykh poyasnykh plastin* [On the Origin of the Minusin Filigree Lap Plates] // *Skifo-sibirskiy zverinyy stil' v iskusstve narodov Yevrazii* [Scythian-Siberian Animal Style in the Art of the Peoples of Eurasia] / Ed. by A.I. Melyukova, M.G. Moshkova. Moscow: Nauka, 1976, pp. 219–226.

Devlet M.A. *Sibirskiye poyasnyye azhurnyye plastiny II v. do n.e. — I v. n.e.* [Siberian Filigree Lap Plates of the 2nd Century B.C.E. — 1st Century C.E.] // *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Codex of Archaeological Sources]. D4–07. Moscow: Nauka, 1980, 67 p.

Devlet M.A. *Sibirskiye reshetchatyye bronzovyye plastiny* [Siberian Lattice Bronze Plates] // *Arkheologiya Severnoy i Tsentral'noy Azii* [Archaeology of North and Central Asia] / Ed. by A.P. Okladnikov, A.P. Derevyanko. Novosibirsk: Nauka, 1975, pp. 150–155.

Erdenebaatar D. *K voprosu o simvolike zolotykh i serebryanykh ukrasheniy khunnskoy elity* [On the Symbolism of Gold and Silver Ornaments of the Xiongnu Elite] // *Aktual'nyye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noy Azii* [Actual Issues of Archaeology and Ethnology of Central Asia] / Ed. by B.V. Bazarov, N.N. Kradin. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTS SO RAN, 2017, pp. 231–236.

Fedorov-Davydov G.A. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoy Ordy: Ocherki kul'tury i iskusstva narodov yevraziyskikh stepey i zolotoordynskikh gorodov* [The Art of the Nomads and the Golden Horde: Essays on the Culture and Art of the Peoples of the Eurasian Steppes and the Golden Horde Cities]. Moscow: Iskusstvo, 1976. 228 p.

Joo Kyung-mi. *Hyungnosidae hwansangdongmulmun-ui teugjing-gwa uiui* [Features and Significance of Images of Fantastic Animals in the Xiongnu Culture] // *Han-ilgogohagjaga pul-eonaeneun mong-gol gogohag-iyagi* [Messages from Korean and Japanese Archaeologists about the Archaeology of Mongolia]. Tegu: Gosudarstvennyy muzey Tegu, 2018, pp. 51–57.

Joo Kyung-mi. *Mong-gol hyungnogobun chulto geumgongpum-ui giwongwa yeonghyang* [The Origin of Crafts Related to Metalworking among the Xiongnu and Their Influence on the Development of Ancient Mongolia] // *38-hoe hangug-*

gogohag jeongugdaehoe [The 38th All-Korean Archaeological Conference] / Ed. by Sook Jung Sin. Seul: Social Review Publishers, 2014, pp. 491–501.

Kantorovich A.R. *Obrazno-syuzhetnyy repertuar vostochnoyevropeyskogo skifskogo zverinogo stilya: printsipy i rezul'taty klassifitsirovaniya i kodirovaniya* [Imagery and Narrative Repertoire of the East European Scythian Animal Style: Principles and Results of Classification and Coding] // *Drevnosti. Issledovaniya i problemy. Sbornik statey v chest' 70-letiya N.P. Tel'nova* [Antiquities. Research and Problems. Collected Articles in Honor of the 70th anniversary of N.P. Telnov]. Kishinev; Tiraspol': Tsentral'naya tipografiya, 2018, pp 195–222.

Kiselev S.V. *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [The Ancient History of Southern Siberia]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1951, 644 p.

Konovalov P.B. *Khunnu v Zabaykal'ye (Pogreval'nyye pamyatniki)* [Xiongnu in Transbaikalia (Funeral Monuments)]. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1976. 248 p.

Kozlov P.K. *Severnaya Mongoliya — Noin-ulinskiye pamyatniki* [Northern Mongolia — Noin-Ula Monuments] // *Kratkiye otchety ekspeditsiy po issledovaniyu Severnoy Mongolii v svyazi s Mongolo-Tibetskoy ekspeditsiyey P.K. Kozlova* [Brief Records of Expeditions to Explore Northern Mongolia in Connection with P.K. Kozlov's Mongol-Tibetan Expedition]. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1925, pp. 1–12.

Liu Hanxing. *Xiōngnú, xiānbēi pái shì de chūbù yánjiū* [General study of the Xiongnu, Xianbei plaques]. MA Thesis. Zhengzhou: Zhengzhou University, 2011.

Minyayev S.S. *Noveyshiye nakhodki khudozhestvennoy bronzy i problema formirovaniya "geometricheskogo stilya" v iskusstve khunnu* [The Latest Finds of Artistic Bronze and the Problem of the Formation of a "Geometric style" in the Art of Xiongnu] // *Arkheologicheskiye vesti*. 1995. № 4, pp. 123–136.

Park Arim. *Gogulyeo gobunbyeoghwa yulasiamunhwaleul pumda* [Gogurye Wall Painting and Eurasian Culture]. Seul: Khaken, 2015. 152 p.

Polos'mak N.V., Bogdanov E.S. *Kurgany Sutszukte (Noin-Ula, Mongoliya)* [Suzukte Mounds (Noin Ula, Mongolia)]. Part 1. Novosibirsk: Infolio, 2015. 136 p.

Polos'mak N.V., Bogdanov E.S., Tseveendorzh D. *Dvadtsatyy Noin-Ulinskiy kurgan* [Twentieth Noin-Ulinsky Mound]. Novosibirsk: Infolio, 2011. 181 p.

Rostovtsev M.I. *Sredinnaya Aziya, Rossiya, Kitay i zverinyy stil'* [Central Asia, Russia, China and the Animal Style]. Praga: Seminarium Kondakovianum, 1929. 48 p.

Rostovtsev M.I. *Sredinnaya Aziya, Rossiya, Kitay i zverinyy stil'* [Central Asia, Russia, China and the Animal Style] // *Peterburgskiy arkheologicheskiy vestnik*. 1993. № 5. SKYTHIKA. *Izbrannyye raboty akademika M.I. Rostovtseva* [Selected Works by Academician M.I. Rostovtseff], pp. 57–75.

Rudenko S.I. *Kul'tura khunnov i Noinulinskiye kurgany* [The Culture of the Xiongnu and the Noin-Ula Mounds]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1962. 206 p.

Wang Xue Mei. *Xiōngnú qīngtóngqì dòngwù wénshì de yìshù liú biàn* [Transformation in the Art of Animal Style of Bronze Jewelry and Xiongnu Products]. MA Thesis. Xi'an: Xi'an Academy of Fine Arts, 2008. 53 p.

Wuen. *Wǒguó běifāng gǔdài dòngwù wénshì* [Ancient Animal Ornaments of Northern China] // *Kǎogǔ xuébào.* 1981. № 1, pp. 45–61.

Wuen. *Zhōngguó běifāng qīngtóng dài shì* [Bronze Ornament of the Openwork Belt from Northern China] // *Kǎogǔ xuébào.* 1983. № 1, pp. 25–37.

Zhang Jingming. *Xiōngnú dòngwù wén de tèzhēng jí xiāngguān wèntí* [Features of the Animal Style of the Xiongnu and Problems of Its Study] // *Zhōngyāng mínzú dàxué mínzú xué xì zhéxué shèhuì kēxué bǎn*. 2003. № 5, pp. 50–54.

Zhao Yuan. *Xiōngnú zú zǔhé dòngwù fēnggé wénshì tèzhēng jiěxī* [Analysis of the Combined Characteristics of the Animal Style of the Xiongnu] // *Yìshù tànsuǒ.* 2010. № 2, pp. 43–47.

Zhu Heping, Tan Wei. *Xiōngnú shì pái lèixíng biànxī* [Comprehensive Study of the Types of Xiongnu Plaques] // *Zhōngyuán wénwù.* 2010. № 1, pp. 45–51.

Поступила в редакцию
26 декабря 2018 г.

В.И. Кулаков*

СВЯЩЕННОЕ ДРЕВО ПРУССОВ

V.I. Kulakov

THE SACRED TREE OF THE PRUSSIANS

Аннотация. Впервые за время исторических исследований в Балтии автором создан свод изображений священных деревьев у пруссов и у их северо-восточных соседей — куршей. Сакрализация дуба и осознание его связи с Богом грома и молний, характерное для большинства индоевропейских народов на ранней стадии развития их культур, получило изобразительную фиксацию у пруссов в V в. н.э. В последующие эпохи различные формы изображения священного древа свидетельствовали о том, что оно занимало важное место в прусском культе. Данный вывод подтверждается письменными известиями о центральном для многих балтских племен святилище Ромове, располагавшемся в прусской земле Надровии. В центре этого святилища произрастал вечнозеленый священный дуб, под кроной которого скрывались изображения и символы прусских богов. Даже после нескольких веков господства Тевтонского Ордена в Пруссии сохранялись рудименты культа древа, являвшегося местом жертвоприношений для прусских крестьян еще в середине XVII в. Данные археологии эпохи викингов прямо свидетельствуют о плотных связях пруссов и куршей, прежде всего — в материальной культуре. Если у пруссов изображения сакрализованного древа известны уже в эпоху Аттилы, то у куршей они появляются лишь в поствикингское время. Благодаря этому можно предположить, что упомянутая изобразительная традиция (или вообще весь культ священного древа) пришла в ареал куршей от их юго-западных соседей. В старой деревянной застройке Зеленоградска (Cranz), расположенном у основания Куршской косы, по сей день сохранились декоративные детали фронтонов, стилизованно представляющие священное древо с тремя ветвями/ростками или же древо с крестообразной кроной, охраняемое двумя драконами. С учетом того, что та часть Самбии, на которой расположен упомянутый город, в эпоху викингов и после нее приняла группы куршей, что засвидетельствовано

* *Кулаков Владимир Иванович*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН, Москва

Kulakov Vladimir Ivanovich, Doctor in History, Leading Scholar, Department of the Migration Period and the Early Middle Ages, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences

+7-909-798-30-62; drkulakov@mail.ru

археологическим материалом, можно с большой степенью осторожности предполагать реализацию в декоре домов местных жителей неких куршских изобразительных мотивов, восходящих к традиции священного древа.

Ключевые слова: земля пруссов, священное древо, курши, место жертвоприношений, культ, западные балты.

Abstract. For the first time in the historical research in the Baltic, the author has created a set of images with the sacred trees of the Prussians and their northeastern neighbours, the Curonians. The sacralization of the oak and the perception of its connection with the god of thunder and lightning, characteristic of most Indo-European peoples at an early stage of the formation of their cultures, were pictorially fixed among the Prussians in the 5th century C.E. In subsequent eras, various forms of the depiction of the sacred tree indicated that it occupied an important place in the Prussian cult. This conclusion is confirmed by the written reports about the sanctuary of Romow, principal for many Baltic tribes and located in the Prussian land of Nadruvia. In the center of this sanctuary grew an evergreen sacred oak tree, while its crown concealed the images and symbols of the Prussian gods. Even after centuries of the Teutonic Order's rule, Prussia retained the rudiments of the cult of the tree, which was the place of sacrifice for the Prussian peasants in the middle of the 17th century. Archaeological data from the Viking Age directly testify to the close ties of the Prussians and the Curonians, primarily in material culture. Whereas with the Prussians, images of the sacralized tree were already known in the Attila era, the Curonians saw them appear only in the post-Viking time. As a result, it can be assumed that the aforesaid pictorial tradition (or even the entire cult of the sacred tree) came to the area of the Curonians from their southwestern neighbours. To this very day, the old wooden buildings of Zelenogradsk (Cranz), a town located at the base of the Curonian Spit, have preserved decorative details of the pediments, showing stylized representations of a sacred tree with three branches/sprouts or a tree with a cross-shaped crown, guarded by two dragons. Considering the fact that the part of Sambia where the aforesaid city is now located, in the Viking era and thereafter received groups of the Curonians, which is evidenced in the archaeological material, it is possible to assume with a great degree of caution that the decor of the local residents' houses showcase some Curonian visual motifs dating back to tradition of the sacred tree.

Keywords: land of the Prussians, sacred tree, Curonians, sacrifice site, cult, the Western Balts.

* * *

Как показывают данные исторической этнографии, идея древа, воспринимавшегося как ось Мира, представлена в культах многих (если не большинства) народов мира[1]. В Европе и на Ближнем Востоке

[1] *Румянцева Т.Г.* Дерево // История философии. Энциклопедия. Минск, 2002. С. 301–304.

эта культовая идея восходит к эпохе бронзы. Древо «является доминантой, определяющей формальную и содержательную организацию вселенского пространства»[2].

Примечательный факт: важная роль сакрализованного древа (дуба) в культе пруссов отразилась в слове “druwis” — русск. «вера». Указанное прусское слово имеет корень, сходный с др.-инд. “daru” — русск. «древо» и прочими архаическими индо-европейскими языками[3]. Существует мнение о непосредственном заимствовании прусского “druwis” из древнегерманского языкового наследия[4]. Балтские народы, как показывают данные лингвистики, традиционно связывали бога грома и молний Perkuno с дубом и горой/скалой[5], что указывает на сакрализацию этими народами в древности дуба, растущего на возвышенности и связанного/посвященного богу грома и молний.

Рис. 1. Бронзовая, с серебряным покрытием фибулы из погр. Mi-273 могильника Mingfen/Miętkie (*Кулаков В.И.*, 2011, рис. 26).

Данные прусской археологии, в последние десятилетия серьезно пополнившиеся, позволяют увидеть изображения деревьев, сакрализованных раннесредневековыми обитателями Янтарного края. Древнейшее, весьма стилизованное изображение древа, — на фибулах типа Bitner-Wróblewska II, относящихся в древностях поздних эстиев и ранних пруссов к фазам C_2/D_1[6], т.е. к началу эпохи Великого переселения народов. Семь лет тому назад автор этих строк выдвинул гипотезу о том, что корпус звёздчатых фибул представляет собой стилизованное изображение древа, в кроне которого помещен солярный знак (рис. 1). Эта догадка была подкреплена данными балтской этнографии и фольклористики, которые сообщают о мифе, согласно которому в кроне

[2] *Топоров В.Н.* Древо мировое // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980. С. 398, 399.

[3] *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. II. Тбилиси, 1984. С. 613.

[4] *Топоров В.Н.* Прусский язык. Словарь. A-D. М., 1975. С. 385.

[5] *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Указ. соч. С. 615.

[6] *Кулаков В.И.* Декоративное искусство Янтарного края. Орнамент фибул V–VII вв. Saarbrucken, 2011. С. 33.

дуба/березы/липы/яблони, с серебряными листьями и железными корнями, растущего у Млечного пути, солнце отдыхает после своих дневных странствий по небу. Когда же утром солнце покидало крону священного древа, оно приобретало красный цвет[7]. К началу VI в. звездчатые фибулы у западных балтов выходят из употребления. Но это не значит, что прерывается традиция отображения священного древа в искусстве западной окраины балтского мира.

Следующее по времени появления изображение священного древа обнаруживается на «кольце из Штробьенен», найденном в окрестностях Strobjehnen/Куликово в 1798 г. На «кольце» представлена пропущенная сквозь призму религиозных представлений картина схватки (возможно — ритуальной) вождей двух противостоящих воинств: вождя прусских воинов Видевута и предводителя воинства Мазурского Поозерья Антонеса, упомянутых в «Прусской хронике» Симона Грунау, в которой могли сохраниться фрагменты народного предания об этом конфликте[8]. Всадники одинаково вооружены однолезвийными мечами со слабо загнутыми концами, защищены небольшими круглыми кавалерийскими щитами и используют стремена. Эта деталь конского снаряжения появилась у пруссов на рубеже VII–VIII вв. под влиянием авар[9]. Противники одеты в свободно нависающие над поясами полотняные рубахи с вертикальными складками. Как и у авара, изображенного на застежке из Mödling, рубахи у воинов «кольца» украшены точечным декором. Еще одна аварская аналогия — мягкие постолы с зигзагообразно расположенными обмотками до колена. Волосы всадников перехвачены тканевой или кожаной лентой (рис. 2). На правой половине «кольца» изображен, скорее всего, князь Видевут, поддерживаемый своим братом Брутеном, едущим верхом на волке и держащим в руке питьевой рог с жертвенным напитком. Над головой Видевута витает некий змееногий бог, осуществляющий, видимо, сакральную защиту вождя. Напротив изготовился к бою вождь Мазонов Антонес[10]. Над ним парит двуглавое божество, левой рукой низвергающее священный напиток из питьевого рога на главу воина. Под ногами коня Антонеса волнообразно изогнулся другой божественный персонаж с аварской прической и рыбьим хвостом (персонифицированный

[7] *Żubiński T.* Mitologia bałtyjska. Sandomierz, 2009. S. 62.

[8] *Кулаков В.И.* Население Балтийского региона в эпоху Меровингов // Эпоха Меровингов. Европа без границ. Берлин, 2007. С. 43.

[9] *Кулаков В.И.* История Пруссии до 1283 г. М., 2003. С. 313.

[10] Все персонажи кольца представлены в «Прусской хронике» Симона Грунау.

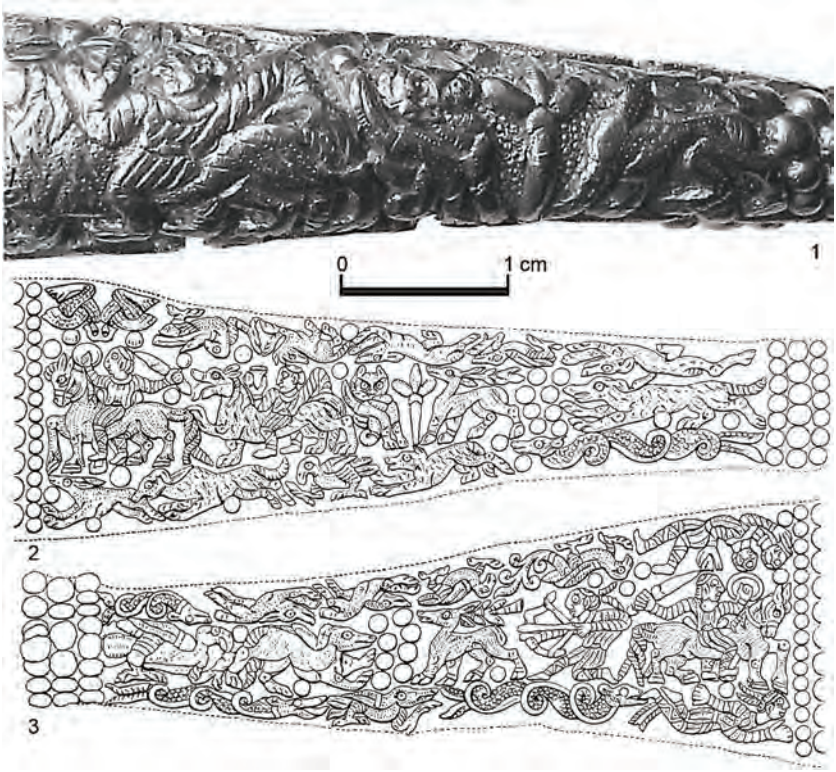


Рис. 2. «Кольцо из Strobjehnen/Куликово»: 1 — фото правой части барельефа на «кольце» (экспозиция выставки «Эпоха Меровингов. Европа без границ». ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2007 г.); 2 — прорисовка барельефа на правой стороне «кольца»; 3 — прорисовка барельефа на левой стороне «кольца» (*Кулаков В.И.*, 1994, рис. 72,1,2)

символ реки, на берегах которой произошла битва)[11] на левой ноге, которую вознамерился укусить преследующий авара гигантский змей. Он, возможно, дружественен пруссам, которые, как известно, почитали пресмыкающихся. За спиной Антонеса стреляет из лука аварский воин, о котором говорилось выше. Он нацелил свою смертоносную стрелу в оленя, стоящего у священного древа. Таково символическое изображение победной для пруссов битвы, которая прекратила угнетение народа Янтарного берега мазонами и жителями Среднего Подунавья. Разумеется, приведенная выше трактовка

[11] Водный поток, разделяющий ареалы пруссов и «мазонов», — р. Alle/Лава. Видимо, на ее берегах и произошла победная для пруссов битва.

рельефных изображений, пространство между которыми на «кольце из Штробьенен» покрыто оттисками точечного чекана, является гипотезой. Ее подтверждают как археологические реалии (например, показанные на кольце однолезвийные мечи характерны для прусских воинских древностей VII — начала VIII в.), так и строки из «Прусской хроники». Присутствие на «кольце» упомянутых выше изображений, их семантика позволяют предполагать ритуальное значение этого артефакта, изготовленного плененным аварским златокузнецом для победителей-пруссов и принесенного ими, не исключено, в дар отеческим богам.

В рамках интересующей нас тематики обратимся к изображенному в правой стороне барельефа древу. Оно схематично показано в виде ростка с тремя ветвями. Справа от него — олень с рогами, снабженными отростками, схематично напоминающими ветви древа (рис. 2). Слева аварский (судя по специфическим деталям изображения) златокузнец изобразил некое крылатое существо с мордой кота, с львиными (?) лапами и с драконьим (?) хвостом. Более всего этот гибридный зверь напоминает иранского Симаргла, обладавшего благой и демонической натурами[12]. Составляющие триединую композицию древо с предстоящими животными (звери-хранители ?) расположены за спиной жреца (?), едущего верхом на волке, что, очевидно, должно акцентировать сакральное значение древа. Примечательно, что олень, представленный на левой стороне барельефа, стоит в позе, практически идентичной оленю у древа. Не значит ли это, что фигуры соответствуют одному и тому же мифологическому персонажу? Судя по целящемуся в оленя аварскому лучнику, пришельцы из Подунавья не были дружественны к прусскому культу (как и к самим пруссам).

Следующее по времени изображение прусского священного древа принадлежит к творениям безвестных мастеров, представивших на барельефах Гнезненских врат жизнь и смерть св. Войцеха-Адальберта, первого крестителя Пруссии. 20–23 апреля 997 г. с миссионерскими целями этот проповедник посетил Самбию и, вызвав своими действиями гнев пруссов, был ими казнен. Как показывает соответствующий рельеф Гнезненских врат (рис. 3, слева), мученик был принесен в жертву, а его останки с отсеченной головой выставлены у подножья священного для пруссов дуба (рис. 3, справа)[13]. К сожалению, тво-

[12] *Лелеков Л.А.* Симург // Мифы народов мира. М., 1987. С. 437.

[13] *Кулаков В.И.* Северная Самбия: апрель 997 года // КСИА. Вып. 210. М., 1993. С. 42.

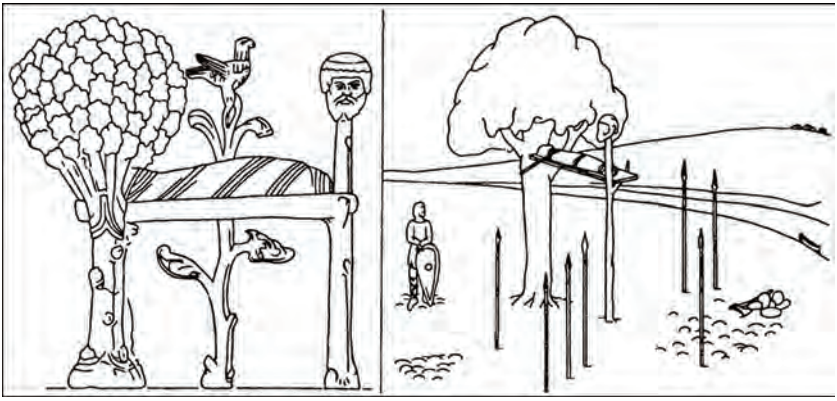


Рис. 3. Жертвоприношение Св. Войцеха-Адальберта:
слева — прорисовка рельефа из Генезненских врат;
справа — графическая реконструкция
(*Кулаков В.И.*, 1993, рис. 3).

рившие в романской манере мастера врат не передали информацию о семантической составляющей прусского священного древа.

Уже к Новому времени относится изображение (гравюра на меди) священного дуба в центральном святилище пруссов — Ромове, опубликованное в 1684 г. Кристофом Харткнохом (рис. 4). Располагавшееся в прусской земле Надравии, Ромове являлось центральным святилищем жителей юго-восточной Балтии (в том числе части литовцев), на котором горел неугасимый огонь[14]. Как отмечает Симон Грунау в своей «Прусской хронике» (1517–1529), в центре Ромове (ныне — городище Schlossberg/Бочаги Черняховского р-на) рос вечнозеленый (из-за ростков омелы, очевидно, оплетавших его ветви) дуб, у которого располагались изображения и священные символы трех прусских богов — Перкуно, Патримпо и Патолло[15]. Сакрализованные дубы являлись культовыми объектами и в других пунктах прусского племенного ареала, например — в святилище Swentomest близ Heiligenbeil/Мамоново[16]. Возможно, одним из таких деревьев является дуб в Ludwigsort/Ладушкин, посадку которого, судя по значительной толщине ствола, можно условно отнести к XI в.

Осенью 2018 г. мне удалось ознакомиться в музее «Колесо времени» (Rauschen/Светлогорск) при любезной помощи директора

[14] *Петр из Дусбурга*. Хроника земли Прусской. М., 1997. С. 51.

[15] *Grunau S.* Preussische Chronik. Bd. 1. Leipzig, 1876. S. 78.

[16] *Кулаков В.И.* Пруссы (V–XIII вв.). М., 1994. С. 141.

Рис. 4. Ромове — центральное святилище пруссов
(по К. Харткноху, 1684 г.) (*Кулаков В.И.*, 2003, с. 198, рис. 68).

музея Л. Быстровой с уникальной находкой, поступившей в фонды этого музея из Friedland/Правдинска. Это большемерный кирпич, происходящий из руин разобранного строения в упомянутом городе. К сожалению, более точный адрес находки остался неизвестным. Т.к. большемерные кирпичи появляются в Пруссии в эпоху существования Орденского государства, дату этой находки условно можно отнести к хронологическому отрезку XIV–XVII вв. На одной из сторон кирпича по сырой глине при помощи деревянной (на это указывают «рубленные» линии рисунка) формы была оттиснута довольно сложная композиция (рис. 5). В центре ее представлено древо с семью безлистными ветвями (вытянуты под углом вверх). На вершине древа помещен петух (?), справа от древа — конь, обращенный к древу, слева — олень (также головой к древу). За крупом коня представлено небольшое древо, под ногами оленя — три схематически

Рис. 5. Лицевая сторона кирпича, обнаруженного при разборке здания в Friedland/Правдинске (Фонды музея-выставки «Колесо истории», г. Светлогорск).

показанных «сердца», под ними — два мальтийских креста. Такие же кресты видны над оленем и петухом, они отделены от основной композиции полосой из оттисков «волчьего зуба». С трех сторон (кроме верхней части рисунка) композиция ограничена линиями оттисков «волчьего зуба». В верхней и нижней частях этой стороны кирпича существовали еще некие изображения, до нас не дошедшие (от них сохранились незначительные детали).

Семантическое значение данной композиции родственно композиции с древом, представленной на «кольце из Штробьенен» и может трактоваться как своеобразная «языческая икона». Подобного рода явление отмечено в декоративном искусстве германцев эпохи Меровингов[17]. В нашем случае и на «кольце», и на кирпиче представлена композиция со священным древом в центре. По краям древа помещены священные звери и птицы, семантически являющиеся хранителями древа. Значимость своего творения мастер, оставивший оттиск «языческой иконы» на кирпиче, который будет использован при строительстве в уже христианской Пруссии (что весьма примечательно) акцентировал изображением трех сердец и в качестве дополнительной защиты изобразил лопастные кресты вполне католического облика. Точно такие же кресты прусский златокузнец XIV в. поместил на одном из поясов, найденных на могильнике Alt-Wehlau/Прудовка[18], рядом с вполне языческими по своему смыслу изображениями. Очевидно, в раннеорденское время пруссы пытались встроить христианскую символику в круг своих традиционных культовых образов.

Как показывает материальная культура северо-восточных соседей пруссов — куршей, им тоже был близок мотив священного древа. Так, мы видим его на бронзовых наконечниках ножен мечей подтипа Kazakevičius VIb, имевших местное происхождение и распространенных в южной части куршского племенного ареала[19]. По вертикальной оси в центре наконечников изображен росток крестообразной формы, покоящийся на двухчастном стволе, по краям которого извиваются два драконообразных существа (рис. 6, слева). Этот сюжет был настолько популярен у куршей поствикингского

---

[17] *Кулаков В.И.* Неманский янтарный путь в эпоху викингов. Калининград, 2012. С. 211.

[18] *Кулаков В.И.* Прусские пояса орденского времени // Genesis: Исторические исследования. 2017. № 1. Рис. 2.

[19] *Kazakevičius V.* Iš vėlyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (kalavių makstų galų apkalai) // Lietuvos archeologija. T. XV. Vilnius, 1998. P. 311, 40 pav.

Рис. 6. Бронзовые наконечники ножен мечей подтипа Kazakevičius Vb: слева — Andullen/Anduliai, Klaipeda raj., Lietuva, справа — Kaup, г. Зеленоградск (*Кулаков В.И.*, 2012, рис. 143).

времени, что претерпел многократную стилизацию (рис. 6, справа), вплоть до полной деградации рисунка. На первичном этапе изготовления наконечников подтипа Kazakevičius VIb куршские мастера четко выдерживали композицию рисунка, очевидно, следуя какому-то изобразительному канону. Этот канон отличался от описанного выше прусского канона тем, что священное древо охраняли не олень и птицы, а драконообразные существа (змеи ?).

Данные археологии эпохи викингов прямо свидетельствуют о плотных связях пруссов и куршей, прежде всего — в материальной культуре[20]. Если у пруссов изображения сакрализованного древа известны уже в V в. н.э., то у куршей они появляются лишь в поствикингское время. Благодаря этому можно предположить, что упомянутая изобразительная традиция (или вообще весь культ священного древа) пришла в ареал куршей от их юго-западных соседей. В старой деревянной застройке Зеленоградска (Cranz), расположенном у основания Куршской косы, по сей день сохранились декоративные детали фронтонов, стилизованно представляющие

[20] *Жулкус В.* Изменения в мировоззрении куршей в раннем средневековье // Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию В.В. Седова. М., 2004. С. 157, 158.

священное древо с тремя ветвями/ростками (рис. 7) или же древо с крестообразной кроной, охраняемое двумя драконами (рис. 8). С учетом того, что та часть Самбии, на которой расположен упомянутый курортный город, в эпоху викингов и после нее приняла группы куршей, что засвидетельствовано археологическим материалом[21], можно с большой степенью осторожности предполагать реализацию в декоре домов местных жителей неких куршских изобразительных мотивов, восходящих к традиции священного древа. Однако такой вывод должен получить подтверждение в работах историков архитектуры и этнографов.

Рис. 7, 8. Детали фронтонов домов конца XIX — начала XX в. в Cranz/Зеленоградске (*фото автора*)

[21] *Кулаков В.И.* Неманский янтарный путь в эпоху викингов. С. 64.

Примечательно, что культ почитания священного древа, изобразительно зафиксированный у пруссов в самом начале формирования их культуры, доживает до XVII в. Как свидетельствует прусский краевед М. Преториус, еще в 1657 г. общинники Северной Пруссии жертвовали этим деревьям (вешали на их ветви) свои пояса[22], являвшиеся индикаторами социальной принадлежности не только прусских аристократов[23], но и, видимо, простых земледельцев. В свою очередь, женщины пруссов жертвовали древам свои наплечные покрывала[24].

Итак, можно констатировать, что культ священного древа (в том числе — дуба), восходящий у индоевропейских народов, очевидно, к эпохе позднего (?) неолита, у пруссов нашел изобразительное воплощение уже в середине I тысячелетия н.э. Возможно, к таким изображениям могут относиться и растительные мотивы на погребальной керамике эпохи бронзы и раннего железа, однако их множественность предполагает отсутствие здесь фигур отдельных сакрализованных деревьев. Затем на протяжении многих веков в декоративном искусстве пруссов в разном материале и в разной манере представлены изображения сакрализованных древ. Как показывают письменные источники Нового времени, культ древа доживает у пруссов, несмотря на их христианизацию, практически до времени создания Королевства Пруссия.

References

Gaerte W. *Kriechkultur in Altpreußen* // *Alt-Preußen*. Jg. 1. H. 3. 1935, pp. 179–182.

Gaerte W. *Volksglaube und Brauchtum Ostpreussens. Beiträge zur vergleichenden Volksglaube, Marburger Ostforschungen*. Bd. 5. Würzburg: Holzner, 1956. 123 S.

Gamkrelidze T.V., Ivanov Vyach.Vs. *Indoyevropeyskiy yazyk i indoyevropeytsy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskiy analiz prayazyka i protokul'tury* [Indo-European Language and Indo-Europeans. Reconstruction and Historical-typological Analysis of Parent Language and Protoculture]. Vol. II. Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo universiteta, 1984. 1328 p.

Kazakevičius V. *Iš vėlyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (kalavių makstų galų apkalai)* [On the Late Iron Age Weapons of the Balts (Sword Chapes)] // *Lietuvos archeologija*. Vol. XV. Vilnius: Žara, 1998, pp. 287–332.

[22] *Gaerte W.* Kriechkultur in Altpreußen // Alt-Preußen. Jg. 1. H. 3. 1935. S. 180, 181.

[23] *Кулаков В.И.* Прусские пояса орденского времени // Genesis: Исторические исследования. 2017. № 1. С. 152.

[24] *Gaerte W*. Volksglaube und Brauchtum Ostpreussens. Beiträge zur vergleichenden Volksglaube, Marburger Ostforschungen. Bd. 5. Würzburg, 1956. S. 51.

Kulakov V.I. *Dekorativnoye iskusstvo Yantarnogo kraya. Ornament fibul V–VII vv.* [Decorative Art of the Amber Region. The Ornament of the 5th–7th-cent. Brooches]. Saarbrucken: LAP Publishing, 2011. 150 p.

Kulakov V.I. *Istoriya Prussii do 1283 g.* [A History of Prussia until 1283]. Moscow: Indrik, 2003. 364 p.

Kulakov V.I. *Naseleniye Baltiyskogo regiona v epokhu Merovingov* [The Population of the Baltic Region in the Era of the Merovingians] // *Epokha Merovingov. Yevropa bez granits* [The Age of the Merovingians. Europe without Borders]. Berlin: Minerva, 2007, pp. 138–144.

Kulakov V.I. *Nemanskiy yantarnyy put' v epokhu vikingov* [Neman Amber Road in the Viking Age]. Kaliningrad: PEN-klub, 2012. 222 p.

Kulakov V.I. *Prusskiye poyasa ordenskogo vremeni* [Prussian Belts of the Period of the Order] // *Genesis: Istoricheskiye issledovaniya.* 2017. № 1, pp. 147–158.

Kulakov V.I. *Prussy (V–XIII vv.)* [The Prussians in the 5th–13th Cent.)]. Moscow: Geoeko, 1994. 211 p.

Kulakov V.I. *Severnaya Sambiya: aprel' 997 goda* [Northern Sambia: April 997] // *KSIA*. Is. 210. Moscow: Nauka, 1993, pp. 37–44.

Lelekov L.A. *Simurg* // *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1987, pp. 436–437.

Rumyantseva T.G. *Derevo* [Tree] // *Istoriya filosofii. Entsiklopediya* [A History of Philosophy. Encyclopaedia]. Minsk: Interpresservis, 2002, pp. 301–304.

Toporov V.N. *Drevo mirovoye* [World Tree] // *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1980, pp. 398–406.

Toporov V.N. *Prusskiy yazyk. Slovar'. A–D* [Prussian Language. Dictionary. A–D]. Moscow: Nauka, 1975. 399 p.

Zhulkus V. *Izmeneniya v mirovozzrenii kurshey v rannem srednevekov'ye* [Changes in the Worldview of the Curonians in the Early Middle Ages] // *Vostochnaya Yevropa v Srednevekov'ye. K 80-letiyu V.V. Sedova* [Eastern Europe in the Middle Ages. In Honour of the 80th anniversary of V.V. Sedov]. Moscow: Nauka, 2004, pp. 153–163.

Żubiński T. *Mitologia bałtyjska* [The Baltic Mythology]. Sandomierz: Armorika, 2009. 151 p.

Поступила в редакцию
18 ноября 2018 г.

В.В. Седов*

ЦЕРКОВЬ ПОКРОВА НА НЕРЛИ И СОБОР В МОДЕНЕ

V.V. Sedov

THE CHURCH OF INTERCESSION ON THE NERL' AND THE CATHEDRAL IN MODENA

Аннотация. В статье рассматривается соотношение архитектурных форм небольшой церкви Покрова на Нерли, этого важнейшего и, вероятно, самого известного памятника Владимиро-Суздальской архитектуры середины XII в., и огромного городского и епархиального собора в Модене, который был заложен в 1099 г. и строился затем до второй половины XII столетия. По поздним, не до конца проверенным сведениям церковь Покрова была построена в 1165 г. по заказу князя Андрея Боголюбского (1157–1174) как храм небольшого мужского монастыря (эта дата может считаться относительно достоверной). В ходе исследования памятников выяснилось, что большинство форм церкви Покрова на Нерли принадлежит итальянской версии романского стиля, более того, значительная часть этих форм находит прямые аналоги в несколько более ранней архитектуре собора в Модене, важнейшего и сложнейшего здания романской архитектуры исторической области Эмилия. Некоторые формы церкви Покрова отсутствуют в соборе в Модене, на что указано особо, поскольку это говорит о «сборном» характере романской артели, прибывшей на Русь для возведения построек по заказу князя Андрея Боголюбского: в этой артели ядро составляли мастера, связанные с собором в Модене, но были здесь и такие мастера, которые происходили из других центров Северной Италии или ориентировались на архитектуру этих центров. И все же собор в Модене можно рассматривать как основной источник форм церкви Покрова и более ранних построек князя Андрея — Успенского собора во Владимире (1158–1160) и церкви Рождества Богородицы в соседнем с церковью Покрова Боголюбове. Можно говорить об «адресе» прибывшей артели: она была связана с Моденой,

* *Седов Владимир Валентинович*, доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, профессор, заведующий кафедрой истории отечественного искусства исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; главный научный сотрудник Института археологии РАН

Sedov Vladimir Valentinovich, Doctor in Art History and Criticism; Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; Professor, Head, Department of the History of Russian Art, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University; Chief Scholar, Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences

+7-903-794-30-70; sedov1960@mail.ru

но при этом не слепо следовала формальным и стилистическим решениям моденского собора, а в некоторых случаях развивала или только модифицировала эти решения.

Ключевые слова: русское искусство, Древняя Русь, Владимиро-Суздальское княжество, древнерусская архитектура, романская архитектура, связи Италии и Руси.

Abstract. The article considers the relationship between the architectural forms of the small church of Intercession on the Nerl', the most important and probably the most renowned monument of the mid-12th-century Vladimir-Suzdal' architecture, and the enormous diocesan Modena cathedral, which was founded in 1099 and then built until the second half of the 20th century. According to the later, not fully verified tradition, the Church of Intercession was erected in 1165 by order of Prince Andrei Bogolyubsky (1157–1174) as a church of a small monastery (this date can be considered relatively reliable). In the course of the study, it became evident that most of the forms of the Church of Intercession on the Nerl' belong to the Italian version of the Romanesque style. Moreover, a significant part of these forms has direct analogues in the slightly earlier architecture of the cathedral in Modena, the most important and complex building of Romanesque architecture in the historical region of Emilia. Some forms of the Church of Intercession are lacking in the cathedral of Modena, and this fact evidently indicates to the "combined" structure of the Romanesque team that came to Russia to erect buildings commissioned by Prince Andrei Bogolyubsky: its core consisted of the masters associated with Modena cathedral, but there were also masters from other centers of Northern Italy or those who reproduced the architectural style of these cities. Nevertheless, Modena cathedral can be viewed as the principal source of the elements of the Church of Intercession and Prince Andrei's earlier buildings — the Assumption Cathedral in Vladimir (1158–1160) and the Church of the Nativity of the Virgin at neighbouring Bogolyubovo. One can indicate Modena as the "home address" of the team, who, though not blindly copying formal elements and following stylistic programme of Modena Cathedral in some cases developed or only modified it.

Keywords: Russian art, Early Rus', Vladimir-Suzdal' principality, Old Russian architecture, Romanesque architecture, relations of Italy and Russia.

* * *

Статья посвящена сравнению двух известнейших памятников архитектуры — церкви Покрова на Нерли и собора в Модене. Церковь Покрова на Нерли является важнейшим образцом архитектуры Владимиро-Суздальского княжества третьей четверти XII в., памятником, относящимся ко времени правления князя Андрея Юрьевича Боголюбского (1157–1174).

Летописные и иные источники рисуют следующую картину строительной деятельности Андрея Боголюбского. Во Владимире в

1158 г. был заложен, а в 1160 г. был уже окончен и роскошно украшен Успенский собор, «церковь Богородицы»[1]. В 1161 г. этот храм был расписан, его роспись была окончена в августе[2].

В 1161–1162 гг. была построена церковь Успения в Ростове[3], а в 1164 г. освящена церковь на Золотых воротах во Владимире[4], сооруженная, очевидно, после Успенского собора, в 1161–1164 гг.; в том же 1164 г. году была заложена церковь Спаса во Владимире[5]. Это всё, о чем сообщают летописи: два больших собора, во Владимире и Ростове, Золотые ворота с надвратной церковью и церковь Спаса во Владимире — четыре белокаменных постройки. О том, что происходило с 1164 г. и до 1174 г., т.е. в течение десяти лет, летописи не говорят.

Но мы знаем, что к востоку от Владимира князь Андрей основал город Боголюбово, или Боголюбов (по данным IV Новгородской летописи и Рогожского летописца город был «заложен» князем в том же 1158 г., когда и Успенский собор[6]), где выстроил несколько белокаменных зданий, среди которых была великолепно украшенная церковь Рождества Богородицы. Церковь Рождества Богородицы в Боголюбове, сохранившаяся только в нижних частях, лестничная башня рядом с ней, соединенная арочным переходом с церковью, а также остатки другого перехода и кивория над водосвятной чашей — все эти части монументального комплекса не имеют четкой датировки, но к моменту смерти князя в 1174 г. они уже существовали[7]. В поздней летописи говорится о том, что церковь Рождества Богородицы была основана в 1158 г., а окончена в 1159 г. и в том же году расписана (т.е. строилась и расписывалась одновременно с Успенским собором или даже чуть раньше), в 1160 г. строительство продолжалось, была построена церковь мученика Леонтия, в 1161 г. — каменные ворота с надвратной церковью Андрея Первозванного[8].

---

[1] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1962. С. 348, 351.

[2] Там же. С. 351.

[3] *Кулаков В.И.* Прусские пояса орденского времени // Genesis: Исторические исследования. 2017. № 1. Рис. 2.

[4] *Kazakevičius V.* Iš vėlyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (kalavių makstų galų apkalai) // Lietuvos archeologija. T. XV. Vilnius, 1998. P. 311, 40 pav.

[5] *Жулкус В.* Изменения в мировоззрении куршей в раннем средневековье // Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию В.В. Седова. М., 2004. С. 157, 158.

[6] *Кулаков В.И.* Неманский янтарный путь в эпоху викингов. С. 64.

[7] *Gaerte W.* Kriechkultur in Altpreußen // Alt-Preußen. Jg. 1. H. 3. 1935. S. 180, 181.

[8] *Кулаков В.И.* Прусские пояса орденского времени // Genesis: Исторические исследования. 2017. № 1. С. 152.

Когда же был возведен комплекс церкви и переходов в Боголюбове, можно ли верить сообщениям позднего летописца? Пока точного ответа у нас нет. Теоретически можно, вслед за IV Новгородской летописью, Рогожским летописцем и архимандритом Аристархом, предположить, что церковь Рождества Богородицы в Боголюбове строилась в конце 1150-х — начале 1160-х гг., в одно время с Успенским собором во Владимире. Сооружать собор в стольном граде одновременно с комплексом в небольшом пригороде, Боголюбове, было, наверное, сложно, но возможно: для этого требовалось разделить артель мастеров на две части или образовать сразу две артели.

Сравнение Боголюбовского комплекса, или хотя бы церкви Рождества Богородицы в Боголюбове, и Успенского собора во Владимире, который мы предполагаем осуществить в будущем, должно пролить свет на схожесть или различие приемов в этих двух важнейших постройках. Но здесь есть затрудняющие обстоятельства: и церковь Рождества, и Успенский собор сохранились не полностью — первый памятник упал, был выстроен заново и сохранил древние формы только до уровня первых рядов кладки над фундаментом и лишь в одной части поднимается выше, второй — обстроен несколько десятилетий спустя, фасады его частично закрыты, частично прорезаны поздними арками, алтарная часть уничтожена. В результате сравнение этих памятников между собой, как и сравнение с романскими памятниками Европы, затруднено ограниченностью информации.

Гораздо плодотворнее выглядит сравнение романских памятников и церкви Покрова на Нерли, памятника великолепно сохранившегося (за исключением галерей с трех сторон), а потому обладающего всем набором форм, от композиционных до форм членения фасадов, а также крупных (порталы) и относительно мелких (окна, профили закомар и цоколей, аркатурно-колончатые пояса) декоративных форм.

Церковь Покрова на Нерли расположена примерно в двух километрах от комплекса в Боголюбове, она стоит на небольшом холме при впадении реки Нерль в Клязьму, с запада от храма находится небольшое озерцо. Храм не имеет твердой летописной датировки, в древнерусских летописях о его строительстве ничего не сообщается. Датировка храма основывается на сообщении позднего монастырского летописца, который отмечает в 1165 г. окончание храма Покрова на Нерли: «В лето 6673 (1165) Великий Князь Андрей Георгиевич Боголюбский, недалече от Боголюбиваго града и обители, на реке

Клязме в лугу, нача здати церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, на устье реки Нерли, из собираемых и двоелетием возимых из Болгаров для строения во Владимире Соборныя Успения Пресвятыя Богородицы большия церкви и других, десятыя части, яже по повелению его на том месте отлагаемы бываху; и пособием Богоматере сего ж лета церковь Покрова Пресвятыя Богородицы соверши, и обитель монашествующих при ней содела»[9].

Известно, что в более позднее время церковь Покрова была храмом небольшого мужского монастыря; нет сомнений в том, что она была монастырским храмом с самого начала. Князь Андрей Боголюбский основал этот небольшой монастырь с великолепным белокаменным храмом рядом с Боголюбовым, где он поставил чудотворную икону и где подолгу жил.

Относительную хронологию трех главных построек Андрея Боголюбского выстроить трудно, во многом она остается гипотетической. Можно осторожно предположить, что комплекс в Боголюбове и собор Успения во Владимире сооружались почти одновременно, с 1158 по 1160 г., затем строители собора поехали в Ростов, тогда как строители Боголюбова продолжили возведение построек в этой княжеской резиденции, а затем, в 1165 г. выстроили по соседству церковь Покрова на Нерли. Если это так, то церковь Покрова представляет собой пример одного из наиболее поздних зданий, сооруженных группой романских мастеров по заказу князя Андрея. Этот памятник, если рассмотреть внимательно его формы, способен рассказать и о происхождении мастеров, и об особенностях заказа. Последнее должно явиться предметом особого исследования в будущем, тогда как характер и происхождение мастеров церкви Покрова может быть выяснено, пусть не до конца, в рамках данного исследования.

Церковь Покрова на Нерли нельзя назвать хорошо изученным памятником. Несмотря на то что этот памятник сначала был издан монографически[10], а затем ему была посвящена глава в обширной книге[11], его исследование вряд ли можно считать законченным.

Напомним, что темой нашей статьи является сравнение церкви Покрова на Нерли и собора в Модене. Два этих памятника, которых

---

[9] *Gaerte W.* Volksglaube und Brauchtum Ostpreussens. Beiträge zur vergleichenden Volksglaube, Marburger Ostforschungen. Bd. 5. Würzburg, 1956. S. 51.

[10] *Рзянин М.И.* Покров на Нерли / Памятники русской архитектуры. Вып. III. М., 1941.

[11] *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. I. М., 1961. См. также: *Иоаннисян О.М.* Зодчество-Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. // Дубов И.В. Города, величеством сияющие. Л., 1985. Прилож. 2. С. 152–154.

разделяют тысячи километров, по всей видимости, связаны общностью форм. На эту связь впервые обратил внимание О.М. Иоаннисян, указавший на сходство решений углов обоих сооружений: и в церкви Покрова, и в соборе в Модене есть угловые колонны, которые как будто выдвинуты вперед[12]. Мы предлагаем называть такие колонны диагональными, поскольку относительно прямого угла здания они выступают так, что являются продолжением диагонали (это диагональ воображаемого квадрата, построенного во внутреннем углу здания).

Помимо угловых колонн О.М. Иоаннисян указал также на аркатурный поясок, аркатурную галерею и многообломные пилястры собора в Модене, предположив влияние этого памятника на храм в Боголюбове и церковь Покрова на Нерли[13]. В дальнейшем он развил свои предположения в главе о зодчестве Северо-Восточной Руси в новой «Истории русского искусства», где с собором в Модене сравниваются угловые колонны церкви Покрова на Нерли и ее аркатурно-колончатые пояса[14].

В данной работе мы хотели бы продолжить работу по сравнению церкви Покрова и собора в Модене, сосредоточившись в основном на прямых аналогах, но также на тех формах церкви Покрова, которые в Модене параллелей не находят.

Начнем с того, что строительство посвященного святому Гемениану собора в Модене, расположенной в исторической итальянской области Эмилия, было начато в 1099 г. и вчерне закончено к 1106 г. Известно имя архитектора, это был Ланфранко, тогда как скульптором был Вильгельмо (Гульельмо). Творчество Ланфранко и Вильгельмо во многом определило образ романской архитектуры Эмилии. Строительство огромного храма продолжалось до 1184 г., когда в крипте были установлен саркофаг с мощами святого Гемениана[15]. Напомним, что строительство князя Андрея Боголюбского

---

[12] *Иоаннисян О.М.* Романские истоки зодчества Владимиро-Суздальской Руси времени Андрея Боголюбского (Германия или Италия?) // Византийский мир: Искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти О.И. Подобедовой. М., 2005. С. 53–54.

[13] *Иоаннисян О.М.* Романские истоки зодчества Владимиро-Суздальской Руси… С. 48–50.

[14] *Иоаннисян О.М.*. Зодчество второй половины XII века // История русского искусства. Т. 2/2. Искусство второй половины XII века (гл. «Зодчество Северо-Восточной Руси конца 50-х — середины 70-х годов XII в.»). М., 2015. С. 115–118.

[15] О соборе в Модене и его контексте см.: *Quintavalle A.C.* Wiligelmo. Firenze, 1967. 121; *Rotili M.* Wiligelmo e il Romanico. Milano, 1968; *Kubach H.E.* Architecture romane. Paris, 1981. P. 185; *Stocchi S.* Émilie romaine. Plaine du Po. Zodiaque, 1984. P. 249–288;

началось в 1158 г., а храм Покрова на Нерли был возведен в 1165 г., т.е. теоретически мастера из Модены — не сам Ланфранко, а кто-то из его помощников или учеников — могли попасть во Владимиро-Суздальское княжество.

Эти два памятника очень сильно различаются по размерам, по типу пространственного решения, даже по деталировке. И все же в них есть группа общих черт, которые играют решающую роль для определения происхождения мастеров, которые участвовали в строительстве на Нерли одного из лучших древнерусских храмов, а также в понимании творческой манеры этой группы зодчих и каменщиков. Можно говорить об определении художественного «лица» той артели, которая построила церковь Покрова.

Мы понимаем, что для создания полного «портрета» этой артели еще нет достаточно материала, что дальнейшие исследования привнесут необходимые и, вероятно, очень существенные коррективы, но все же рискуем предпринять труд по составлению наброска или эскиза такого портрета.

Этот портрет, по нашей мысли, должен проступить в результате последовательного сравнения церкви Покрова на Нерли с собором в Модене, которое, как мы рассчитываем, позволит проявиться родовым чертам, общим для обоих памятников.

Но мы хотим также указать на то, что при таком «портретировании», построенном на постоянном сравнении, должны проявиться и те особенные черты, которых в Модене нет, которые составляют оригинальность церкви Покрова. Эти черты могли бы указать на многосоставный или, что то же, сборный характер артели или на использование ею особых, дополнительных мотивов и форм, необходимых для создания нового образа в совершенно неизвестных до того условиях, в чужой стране (рис. 1).

Церковь Покрова на Нерли принадлежит к древнерусскому типу храма — вписанного креста, в котором место византийских колонок занимают столбы, а абсиды примыкают непосредственно к девятидольному ядру (это так называемый простой тип византийского храма, без дополнительного членения перед абсидами, без вимы). Большое значение имеют хоры, площадка второго яруса,

---

Conant K.J. Carolingian and Romanesque Architecture 800–1200. New Haven; London: Yale University Press, 1993. P. 402–403; *Zevi B.* Storia e controstoria dell'architettura in Italia. Roma, 1993. P. 248–250; Il Duomo di Modena / A cura di G. Malafrina. Modena, 2003; *Fernie E.* Romanesque Architecture. The First Style of the European Age. New Haven; London: Yale University Press, 2014. P. 86–87; *Tosco C.* L'architettura medieval in Italia. 600–1200. Bologna, 2016.

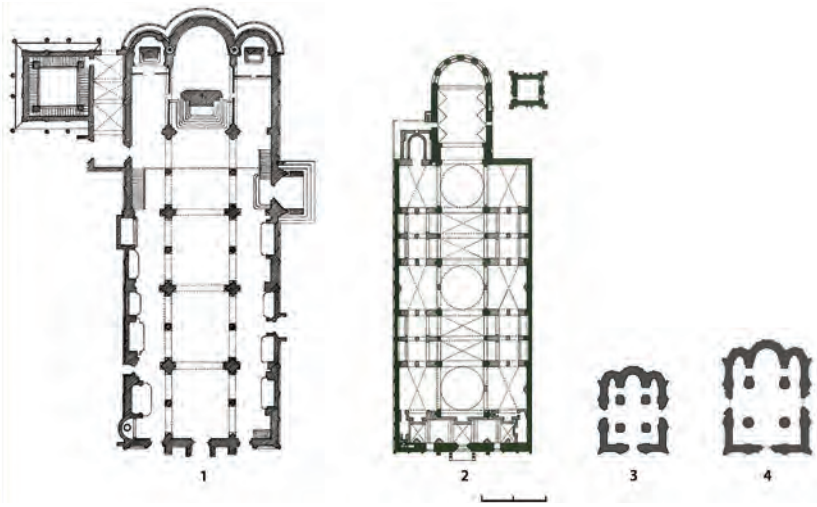


Рис. 1. Сравнение планов: 1 — собор в Модене; 2 — собор в Ферраре; 3 — церковь Покрова на Нерли; 4 — церковь Рождества Богородицы в Боголюбове

расположенная в западной трети храма. Она обуславливает как саму двухъярусность этой части храма, так и увеличение его западной трети относительно средней и восточной третей или, лучше сказать, травей: западная травея перестает быть собственно третью, третьей частью, а становится самой обширной травеей из трех.

На продольном разрезе церкви Покрова хорошо видна эта структура, в которой двухъярусность западной части как будто противопоставлена единому на всю высоту пространству средней и восточной третей и высоких абсид. Это, безусловно, образец древнерусского типа храма, но он почему-то обладает необычайной стройностью, более заметной там, где пространство едино, а также там, где его можно охватить взглядом (с запада взгляд перекрывают хоры), как это можно ощущать при взгляде из боковых рукавов креста; а также это можно заметить на поперечном разрезе. Здесь пространство храма особенно заметно становится вертикальным, практически башнеобразным.

Вместе с тем, аксонометрический разрез церкви на Нерли дает представление о достаточно сбалансированных пропорциях и продуманном соотношении внешней обработки, декорации объема и столь же структурированного интерьера.

При сравнении церкви Покрова на Нерли, этого небольшого и очень стройного памятника, с грандиозным объемом собора в Модене поначалу трудно найти общие черты. Собор в Модене является базиликальным зданием с тремя нефами, из которых средний повышен и освещен окнами наверху; с востока он завершается тремя абсидами с повышенной средней. Разница абсид по высоте с востока является откликом не только на западный фасад, где также средняя часть повышена, но, скорее, на базиликальное построение и базиликальный разрез всего храма. В церкви Покрова на Нерли нет такой четкости структуры, этот небольшой храм завершен разновысотными полукружиями закомар и куполом на высоком и стройном световом барабане.

При внимательном взгляде на западные фасады обоих памятников, большого городского собора и компактной и как будто хрупкой церкви, начинают проступать черты сходства: прежде всего, это вертикальные тяги, в церкви Покрова при довольно узких фасадах преобладающие, а в моденском соборе не второстепенные, даже наоборот, но метрически монотонные. Эти тяги состоят из полуколонн большого ордера, наложенных на лопатки. Кроме того, есть и дополнительное сходство между двумя памятниками, заключающееся в двухярусности стены, в рядах аркатур, пересекающих фасады примерно посередине.

Но все же это разные здания, построенные в общем, романском, стиле, но в разных манерах, в разных «ключах». А при взгляде на внутреннее пространство разница их типов вновь усиливает различия памятников, превращая их в противоположные полюсы.

Итак, собор в Модене представляет собой монументальную постройку базиликального типа, тогда как храм на Нерли не только намного меньше, но и принадлежит к другому, византийскому типу вписанного креста с куполом на высоком барабане. Еще больше разница между церковью Покрова и огромным собором в Ферраре, тоже базиликального типа, развивающим основные темы и декоративные решения собора в Модене (рис. 2).

Сравнение величественных построек латинского Запада и миниатюрной древнерусской церкви наводит на мысль о присутствии на строительной площадке церкви Покрова древнерусского мастера, определявшего и общий тип монастырского храма на Нерли, и его размер, и соотношение объемов, и даже, возможно, вертикальность. Неизвестно, как могли взаимодействовать романские мастера и древнерусский мастер, но существование второго для нас является

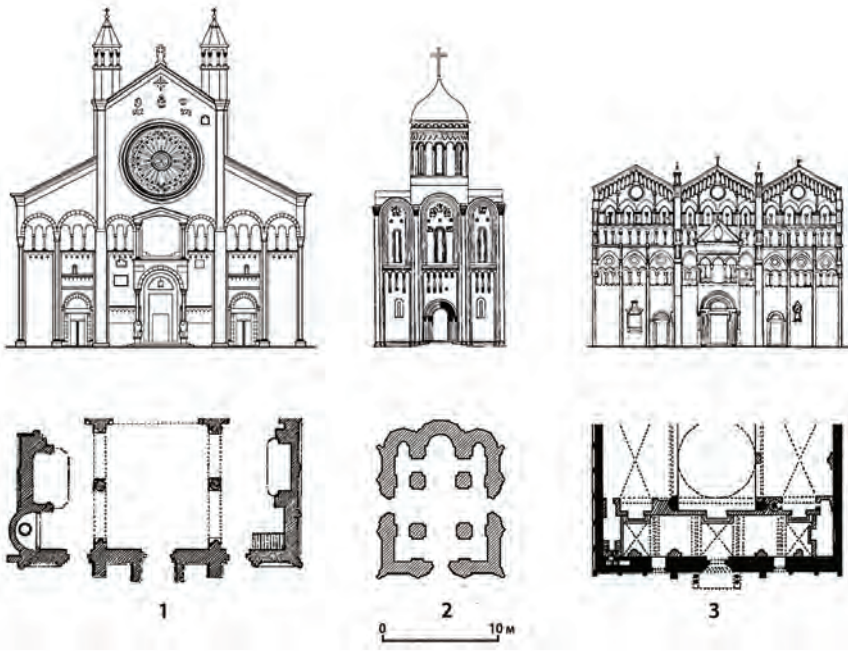


Рис. 2. Сравнение фасадов и фрагментов планов: 1 — собор в Модене; 2 — церковь Покрова на Нерли; 3 — собор в Ферраре

единственным объяснением древнерусских форм здания, все время проступающих сквозь романскую архитектурную декорацию на фасадах, а в интерьере — господствующих и как будто только нехотя допускающих отдельные романские детали (основания столбов и капители с рельефными львами). Но и романские мастера сыграли столь значительную роль, что просто необходимо искать все черты сходства между церковью Покрова и собором в Модене — чтобы убедиться в том, что мастера были связаны именно с Моденой.

Сходство усиливается при прямом сопоставлении восточных фасадов церкви на Нерли и собора в Модене: чувствуется общий характер членения поверхностей сразу как вертикальными тягами, так и невысокими рамками, обрамляющими поля стены, которые мы называем филенками. Эти рамки, или филенки имеют горизонтальное основание в виде цоколя, боковые границы в виде уступов и верхнее горизонтальное завершение с «бахромой» аркатуры.

При взгляде на восточные фасады возникает ощущение единого стиля, хотя при таком угле зрения еще нельзя говорить о

едином стиле мастера или артели, а только об общих особенностях трактовки большого стиля, некоем своеобразном варианте романики, возможно — региональном, сказавшемся и там, и тут. Общие для двух столь далеко отстоящих зданий особенности — это: рационализм, логичность членений, мастерство обработки поверхностей и разделяющих их форм, особое чувство драгоценности материала.

Наиболее важной чертой сходства собора в Модене и церкви Покрова является, как уже было сказано, устройство угловых, диагональных колонок на углах. В моденском соборе, где, по всей видимости, эта форма была создана около 1099 г., когда началось строительство храма архитектором Ланфранко, такие колонки отмечают все четыре угла собора. Эта форма связана, без сомнения, с определенной классической нотой: для того, чтобы колонка на углу одинаково «работала» на два смежных фасада, нужно, чтобы она была не утоплена, а выдвинута по диагонали. Эту же форму можно найти и в древнегреческом варианте псевдопериптера (имитации периптера, храм Зевса в Акраганте, начало V в. до н.э.), в алтаре Артемиды в Магнезии (II в. до н.э.) и в древнеримских псевдопериптерах (храм Портунуса на Бычьем форуме в Риме, II–I вв. до н.э.). В Модене в конце XI в. она была «изобретена» вновь для того, чтобы применить на фасаде декорацию с колоннами. Использование этой декорации превратило базилику в вариант псевдопериптера.

Архитектурная декорация церкви Покрова на Нерли с ее полуколоннами большого ордера, несомненно взятыми из собора в Модене и распределенными как на углах, так и на границах среднего прясла западного и боковых фасадов, также делает этот монастырский храм псевдопериптером, очень компактным, всего с тремя интерколумниями (пряслами) на каждом фасаде, с неравным ритмом интерколумниев, но именно псевдопериптером. И это превращение наоса храма типа вписанный крест в псведопериптер настолько удивительно, что сразу же заставляет думать о приезжих мастерах, оформивших чужеродную для них модель самым радикальным, известным только им, моденцам, способом.

Заметим здесь, что помимо собора в Модене и уже упомянутого собора в Ферраре диагональные колонки нигде не встречаются. Они составляют, таким образом, особую «метку», говорящую о том, что пришедшие к князю Андрею Боголюбскому около 1158 г. мастера были не из Ломбардии, а из Модены (и/или Феррары), т.е. эти мастера происходили из области Эмилия и вышли из мастерской крупного и яркого зодчего, каким, без сомнения, был Ланфранко.

Сравнение диагональных колонок церкви Покрова и собора в Модене говорит о том, что перед нами работа по абсолютно схожим лекалам: это довольно крупные круглые формы, которые наложены на плоскость так, что около колонн образуются вертикальные уступы. Эти уступы можно принимать за двухуступчатую лопатку, но можно думать о них и как о двухуступчатых рамках, обходящих филенки, помещенные в каждом прясле.

На углах эти колонки выглядят очень впечатляюще, что еще больше усиливается в церкви Покрова, где нет нагружающих колонну верхних частей, как в Модене, а потому колонна смотрится почти свободно, определяя и структурируя значительную часть объема рядом с собой.

Нужно сказать, что рациональность и мерность, которая заметна на всех фасадах моденского собора, на боковых фасадах церкви на Нерли вынужденно отступает: здесь прясла разной величины, обусловленные древнерусскими образцами с увеличенной западной частью под и над хорами, сообщают фасаду какой-то последовательно увеличивающийся с запада на восток, но никак не мерный и не симметричный ритм.

При рассмотрении восточных фасадов церкви Покрова и собора в Модене тоже ощутим определенный сбой логики в первом памятнике: если в соборе на абсиды перешли членения западного и боковых фасадов (на малых, боковых абсидах аркатура и галерея над ней все же несколько понижены относительно таких же форм на боковых фасадах, а на более высокой средней абсиде эти членения как будто подскакивают вверх). В церкви Покрова абсиды лишены членения посередине, они завершаются наверху аркатурно-колончатым поясом, не соотносящимся ни с чем на боковых фасадах; на средней абсиде этот пояс тоже «подскакивает», но не так сильно, как в Модене.

Вообще абсиды Нерли обработаны более дробно, что при меньших размерах и относительно большой высоте дает эффект, подчеркивающий стройность алтарной части. Аркатурно-колончатый пояс, безусловно, когда-то раньше произошедший из ломбардской галереи, такой же, как на абсидах моденского собора, в церкви Покрова представляет собой форму, отсутствующую в Модене, такую вариацию, происхождение которой требует особого исследования. Подобные формы в североитальянской архитектуре есть, но — не в Модене. Этот мотив был занесен в круг мотивов строившей церковь Покрова артели каким-то особым мастером, который не был напрямую связан с Ланфранко или его последователями и который

привносил в формальный лексикон этой артели новые «слова», столь обогатившие язык фасадов храма на Нерли.

Аркатурно-колончатый пояс церкви Покрова заслуживает особого исследования, он составлен из североитальянских элементов, но получил своеобразную трактовку — как из-за скульптурных консолей, так и из-за ярко обозначенного энтазиса фустов колонок, в итальянских образцах совсем не таком заметном.

При этом сочетание декора разновысотных абсид в этих памятниках так же разнится, как перепад высот самих абсид: в Модене в целом рациональный характер членений дает ощутимый «подскок» на средней абсиде, сочетающийся с зауженными «пряслами» на боковых абсидах — это сжатие при приближении к большой абсиде; в церкви Покрова «подскок», или «прыжок» декора едва заметен и принадлежит к тонким модуляциям внутри одного строя, в целом тоже рационального, но уже несколько сдвинутого в сторону иррациональности.

Построение стыков больших форм в Модене и на Нерли в чем-то похоже (сравним, например, короткий отрезок прясла, одинаковый для обоих памятников; он находится между диагональными восточными колонками и началом боковых абсид), а в чем-то отличается: чтобы сопоставить формы на стыках между абсидами зодчий собора в Модене поместил узкое прясло, завершенное вверху аркой, тогда как мастера церкви Покрова применили гораздо более распространенный в Ломбардии и Эмилии прием с двумя исходящими из угла лопатками, обозначающими края двух филенок, как будто «оборачивающих» полукружия абсид.

Обратим внимание на цоколи сравниваемых памятников: если в Модене это сильно выступающий цоколь с профилировками по верхнему скосу, то в церкви Покрова цоколь представляет сложнопрофилированную обработку выступающего низа стены, по своим обломам повторяющую или развивающую профилировку базы колонн. В Модене базы колонн как будто механически поставлены на цоколь, хотя при этом обработка баз очень сложная. Этот прием разнится в двух памятниках и в названных угловых колоннах, и в промежуточных.

Если сравнивать закомары церкви Покрова и арки большой аркады на фасадах собора в Модене, то обнаружится, что в храме Покрова обработка много сложнее, чем в Модене, но эта сложность, пусть и умноженная прямо на строительных лесах церкви на Нерли, происходит из более ранних памятников Владимиро-Суздальской Руси, конкретно — из церкви Бориса и Глеба в Кидекше (где уже

есть ступенчатый архивольт закомар). Из этого же более раннего храма взят отлив кладки, сопровождающийся косым профилем, и пояс поребрика под отливом. Из Спасо-Преображенского собора в Переславле пришла, кажется, такая форма обработки барабана церкви Покрова, как уступчатые книзу «городки». Эта группа форм (архивольты, отлив кладки, «городки», может быть — окна под хорами на западном фасаде с их двухраструбным сечением) связана с внимательным изучением итальянскими мастерами местных памятников предыдущего времени, княжения Юрия Долгорукого[16]. Только такая форма, как уступчатый архивольт, была мастерами церкви Покрова усложнена тем, что в обломы были введены валики, а это превратило профили закомар в волнующиеся системы.

Ощущение слоистости стены в церкви Покров на Нерли появляется, как было сказано выше, за счет уступов филенчатых рамок, ограничивающих нижние и верхние части прясел. Эта сложная форма есть и в соборе в Модене, так что она пришла несомненно из круга мастеров, окружавших Ланфранко.

На абсидах эта сложная форма в Модене продолжается и остается такой же сложной, а в церкви Покрова уступов филенок уже нет, стена просто круглится (можно только воспринимать всю абсиду как филенку), а колонки в церкви Покрова делаются тонкими тягами, вверху включенными в аркатурно-колончатый пояс. Тонкие колонки церкви на Нерли — форма, отсутствующая в Модене и пришедшая из других памятников Северной Италии. Их еще предстоит отыскать, но уже сейчас мы можем указать на тонкие колонки-лизены на абсидах таких романских памятников Эмилии, как соборы в Пьяченце (1150–1179) и Фиденце (ок. 1106 г.; далее еще несколько строительных периодов) и городской храм в Кастелль'Аркато (1117–1122)[17].

Отдельно следует сказать о капителях колонн большого ордера церкви на Нерли. Они сделаны мастерски, это варианты капителей коринфского ордера с очень стилизованной и обобщенной корзиной, в которой отдельные листья аканфа превращаются почти в раппорт орнамента. Коринфские же капители собора в Модене, особенно на западном фасаде, принадлежат самому главному скульптору со-

---

[16] О церкви Бориса и Глеба в Кидекше и Спасо-Преображенском соборе в Переславле-Залесском см.: *Седов Вл.В.* Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском и церковь Петра и Павла в Смоленске: Два варианта синтеза древнерусской и романской архитектуры // Древнерусское искусство. Византийский мир: Региональные традиции в художественной культуре и проблемы их изучения. К юбилею Э.С. Смирновой. М., 2017. С. 227–239.

[17] *Stocchi S.* Émilie romaine. Plaine du Po. Zodiaque, 1984. P. 27–31, 65 –72, 83–97.

бора, Вильгельмо, или кому-то из мастеров из ближнего круга этого скульптора, а потому эти капители представляют барельефы с фантастическими персонажами и значительно отличаются от капителей владимиро-суздальского памятника.

Даже в трактовке листьев аканфа коринфских капителей на боковых фасадах собора в Модене и церкви Покрова разница огромна: в Модене есть ощущение стилизованного реализма в передаче рваного характера листьев, тогда как в церкви Покрова это орнаментальная стилизация, сплавляющая узнаваемые формы во что-то уже почти неузнаваемое, без какой-либо отсылки к реальному растению.

В Модене скульптор (и архитектор вместе с ним) в чисто архитектурных коринфских капителях (без антропоморфных и зооморфных форм) работают над воссозданием античности, пытаясь передать и уже как будто даже передавая мягкость и сложность листьев аканфа, их изгиб, даже окружающий их воздух, то есть возвращаются к античным образцам, нащупывают дорогу к тому, что можно было бы назвать проторенессансом внутри романики. А в капителях церкви Покрова всё застыло, все листья как будто оцепенели и слились в одну обобщенную корзину. Заметим, что стилизованные орнаментальные капители церкви на Нерли очень похожи одна на другую, причем как в большом ордере, так и в малых, тогда как капители собора в Модене сильно отличаются друг от друга. В церкви Покрова все капители делали примерно по одному образцу, в то время как в Модене они создавались разными мастерами и по-разному.

Итак, в церкви на Нерли перед нами работа очень хороших, внимательных романских мастеров, просто не тех, кто работал в Модене. Эта разница с Моденой, сказавшаяся в присутствии на стройке церкви на Нерли скульпторов обобщенно-плоскостного, чисто романского направления (и в отсутствии скульпторов, вглядывавшихся в античность), а также арктурно-колончатые пояса и тонкие лизены на абсидах, отсутствующие в Модене, указывают на то, что артель, строившая храм Покрова, включала не только выходцев из Модены (они определяли целое и во многом придумали облик фасадов), но и какую-то другую группу североитальянских мастеров.

Впрочем, ситуация могла быть и более сложной. Среди капителей колонок, поддерживающих своды крипты в соборе в Модене, мы находим капители с очень обобщенными, орнаментальными формами, во многом близкими к тому, что только что описывали, с капителями колонн и колонок на Нерли. Возможно, что резчики с более сдержанным и как будто подчеркнуто средневековым стилем, работавшие в

Модене, и выехали во Владимиро-Суздальскую Русь. Хотя сходство и не полное, не настолько большое, чтобы можно было говорить в данном случае об одной руке. Скорее, все же, мастера-скульпторы были из другого художественного центра.

Сказанное о капителях колонок и колонн Нерли применимо и к большинству скульптурных, изобразительных рельефов: в Модене они имеют оттенок резкости и оригинальности, в церкви Покрова всё немного сглажено, уплощено, превращено почти в орнамент.

Проблему составляют и порталы. И в Модене и в церкви на Нерли они перспективные, но в Модене они намного более плоские, в церкви же Покрова уступов больше, больше колонок, а верхний рельефный архивольт решительно отдаляет порталы Нерли от порталов Модены.

Ближайший аналог рельефным перспективным порталам Нерли следует искать в романской архитектуре Павии, где в церкви Сан-Микеле порталы имеют почти ту же иконографию и почти ту же трактовку (за исключением последнего архивольта, который и там плоский, а не рельефный, как в церкви Покрова на Нерли).

Отдельно нужно сказать об окнах церкви Покрова. Окна верхнего яруса с перемежающимися прямоугольными и валиковыми уступами взяты не откуда-нибудь, а из перспективных порталов. Таких окон в соборе Модены нет, здесь окна другие, в их перспективном построении присутствуют вогнутые обломы уступов, обведенные по краю валиком.

А вот на абсидах церкви на Нерли обнаруживаются как раз такие «моденские» окна. Несмотря на то что они почти щелевидные и очень высокие, а окна собора в Модене шире и ниже, обломы обоих памятников схожи. Только в церкви на Нерли после раструба идет один вогнутый облом, обрамленный валиком, проходящим и в архивольте, и по сторонам окна. Окна абсид церкви Покрова говорят о присутствии здесь мастеров непосредственно из Модены. Эти окна, трактовка полуколонок и филенок, а также диагональные колонны на углах составляют целое «досье» свидетельств присутствия в районе Владимира мастеров из круга Ланфранко.

Нужно лишь внимательно сравнить архивольты указанных окон, чтобы увидеть принципиально схожее решение, основанное на применении мягких вогнутых профилей. Похожее по профилировке окно имеется и на южном фасаде собора в Модене. Особенно близки при сравнении архивольты этого гораздо более стройного (по сравнению с окнами на абсидах) проема и окон абсид церкви Покрова.

Профилировка закомар церкви Покрова тоже требует объяснения: здесь мы видим валовые тяги и вставленные между ними прямоугольные уступы, как на окнах верхней части четверика и как в порталах. Откуда же взялись эти закомары и эти окна с перемежающимися уступами, прорезающие стены четверика церкви Покрова? Эти окна, столь далекие от окон абсид и большинства окон боковых фасадов Модены, кажется, взяты из перемежающихся обломов порталов самой церкви Покрова и церкви Михаила в Павии.

Еще одну проблему составляют базы полуколонн, членящих фасады церкви Покрова на Нерли. Их крупные, смело и ясно нарисованные аттические профили в принципе похожи на то, что мы видим в базах собора в Модене, но у них есть и важное отличие: они имеют по диагоналям так называемые когти. Эти когти являются вполне распространенной деталью баз колонн и колонок романского стиля, они очень широко распространены в романской архитектуре и во Франции, и в Германии. Но в Северной Италии, и вообще в Италии, их практически нет, за исключением некоторых памятников на севере Ломбардии. Вероятно, оттуда они и происходят; затем, после церкви Покрова на Нерли они стали характерной деталью Владимиро-Суздальского зодчества. Для нашей же темы важно то, что в Модене этой формы нет. Это еще один знак присутствия в артели строителей Покрова на Нерли мастеров из разных центров, указывающий на сборный характер артели, в которой все же преобладали мастера, связанные с собором в Модене.

Основания крестообразных в сечении подкупольных столбов церкви на Нерли в целом развивают аттический профиль, но по общему характеру они далеки от профилей столбов внутри собора в Модене; это развитие темы в других условиях — как и в цоколе на фасадах, похожем по профилю на цоколь столбов.

Основной формой, которая не вписывается в круг форм собора в Модене, все же можно считать аркатурно-колончатый пояс, созданный в церкви Покрова на Нерли не то чтобы заново, но с явной целью развить идеи, уже осуществленные при двухъярусном членении церкви Бориса и Глеба в Кидекше, а также для того, чтобы усложнить и обогатить эти идеи формально, ритмически и орнаментально.

В результате мы сталкиваемся в церкви Покрова на Нерли с творчеством такой артели итальянских мастеров, которая при перемещении за тысячи километров не только не растеряла своего мастерства, но и сумела на основе принесенного из Модены опыта

и набора форм создать что-то новое, обогатить фасадную пластику, построить новые композиционные схемы. Знаком этого обогащения остаются аркатурно-колончатые пояса Владимиро-Суздальской архитектуры. Они тоже пришли из Италии, но не из Модены, однако в руках мастеров, связанных с Моденой и оказавшихся на Руси, эти пояса трансформировались в своеобразный символ, отличающий то, что часто называют русской романикой.

Собор в Модене следует воспринимать как основу архитектуры церкви Покрова на Нерли и, заметим, всех памятников времени князя Андрея Боголюбского, т.е. церкви Рождества Богородицы в Боголюбове и ее лестничной башни[18], а также Успенского собора во Владимире. Основой мастерства пришедших зодчих были мотивы и приемы, принесенные из Модены (и, что менее вероятно, из Феррары), из Эмилии, где собор в Модене был недостижимой вершиной местной романики.

В дальнейшем следует изучить памятники более ранние по отношению к церкви Покрова — названный храм в Боголюбове и Успенский собор во Владимире. Но они сохранили свои формы только частично, поэтому мы отложили на будущее рассмотрение этих несколько более древних храмов. Это сделано для того, чтобы можно было отдельные дошедшие до нас формы этих двух сооружений сравнивать сразу и с Моденой, и с церковью Покрова: первый храм представляет собой «шкатулку» с формами, а второй — завершает процесс восприятия форм из этой шкатулки и виден во всей полноте.

Предстоящая работа, несомненно, позволит сформировать более объективный взгляд на соотношение владимиро-суздальских храмов времени князя Андрея Боголюбского и собора в Модене. Но уже сейчас видно, что собор в Модене был источником для большинства форм фасадного убранства церквей Владимира и окрестностей этого времени. Для церкви Покрова на Нерли формы, пришедшие

---

[18] См. наши недавние работы по архитектуре Боголюбова: *Седов Вл.В.* Каменные стены Боголюбова. Исследования 2015 года // Краткие сообщения института археологии (КСИА). Вып. 241. М., 2015. С. 191–202; *Он же.* Северный портал собора Рождества Богородицы в Боголюбове // КСИА. Вып. 246. М., 2017. С. 56–69; *Он же.* Боголюбовский киворий: фиал и проблема интерпретации комплекса // Святая вода в иеротопии и иконографии христианского мира / Ред.-составитель А.М. Лидов. М., 2017. С. 397–414; *Он же.* Лестничная башня в Боголюбове (по материалам раскопок 2015 года) // КСИА. Вып. 249. Ч. II. М., 2017. С. 131–150; *Седов Вл.В.* Скульптурный фрагмент с мордой зверя из Боголюбова // Земли родной минувшая судьба… К юбилею А.Е. Леонтьева. М., 2018. С. 52–61.

из собора в Модене, определяют значительную часть своеобразия и того чувства архитектурной роскоши, которое характерно для этого знаменитого памятника.

Для того чтобы объяснить перенос форм из Модены во Владимиро-Суздальскую Русь нужно не только выявить эти формы. Нужно попробовать охарактеризовать ту историческую обстановку, в какой стало возможным перемещение форм и, следовательно, перемещение мастеров. Мы располагаем только одним указанием на приход мастеров, многократно цитированным или пересказанным. Это указание позднее, содержащееся в примечании к главе 20 «Истории российской» В.Н. Татищева, написанной в первой половине XVIII в., где находим следующий текст, касающийся строительства князя Андрея Боголюбского во Владимире: «Мастеры же присланы были от императора Фридерика Перваго, с которым Андрей в дружбе был, как ниже явится»[19].

Итальянский архитектор Аристотель Фиораванти, увидев старый владимирский собор в 1475 г., похвалил постройку и сказал, что это работа «неких наших мастеров», т.е. указал на итальянское происхождение романских форм собора времени Владимиро-Суздальских князей Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо[20].

Эти два немного неясных указания говорят нам о путях поиска: нужно искать сразу и в Италии, и в землях империи Фридриха Барбароссы, т.е. в Эмилии и Ломбардии. Какие события позволили императору Фридриху послать далекому князю Суздальскому мастеров из Северной Италии, был ли это дипломатический «подарок» или даже ссылка мастеров из какого-то (или нескольких) непокорных городов этих областей, которые император лишал стен или даже сносил, мы пока не знаем. Такие данные, возможно, смогут предоставить историки, опирающиеся на искусствоведческие выводы. Связь владимиро-суздальской архитектуры времени князя Андрея Боголюбского именно с собором в Модене дает определенный ключ для поисков оснований для такой далекой посылки мастеров: у нас есть «адрес» ядра прибывшей ко двору князя Андрея итальянской артели.

---

[19] *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. Т. II, III. М., 1995. С. 244, 246.

[20] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Софийская вторая летопись. М., 2001. С. 220–221.

References

Conant K.J. *Carolingian and Romanesque Architecture 800–1200*. New Haven; London: Yale University Press, 1993. 552 p.

Fernie E. *Romanesque Architecture. The First Style of the European Age*. New Haven; London: Yale University Press, 2014. 300 p.

Il Duomo di Modena / A cura di G. Malafrina. Modena: F.C. Panini, 2003. 125 p.

Ioannisyan O.M. *Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi XII–XIII vv.* [The Architecture of North-Eastern Russia in the 12th–13th Centuries] // Dubov I.V. *Goroda, velichestvo siyayushchiye* [Cities, Shining Majesty]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1985, pp. 140–163.

Ioannisyan O.M. *Romanskiye istoki zodchestva Vladimiro-Suzdal'skoy Rusi vremeni Andreya Bogolyubskogo (Germaniya ili Italiya?)* [The Romanesque Origins of the Architecture of Vladimir-Suzdal' Rus at the Time of Andrei Bogolyubsky (Germany or Italy?)] // *Vizantiyskiy mir: Iskusstvo Konstantinopolya i natsional'nyye traditsii. K 2000-letiyu khristianstva. Pamyati O.I. Podobedovoy* [Byzantine World: The Art of Constantinople and National Traditions. To the 2000th anniversary of Christianity. In memory of O.I. Podobedova]. Moscow: Severnyy palomnik, 2005, pp. 31–70.

Ioannisyan O.M. *Zodchestvo vtoroy poloviny XII veka* [The Architecture of the Second Half of the 12fth Century] // *Istoriya russkogo iskusstva* [History of Russian Art]. Vol. 2/2. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvoznaniya, 2015, pp. 78–118.

Kubach H.E. *Architecture romane*. Paris: Berger-Levrault, 1981. 429 p.

Quintavalle A.C. *Wiligelmo.* Firenze: Sadea/Sansoni, 1967. 121 p.

Rotili M. *Wiligelmo e il Romanico*. Milano: Fratelli Fabri, 1968. 88 p.

Rzyanin M.I. *Pokrov na Nerli* [The Veil on the Nerl'] // *Pamyatniki russkoy arkhitektury* [Monuments of Russian architecture]. Issue III. Moscow: Gosudarstvennoye arkhitekturnoye izdatel'stvo Akademii arkhitektury SSSR, 1941. 36 p.

Sedov Vl.V. *Kamennyye steny Bogolyubova. Issledovaniya 2015 goda* [The Stone Walls of Bogolyubovo. 2015 Research] // *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*. Is. 241. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2015, pp. 191–202.

Sedov Vl.V. *Severnyy portal sobora Rozhdestva Bogoroditsy v Bogolyubove* [The Northern Portal of the Cathedral of the Nativity of the Virgin in Bogolyubovo] // *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*. Is. 246. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2017, pp. 56–69.

Sedov Vl.V. *Bogolyubovskiy kivoriy: fial i problema interpretatsii kompleksa* [Bogolyubovo's *Ciborium*: The Phial and the Problem of Interpreting the Complex] // *Svyataya voda v iyerotopii i ikonografii khristianskogo mira* [The Holy Water in the Hierotopy and Iconography of the Christian World] / Ed. by A.M. Lidov. Moscow: Feoriya, 2017, pp. 397–414.

Sedov Vl.V. *Spaso-Preobrazhenskiy sobor v Pereslavle-Zalesskom i tserkov' Petra i Pavla v Smolenske: Dva varianta sinteza drevnerusskoy i romanskoy arkhitektury* [Cathedral of the Transfiguration in Pereslavl'-Zalessky and the Church of Peter and Paul in Smolensk: Two Versions of the Synthesis of Old Russian

and Romanesque architecture] // *Drevnerusskoye iskusstvo. Vizantiyskiy mir: Regional'nyye traditsii v khudozhestvennoy kul'ture i problemy ikh izucheniya. K yubileyu E.S. Smirnovoy* [Old Russian Art. The Byzantine World: Regional Traditions in Artistic Culture and the Issues of Their Study. To E.S. Smirnova's Jubilee]. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvoznaniya, 2017, pp. 227–239.

Sedov Vl.V. *Lestnichnaya bashnya v Bogolyubove (po materialam raskopok 2015 goda)* [The Staircase Tower in Bogolyubovo (based on 2015 excavations)] // *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*. Is. 249. P. II. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2017, pp. 131–150.

Sedov Vl.V. *Skul'pturnyy fragment s mordoy zverya iz Bogolyubova* [The Sculptural Fragment with the Face of the Beast from Bogolyubovo] // *Zemli rodnoy minuvshaya sud'ba… K yubileyu A.E. Leont'yeva* ["…The Native Land's Past Fate…" To A.E. Leontiev's Jubilee]. Moscow: Institut arkheologii RAN, 2018, pp. 52–61.

Tosco C. *L'architettura medieval in Italia.* 600–1200. Bologna: Il Mulino, 2016. 376 p.

Voronin N.N. *Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi XII–XV vekov* [The Architecture of North-Eastern Russia in the 12th–15th Centuries]. Vol. I. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1961. 583 p.

Zevi B. *Storia e controstoria dell'architettura in Italia.* Roma: Grandi Tascabili Economici Newton, 1993. 751 p.

Поступила в редакцию
11 ноября 2018 г.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» публикует статьи и материалы по отечественной и всеобщей истории, истории искусства, источниковедению, историографии и вспомогательным историческим дисциплинам, этнологии, археологии, архивные документы с научными комментариями, информацию о научных мероприятиях с участием сотрудников исторического факультета МГУ.

Страницы журнала открыты для дискуссий, поэтому его содержание может не отражать точку зрения учредителей и редакционной коллегии. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных, географических названий, статистических и иных сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» выходит один раз в два месяца. При перепечатке материалов журнала в другом издании ссылка на первую публикацию обязательна.

Требования к оформлению статей:

- текстовой редактор: Microsoft Word;
- шрифт: Times New Roman (Times New Roman Cyrillic), 12 кегль;
- полуторный междустрочный интервал (как в тексте, так и в сносках);
- сноски: нумерация сквозная, расположение постраничное, шрифт — 10 кегль, фамилии авторов выделяются курсивом;

Текст представляется в редакцию в распечатанном виде и на usb-накопителе без компьютерных вирусов. Объем статьи — не более 32 тыс. знаков с пробелами для аспирантов, не более 60 тыс. знаков с пробелами — для преподавателей и научных сотрудников. Схемы, рисунки, фотографии и другие изобразительные материалы — на отдельных листах и в отдельных файлах на usb-накопителе.

Статья должна содержать:

- аннотацию объемом от 250 до 300 слов;
- 6–8 ключевых слов или словосочетаний (в словосочетании не должно быть более трех слов);
- сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного

или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;
– список литературы, т.е. перечень всех исследований, процитированных и упомянутых в статье, с указанием издательства и количества страниц.

Предлагаемую для публикации статью нужно сопроводить выпиской из протокола заседания профильной кафедры исторического факультета МГУ с рекомендацией ее к печати. Редакция организует для всех полученных ею статей, в том числе от авторов, не работающих и не обучающихся на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, двойное «слепое» рецензирование.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается. Плата за публикацию рукописей не взимается.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич (главный редактор) – доктор исторических наук, академик РАО, профессор; АНДРЕЕВ Дмитрий Александрович (заместитель главного редактора) – кандидат исторических наук; БОРИСЁНОК Юрий Аркадьевич (заместитель главного редактора) – кандидат исторических наук; БОРИСОВ Николай Сергеевич – доктор исторических наук, профессор; БОРОДАЕВ Владимир Алексеевич (ответственный секретарь) – доктор исторических наук, профессор; БОРОДКИН Леонид Иосифович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; ВАНЕЯН Степан Сергеевич – доктор искусствоведения; ГОЛИКОВ Андрей Георгиевич (заместитель главного редактора) – доктор исторических наук, профессор; ДЕВЯТОВ Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор; КАНТОРОВИЧ Анатолий Робертович – доктор исторических наук; КАРЕВ Андрей Александрович – доктор искусствоведения, профессор; КАРПОВ Сергей Павлович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор; КОШЕЛЕВА Галина Владимировна (редактор); КОШМАН Лидия Васильевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник; ЛИТВИНА Наталья Викторовна – старший научный сотрудник; МАТВЕЕВ Геннадий Филиппович – доктор исторических наук, профессор; МИРОНЕНКО Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор; ОРЛОВ Степан Владимирович – кандидат экономических наук; ПИВОВАР Ефим Иосифович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; ПОДОСИНОВ Александр Васильевич – доктор исторических наук; РАЕВСКАЯ Ольга Владимировна – доктор филологических наук, профессор; РОГУЛЕВ Юрий Николаевич – кандидат исторических наук; САПРЫКИН Сергей Юрьевич – доктор исторических наук; СЕДОВ Владимир Валентинович – доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, профессор; СИМОНОВ Вениамин Владимирович – доктор экономических наук, профессор; СОЛОПОВА Оксана Вячеславовна – кандидат исторических наук; ТАЛЫЗИНА Анна Аркадьевна – кандидат исторических наук; ФУНК Дмитрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор

Адрес редакции:

119992, Москва, Ленинские горы, исторический факультет, Е-124

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации
Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1554 от 14 февраля 1991 г.

Подписано в печать 18.10.2019. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,5.
Уч.-изд. л. 10,2. Тираж 170 экз. Изд. № 11 222. Заказ №

Издательство Московского университета.
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: http://msupress.com

Отпечатано в типографии ООО «Паблит». 127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1.
Тел.: (495) 230-20-52